МЫСЛИ ПАСКАЛЯ.

Pascal, Blaise

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ИВАНЪ КУТОВСКІЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. П. БОГАРОВА.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 11 Іюня 1840 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

B1901
.P437B8

ЕГО СВѢТЛОСТИ,

ПРИНЦУ

ПЕТРУ ГЕОРГІЕВИЧУ

ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ,

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ.

всепокорнѣйшій слуга

ИВАНЪ БУТОВСКІЙ.

О ЖИЗНИ ПАСКАЛЯ
И
ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Власій Паскаль родился въ Клермонѣ 19-го іюня 1623 года. Отецъ его, занимая въ этомъ городѣ правительственную должность, отличался честнымъ характеромъ, твердыми правилами, и довольно большою ученостью, особенно по части математики. Первою его заботою было развить воспитаніемъ удивительныя способности, замѣченныя имъ въ своемъ сынѣ. Испытательный духъ рано обнаружился въ юномъ Паскалѣ. Еще ребенкомъ онъ

находилъ неизъяснимое удовольствіе слушать бесѣду ученыхъ людей, собиравшихся у отца его. Часто онъ удивлялъ ихъ мѣткими сужденіями или вопросами, которыхъ отнюдь нельзя было ожидать отъ его возраста. На одиннадцатомъ году своей жизни, онъ написалъ маленькое разсужденіе о причинѣ, почему тарелка перестаетъ издавать звукъ отъ удара ножемъ, когда къ ней приложатъ руку.

Подобное направленіе умственной дѣятельности, столь необычайной въ дитяти, испугало стараго Паскаля; онъ боялся, чтобы излишняя привязанность къ математикѣ не повредила его сыну въ изученіи языковъ, и старался потушить, или по-крайности умѣрить его страсть къ исчисленіямъ. Ему запретили бывать въ собраніяхъ, гдѣ онъ находилъ столько пищи своему любопытству; отняли у него всѣ книги, относившіяся къ этому предмету. Но никакія стѣснительныя мѣры

не могли остановить въ его полетѣ геній еще не вполнѣ оперившійся, но уже чувствовавшій свою орлиную мощь. Неотступными просьбами вымоливъ у отца первоначальныя понятія о геометріи, юный Паскаль съ жадностью ухватился за эти слабые намѣки; устремилъ на нихъ всѣ усилія ума своего; въ часы отдохновенія, запирался одинъ въ отдаленный покой: тамъ чертилъ угломъ на полу треугольники, параллелограммы, круги, незная даже имени этихъ фигуръ, и шагъ за шагомъ, ощупью, съ упорствомъ удивительнымъ, успѣлъ наконецъ вывести изъ нихъ законы, и будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду, поразилъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ своихъ разрѣшеніемъ 32-го Эвклидова предложенія, о равенствѣ всѣхъ угловъ треугольника двумъ прямымъ угламъ.

Тогда перестали противиться пламенному рвенію молодаго геометра. Восхищенный, изумленный отецъ снаб-

дилъ его всѣми математическими книгами, представилъ его знаменитѣйшимъ ученымъ того времени, и далъ ему наставниковъ. Паскаль, нетревожимый болѣе въ своихъ наклонностяхъ, съ полною свободою предался наукамъ, угадывая, постигая ихъ прежде чѣмъ успѣвали развивать ихъ передъ нимъ. Скоро онъ могъ уже занимать достойное мѣсто между лучшими геомстрами, и шестнадцати лѣтъ написалъ разсужденіе *о коническихъ сѣченіяхъ*, которое всѣми признано за образецъ ясности и отчетливости.

Наступило время, когда Паскаль-ученикъ сбросилъ съ себя школьныя цѣпи, и когда передъ нимъ открылось обширное поприще дѣятельности. Послѣдуемъ за нимъ въ его геніяльныхъ усиліяхъ, изъ которыхъ многія увѣнчались полнымъ и блестящимъ успѣхомъ.

Ему было 19 лѣтъ когда въ головѣ его родилась мысль составить *Ариѳ-*

метическую машину. Этимъ изобрѣтеніемъ онъ хотѣлъ облегчить въ ученыхъ изысканіяхъ затрудненія и медленность численныхъ выкладокъ. Великихъ напряженій ума стоило ему создать для этой цѣли механизмъ чрезвычайно сложный, и объяснить всѣ его части работникамъ, взявшимся построить машину. Какъ ни значительна польза, которой можно ожидать отъ ней, однако, по крайней ея многосложности, она не вошла въ общее употребленіе. Этотъ упорный и напряженный трудъ, поколебалъ между прочимъ слабое сложеніе Паскаля, и съ этого времени здоровье его постоянно оставалось разстроеннымъ.

Между тѣмъ новыя открытія въ физикѣ привлекли его вниманіе, и представили обильную пищу его пытливости. Галилей и ученикъ его Торричелли, первые поколебали ложное, такъ глубоко укоренившееся мнѣніе, будто отвращеніе къ пустотѣ заста-

вляетъ воду подыматься въ трубкѣ гдѣ произведена пустота. — Послѣдній умеръ, неуспѣвъ рѣшительно удостовѣриться, или удостовѣрить другихъ, что онъ разгадалъ настоящую тайну природы. Паскалю суждено было доказать ясными и неопровержимыми доводами, что не мнимое отвращеніе къ пустотѣ, а тяжесть воздушной колонны, напирающей на ея поверхность, заставляетъ воду подыматься, и то до извѣстной только высоты, въ трубкѣ гдѣ произведена пустота. Онъ повторилъ съ большею точностью опыты, сдѣланные Торричелли надъ ртутью; опредѣлилъ законы повышенія и пониженія ртути въ трубкѣ, подвергнувъ ее наблюденіямъ на различныхъ высотахъ, и ему принадлежитъ слава превращенія простыхъ предположеній италіянскаго ученаго въ неоспоримую истину.

Но нѣтъ полнаго торжества. Честь этого открытія сильно оспоривали у

Паскаля Іезуиты, какъ будто предчувствуя въ немъ своего страшнаго противника. Они упрекали его въ неправильномъ присвоеніи заслугъ Торричелли, которому однако Паскаль всегда отдавалъ полную справедливость, какъ первому испытателю угадавшему истину. Даже Декартъ, котораго честолюбіе не могло насытиться повсемѣстною знаменитостью, изъявилъ притязанія на это открытіе. Но ничто не можетъ оправдать обвиненій зависти; да и какъ могъ бы Паскаль, съ его образомъ мыслей, усвоить себѣ что-либо принадлежащее другому?

Изысканія Паскаля о тяжести воздуха нечувствительно привели его къ изслѣдованію общихъ законовъ, которымъ подчинено равновѣсіе жидкостей. До него этотъ предметъ обращалъ на себя вниманіе *Архимеда* и Фламандца *Стевена*. Уже извѣстно было что жидкости производятъ одинакое давленіе на всѣ стѣны сосуда ихъ

содержащаго; оставалось еще указать въ точности мѣру этого давленія, чтобы вывести изъ нея общія условія равновѣсія. Паскаль употребилъ для этого способъ очень простой; онъ описалъ его въ своемъ сочиненіи объ этомъ предметѣ, которое уже напечатано по смерти его, равно какъ и его разсужденіе о тяжести воздушной колонны.

Къ тому же времени относятся первыя наблюденія надъ перемѣнами высоты, которымъ подвержена колонна ртути въ одномъ и томъ же мѣстѣ, вслѣдствіе различныхъ перемѣнъ погоды. Паскаль принималъ дѣятельное участіе въ этихъ изысканіяхъ, подарившихъ барометръ общему употребленію. Если не всѣ его предположенія о феноменѣ пониженія и повышенія барометрической колонны оправдались, то нельзя не извинить его въ томъ, вспомнивъ ограниченныя учебныя пособія того вѣка.

Изслѣдовавъ теорію жидкости, Паскаль написалъ нѣсколько разсужденій о геометріи. Въ одномъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ: Promotus Apollonius Gallus, онъ распространилъ теорію коническихъ сѣченій; въ другихъ, какъ-то: Tactiones sphaericae, tactiones conicae, loci plani ac solidi, Perspectivae methodus, и прочая, онъ равномѣрно проложилъ себѣ пути совершенно новые. По всей вѣроятности всѣ эти труды затеряны; о нихъ упоминается только въ общемъ исчисленіи твореній Паскаля, найденномъ въ его бумагахъ, и въ письмѣ *Лейбница* къ одному изъ его племянниковъ, 30-го августа 1676 года. Нельзя не упрекнуть безпечныхъ наслѣдниковъ въ необнародованіи такихъ любопытныхъ геометрическихъ изысканій.

Впрочемъ сохранились нѣкоторыя творенія Паскаля, въ которыхъ его геометрическій геній является въ полномъ блескѣ. Къ нимъ должно отнести

его *Ариѳметическій треугольникъ*, и его изысканія *о свойствахъ чиселъ*. Открытіе перваго вполнѣ принадлежитъ Паскалю; важность его признана всѣми знаменитыми математиками; Ньютонъ воспользовался имъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Своими наблюденіями надъ числами, Паскаль оказалъ значительныя услуги еще неизвѣстной тогда Наукѣ *Вѣроятностей*. Онъ даже занимался подробнымъ изученіемъ отрасли этой науки *объ азартныхъ играхъ*. Тогда-же онъ изобрѣлъ двѣ машины очень простыя и употребительныя: одна изъ нихъ есть родъ движущагося стула объ одномъ колесѣ, и въ употребленіи извѣстна подъ названіемъ *тачки* (brouette). Другая есть не что иное какъ длинныя дроги или *роспуски* (haquet).

Всѣ эти труды истощили уже разслабленное здоровье Паскаля. Въ 1647 году его постигнулъ параличъ, кото-

рый лишилъ его почти совершенно употребленія ногъ. Живя въ кругу своихъ родныхъ, онъ находилъ еще нѣкоторое отдохновеніе отъ занятій. Но въ 1651 году онъ потерялъ отца своего, а черезъ два года послѣ того, любимая его сестра, *Жакелина*, удалилась въ монастырь. Тогда одиночество заставило его сильнѣе предаться наукамъ, и отъ этого напряженія тѣлесное разстройство его дошло до того, что врачи принуждены были запретить ему всякаго рода умственныя занятія. Его принудили искать развлеченія. Онъ сталъ показываться въ свѣтѣ; часто приносилъ онъ туда чело задумчивое и суровое, но всегда нравился своею назидательною бесѣдой, которую умѣлъ дѣлать доступною всякому. Общество въ свою очередь полюбилось Паскалю; онъ даже помышлялъ о бракѣ, надѣясь что нѣжная и любезная подруга облегчитъ его страданія, усугубляемыя одиночествомъ. Но неожи-

данное происшествіе совершенно измѣнило его намѣренія.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1654 года, Паскаль по обыкновенію поѣхалъ прогуляться по дорогѣ къ Нейлли въ каретѣ, четверкой. Двѣ передовыя лошади испугавшись, понесли экипажъ и бросились въ Сену. Къ счастью ремни ихъ упряжи порвались, и карета остановилась у самой бездны. Можно себѣ представить, какое потрясеніе произвело это приключеніе въ болѣзненномъ организмѣ Паскаля. Онъ долго не могъ опомниться отъ сильнаго обморока; мозгъ его до того былъ разстроенъ, что впослѣдствіи среди ночей, проводимыхъ безъ сна и въ трудѣ, ему иногда чудилось что онъ видитъ подлѣ постели своей бездну, готовую поглотить его. Той же самой причинѣ приписываютъ нѣкотораго рода видѣніе, которое представилось ему около этого времени; память о немъ онъ сохранилъ во всю

остальную жизнь свою на листѣ бумаги, который всегда носилъ при себѣ зашивъ въ подкладкѣ своей одежды.

Съ самаго дѣтства, отецъ Паскаля, собственною набожностью и совѣтами, старался внушить ему безпредѣльную любовь и уваженіе къ божественному ученію. Эти чувства, хранившіяся въ глубинѣ души его, но нѣсколько усыпленныя науками, пробудились въ эту минуту съ вящшею силою. Чудное спасеніе свое онъ принялъ за голосъ, поданный ему съ неба, побуждающій его прервать всѣ житейскія отношенія, и посвятить остатки своихъ дней единственно Богу. Сестра его, *Жакелина*, примѣромъ и увѣщаніями своими, уже приготовила его къ исполненію этого благочестиваго намѣренія. Итакъ онъ совершенно отрекся отъ свѣта, и сохранилъ связи только съ немногими друзьями, проникнутыми тѣми же мыслями. Правильная жизнь, которую онъ велъ въ уединеніи, принесла нѣ-

которое облегченіе его тѣлеснымъ немощамъ; она доставила ему даже продолжительные промежутки здоровья, и тогда-то написалъ онъ сочиненія особеннаго рода, совершенно противоположнаго математикѣ и физикѣ. Здѣсь-то оказался дивный его геній, съ чрезвычайною легкостью обнимающій предметы самые противоположные.

Тогда въ духовномъ мірѣ возгорѣлась жестокая богословская война. Орденъ Іезуитовъ, возникшій при самомъ началѣ реформаціи, и принявшій въ число своихъ обѣтовъ клятву, всегда дѣйствовать на поддержаніе и возстановленіе власти Римскаго Престола, благодаря искусству и дарованіямъ многихъ изъ его членовъ, успѣлъ пріобрѣсть большую силу почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Главнымъ орудіемъ его было *воспитаніе:* Іезуиты всегда старались втереться для этой цѣли въ знатнѣйшія семейства, и преимущественно простирали свою по-

литику на престоло-наслѣдниковъ и принцевъ царской крови. Чтобы привлечь на свою сторону благорасположеніе высшаго сословія, привыкшаго къ нѣгѣ и удовольствіямъ, и боявшагося правилъ слишкомъ строгихъ, послѣдователи *Лойолы* составили особеннаго рода нравоученіе, въ которомъ умѣли согласить требованія общежитія съ требованіями Вѣры, хотя часто въ ущербъ послѣдней. Помощію этого *послабленнаго* ученія, они пріобрѣли множество приверженцевъ, и отняли многихъ послѣдователей у Лютера и Кальвина, напоминавшихъ своимъ ученіемъ простоту и строгость первоначальныхъ временъ христіанства.

Но Іезуиты не удовольствовались однимъ явнымъ сопротивленіемъ распространявшемуся протестантизму: они покусились также внести разныя перемѣны въ католическую Церковь, и отвергали древнее, освященное му-

чениками ученіе Святыхъ Отцевъ. По ученію Августина, воля и дѣянія человѣческія подчинены вліянію благодати Божіей. Изъ этого ученія вытекали правила, которыхъ строгость отнюдь не согласовалась съ планами и ученіемъ *іезуитскаго общества*. Появилась система испанскаго Іезуита *Молины* о *соглашеніи благодати Божіей съ свободною волею*. Въ ней, защищая свободу человѣческую, Іезуитъ приписываетъ ей кругъ слишкомъ обширный, дѣлаетъ тварь слишкомъ независимою отъ Творца. *Сюарезъ* сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ системѣ Молины, и думалъ что единовременнымъ дѣйствованіемъ Бога и человѣка, можно изъяснить непосредственное дѣйствіе благодати, нелишающее однако человѣка свободы послѣдовать ему или воспротивиться; но это пріобщеніе Божества къ дѣйствіямъ нашей воли слабой и перемѣнчивой, есть тайна столько же

непроницаемая, какъ и прочіе спорные пункты.

Несмотря на опроверженія, доказывавшія шаткость и даже ложность ихъ ученія, Іезуиты провозглашали его вездѣ съ самоувѣренностью, какъ истинное разрѣшеніе затрудненій, встрѣченныхъ Святыми Отцами въ соглашеніи дѣлъ человѣческихъ съ предвѣдѣніемъ Божіимъ. Такія горделивыя притязанія оскорбили старыя школы. Вознегодовали на превосходство, которое хотѣли приписать себѣ эти новые учители, за введеніе въ богословіе нѣкоторыхъ метафизическихъ тонкостей, которыя въ сущности ничего не объясняли, и даже взаимно противорѣчили одна другой. Прѣнія ихъ, особенно съ Доминиканцами, усилились дотого что Римскій Престолъ принужденъ былъ вступиться въ нихъ. Богословы обоихъ орденовъ защищали мнѣнія свои нередъ собраніями, столько извѣстными подъ на-

званіемъ de Auxiliis. Римъ имѣлъ еще въ этомъ случаѣ благоразуміе не произнести ничего рѣшительнаго, и значительная гласность, которую придали этимъ торжественнымъ преніямъ, только усилила ожесточеніе обѣихъ сторонъ.

Тогда какъ подобныя несогласія раздирали Западную Церковь, *Корнелій Янсеній*, мужъ благочестивый, занимался приведеніемъ въ систематическій порядокъ началъ, открытыхъ имъ въ твореніяхъ блаженнаго Августина, совсѣмъ непомышляя о томъ, что имя его послужитъ въ послѣдствіи знакомъ раздора и ненависти. Онъ скончался въ 1638 году, неуспѣвъ довершить труда своего, которому далъ названіе Augustinus. Книга эта обязана всею своею извѣстностью знаменитымъ мужамъ, провозгласившимъ ее, какъ лучшее изложеніе ученія блаженнаго Августина. Аббатъ *Сенъ-Сиранъ*, другъ Янсенія, первый объявилъ

о его твореніи, какъ о настоящемъ хранилищѣ тайнъ предопредѣленія. Къ нему присоединились пустынники Портъ-Ройаля, всенародно исповѣдовавшіе тѣже самыя чувства, и такимъ образомъ Янсеній сдѣлался оракуломъ славнѣйшихъ школъ. То былъ мужъ, посланный Богомъ, говорили они, чтобы служить истолкователемъ *учителя благодати* (такъ называли блаженнаго Августина). Іезуиты сильно возстали противъ сочиненія Янсенія. Они извлекли изъ него пять предложеній, которыя обвинили передъ папскимъ судомъ въ еретичествѣ. Папа (Александръ VII) дѣйствительно призналъ *буллою* 1656 года эти предложенія ложными и неправильными, и подтвердилъ, что они точно находятся въ обвиняемой книгѣ. Но эта булла не повлекла за собою никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствій. Болѣе успѣха имѣли обвинители передъ кардиналомъ *Ришелье*, который, какъ личный врагъ

аббата Сенъ-Сирана, велѣлъ безъ дальнихъ околичностей заключить его въ замокъ Винсеннскій.

При кардиналѣ *Мазаринѣ*, прѣнія эти приняли частію политическій характеръ. Кардиналъ *Ретцъ*, злѣйшій противникъ главнаго министра, находился въ тѣсныхъ связяхъ съ пустынниками Портъ-Ройяля, и этого довольно было чтобы навлечь на нихъ ненависть послѣдняго. Онъ тайно побудилъ духовенство требовать исполненія буллы 1656 года, и такимъ образомъ вопросъ, долженствовавшій потухнуть въ неизвѣстности школъ, сдѣлался причиною ссоры, смущавшей государство втеченіи болѣе ста лѣтъ.

Изъ всѣхъ защитниковъ Янсенія, докторъ *Арнольдъ* показалъ наиболѣе рвенія. Онъ былъ души возвышенной и строжайшихъ нравовъ; привязанность къ тому что считалъ истиною, была непоколебима, и онъ ненавидѣлъ ученіе Іезуитовъ. Эти жаркіе

приверженцы *молинизма* ненавидѣли его еще болѣе. Слѣдующая черта можетъ дать понятіе о ревности, съ которою Арнольдъ поддерживалъ *янсенизмъ*. Однажды, *Николь*, его другъ и сподвижникъ въ богословіи, но съ характеромъ болѣе кроткимъ и дружелюбнымъ, жаловался передъ нимъ, что эта война уже утомила его, и что онъ желалъ бы отдохнуть. «*Отдохнуть*, отвѣчаетъ Арнольдъ, *но развѣ для отдыха тебѣ мало вѣчности.*» Въ подобномъ расположеніи мыслей, Арнольдъ издалъ въ 1655 году письмо, въ которомъ объявилъ, что онъ не нашелъ въ Янсеніи осужденныхъ положеній.

Противъ него вооружилась вся Сорбонна, которой Арнольдъ былъ членомъ. Враги его употребили всевозможныя усилія чтобы подвергнуть его безславію. Представленія друзей принудили его защищаться. Арнольдъ, одаренный отъ природы большимъ

краснорѣчіемъ, но неумѣвшій сообщать своему слогу, сухому и небрежному, прелесть выраженія, которая есть одно изъ главныхъ средствъ убѣжденія, составилъ длинную апологію своихъ понятій и своего ученія. Отдавая справедливость мыслямъ, всѣ нашли однако это сочиненіе тяжелымъ, однообразнымъ и неспособнымъ привлечь мнѣніе на его сторону. Арнольдъ хладнокровно сознался въ томъ, и первый указалъ на Паскаля, какъ на единственнаго человѣка, способнаго заняться этимъ предметомъ со всею потребною важностью и остроуміемъ. Паскаль охотно согласился подать помощь перомъ своимъ дѣлу, въ которомъ участвовали добродѣтельные ученые, любезные его сердцу.

Тогда-то появились знаменитыя *письма къ Провинціялу* (*), нанесшія столь

(*) *Провинціяльныя письма*, названныя такъ вовсе непастоящимъ выраженіемъ, но которое освятило само время, сперва показались подъ заглавіемъ:

глубокій, столь рѣшительный ударъ доктринѣ Іезуитовъ. Для опроверженія ея, Паскаль прибѣгнулъ къ собственнымъ сочиненіямъ ея проповѣдниковъ. Одинъ лишь его геній могъ собрать столько матеріяловъ и составить изъ нихъ сочиненіе, возбуждающее участіе не только богослововъ, но и всѣхъ сословій общества.

Чрезвычайно любопытно слѣдовать за нимъ, какъ онъ камень по камню разбираетъ рухлое зданіе Іезуитовъ; преслѣдуетъ ихъ повсюду, не даетъ имъ ни отдыха ни времени приготовиться къ оборонѣ, овладѣвая безпрестанно ихъ собственнымъ оружіемъ и обращая его противъ нихъ. Разговорная и часто шуточная форма, принятая Паскалемъ въ этихъ письмахъ, придаетъ имъ занимательность несра-

---

«Письмо Людовика Монтальта къ другу его Провинціялу, и къ отцамъ Іезуитамъ RR. о морали и политикѣ этихъ Отцевъ.»

вненную, и эта занимательность кажется наиболѣе повредила *обществу*. Никто не сталъ бы читать сухихъ и огромныхъ диссертацій доктора Арнольда, пугавшихъ своимъ догматисмомъ. Всякій напротивъ охотно беретъ книгу Паскаля, которая, доставляя пріятное развлеченіе, въ тоже время содержитъ спасительное предостереженіе отъ *потворствующаго* ученія послѣдователей Лойолы. Тщетны были всѣ ихъ усилія отклонить отъ себя обвиненія, такъ ясно и неопровержимо взнесенныя на нихъ краснорѣчивымъ перомъ Паскля. Въ то время они не имѣли ни одного искуснаго писателя, котораго можно было бы противопоставить автору *Провинціяльныхъ писемъ*. Все что ими издано противъ нихъ столько же слабо по слогу какъ и по сущности, и не могло имѣть никакого успѣха, тогда какъ во всей Франціи съ жадностью читали *Провинціяльныя письма*. Янсенисты поспѣшили пере-

вести ихъ на иностранные языки, и всеобщій голосъ поднялся противъ Іезуитовъ. Ихъ ученіе провозгласили развращеннымъ, и съ того времени они утратили большую часть своего нравственнаго вліянія.

Ненависть, обнаруженная ими въ этой борьбѣ, вооружила умы противъ нихъ. Происками и криками, Іезуиты успѣли наконецъ въ томъ, что *Провинціяльныя письма* въ 1660 году всенародно сожжены во Франціи на площади, руками палача. Но эти насильственныя мѣры не могли возстановить прежняго могущества ордена; напротивъ, онѣ только раздули пламя, которое, можетъ быть, утихнуло бы и погасло, еслибъ на него не обратили вниманія. Не худо замѣтить при этомъ, что осудивъ въ 1657 году *Провинціяльныя письма,* Папскій Престолъ въ 1665 и 1666-мъ осудилъ тѣ самыя правила Іезуитовъ, отъ которыхъ зна-

менитый авторъ такъ краснорѣчиво старался остеречь вѣрующихъ.

Въ отношеніи слога, *Провинціяльныя письма* всегда будутъ занимать высокое мѣсто въ литературѣ французской. Они появились въ то время, какъ господствовало всеобщее подражаніе *Древнимъ*, которыхъ считали единственными законодателями вкуса, и несмотря на то, всѣхъ плѣнили изяществомъ и оригинальностью слога, въ которомъ нѣтъ стихій, заимствованныхъ у Римлянъ или у Грековъ. Въ этомъ сочиненіи, Паскаль рѣшительно отгадалъ и установилъ языкъ французскій. *Вольтеръ*, неблагопріятствовавшій памяти Паскаля, признается однакожъ, «что въ лучшихъ комедіяхъ Мольера нѣтъ столько соли, какъ въ *первыхъ Провинціяльныхъ письмахъ*, и что Боссюэтъ не можетъ ничего представить возвышеннѣе *послѣднихъ*.»

Три года продолжалась борьба Паскаля съ Іезуитами. Она-то помѣшала

ему продолжать важное сочиненіе, которое онъ давно уже обдумывалъ, въ доказательство истинъ Христіанской Вѣры. Въ различныя времена, онъ набросалъ на бумагу *Мысли*, долженствовавшія войти въ его планъ. Въ 1658 году, онъ рѣшительно хотѣлъ исполнить свое намѣреніе; но здоровье его разстроилось до того, что онъ никогда не могъ довершить своего прекраснаго предпріятія, и намъ достались одни лишь отрывки.

Возобновленіе тѣлесныхъ недуговъ его началось сильною зубною болью, недававшею ему покоя ни днемъ, ни ночью. Томимый безсонницею, онъ въ глубокихъ математическихъ соображеніяхъ искалъ облегченія своимъ мукамъ и занимался разрѣшеніемъ проблеммъ, относящихся къ *Циклоидѣ*. Открытія его въ этомъ предметѣ считаются понынѣ между величайшими усиліями человѣческаго разума. Многіе ученые, въ томъ числѣ *Роберваль*

и *Торричелли*, старались опредѣлить эту *кривую* кругообразную линію, играющую такую важную роль въ математикѣ. Но сочиненія ихъ не содержатъ удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые къ ней относятся. Для этого надлежало создать новую геометрію, или по-крайней-мѣрѣ совершенно новое примѣненіе началъ, уже извѣстныхъ.

Менѣе чѣмъ въ восемь дней, среди самыхъ жестокихъ страданій, Паскаль открылъ методу, обнимавшую всѣ неразрѣшенные вопросы о *Циклоидѣ*. Отъ его открытій оставался одинъ только шагъ къ исчисленіямъ диффереціальнымъ и интегральнымъ: и все заставляетъ предполагать, что посвятивъ еще нѣсколько времени геометріи, Паскаль похитилъ бы у *Лейбница* и *Ньютона* славу изобрѣтенія этихъ исчисленій.

Между тѣмъ, онъ скорыми шагами приближался къ гробу. Три послѣдніе

года его жизни были, такъ сказать, одни лишь продолжительныя предсмертныя мученія. Онъ почти совершенно лишился возможности предаваться размышленіямъ. Въ короткіе промежутки спокойствія, исторгаемые у болѣзни, онъ занимался своимъ сочиненіемъ *о Вѣрѣ*, писалъ свои *мысли* на первыхъ клочкахъ бумаги, ему попадавшихся, и когда ослабѣвшая рука роняла перо, вѣрный и расторопный слуга писалъ ихъ со словъ его.

Эти отрывки были собраны по смерти Паскаля, и отшельники Портъ-Ройаля составили изъ нихъ небольшую книгу, которая вышла въ свѣтъ въ 1670 году, подъ заглавіемъ: *Мысли г. Паскаля о Вѣрѣ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ*. Съ тѣхъ поръ онѣ были пополнены другими, найденными въ его бумагахъ, и приведены въ систематическій порядокъ, въ которомъ нынче Русскій Переводчикъ предлагаетъ ихъ Публикѣ.

Въ этомъ собраніи находятся многіе отрывки неполные, слишкомъ краткіе, слишкомъ мало развитые, часто неудовлетворительно выраженные; другіе отличаются глубокомысленностью и краснорѣчіемъ неподражаемыми. Иногда авторъ раскрываетъ мысль свою только вполовину, и ее трудно отгадать; въ другихъ случаяхъ онъ передаетъ ее со всею важною ясностью, съ краткостью удивительною. Эти неравенства слога зависятъ отъ физическаго расположенія автора, въ которомъ находились его органы. Вообще ходъ рѣчи его важный и степенный; онъ увлекаетъ и порабощаетъ читателя, разбираетъ и глубоко проникаетъ многіе великіе предметы, какъ-то: необходимость изучать Божественное Ученіе; выставляетъ историческіе и нравственные доводы, доказывающіе его истину, отличительные признаки, по которымъ должно въ немъ убѣждаться, божественность Іисуса Христа, и

т. п. Мы не можемъ слѣдовать за нимъ въ подробности; ограничимся однимъ общимъ и короткимъ изложеніемъ его плана.

«Какія мысли рождаются въ человѣкѣ, брошенномъ на землю, имѣющемъ разумъ и окруженномъ всѣми чудесами природы? Все безъ сомнѣнія вѣщаетъ ему о Верховномъ Существѣ, извлекшемъ міръ изъ ничтожества и правящемъ имъ свободно. Но уже ли одно холодное изумленіе пробудится въ душѣ его, при созерцаніи такого множества дивныхъ дѣлъ? Ужели то будетъ единственное почитаніе, которое разумная тварь воздастъ Творцу? Развѣ не лежитъ на ней вѣчная дань благодарности и благоговѣнія? Но какого поклоненія требуетъ отъ насъ это Верховное Существо? Вопросимъ философовъ, заглянемъ въ Исторію народовъ, бросимъ взглядъ на ихъ законы, ихъ обычаи, ихъ религіозныя мнѣнія. Какое зрѣлище раскроется передъ нами:

множество философскихъ сектъ спорятъ о свойствѣ Верховнаго Существа, о назначеніи человѣка, о наградахъ и наказаніяхъ, которыхъ онъ долженъ страшиться или надѣяться; цѣлыя страны покланяются богамъ, которые развращеніе самихъ людей; религіи раждаются и умираютъ вмѣстѣ съ государствами; повсюду обманъ и суевѣріе облекаютъ религію мрачнымъ покровомъ. Среди этой мглы заблужденій, народъ, живущій въ Палестинѣ, близъ береговъ Средиземнаго Моря, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе необыкновенными обстоятельствами своей Исторіи. У него находимъ книгу, которая содержитъ и исторію его происхожденія, и законы его гражданскаго устройства, и его служеніе Творцу. Всѣ другіе народы имѣли ложное понятіе о Богѣ; онъ одинъ представляетъ его въ достойномъ его величіи; одинъ ясно провозглашаетъ, что вселенная есть созданіе Бога; что

человѣкъ получилъ частицу его безконечной премудрости; но что тварь возмутившись противъ Творца, утратила большую часть даровъ его благости, и съ той минуты сдѣлалась добычею грѣха, страданій и смерти. Это простое, столь естественное сказаніе, объясняетъ лучше всѣхъ философскихъ системъ начало зла, существующаго на землѣ, и служитъ точкою опоры нашимъ надеждамъ на лучшую жизнь. Углубляясь болѣе и болѣе въ Исторію народа Іудейскаго, убѣждаешься что онъ зналъ истину; что онъ принялъ ее непосредственно отъ самаго виновника ея; поражаешься божественностью Писанія; дивишься осуществленію Пророчествъ; видишь какъ раждается и созидается на непоколебимыхъ основаніяхъ ученіе христіанское—довершеніе того что Богъ далъ Іудеямъ на срочное время.»

Паскаль былъ проникнутъ истиною Вѣры христіанской; онъ считалъ ее

необходимою людямъ, для устраненія ихъ сомнѣній, для облегченія бѣдствій жизни, и особенно для утѣшенія насъ въ послѣднія минуты, когда душа, лишенная всякой опоры, готова низринуться въ неизмѣримость вѣчности. На знаніи сердца человѣческаго онъ утвердилъ много доводовъ въ пользу религіи. Онъ полагалъ даже, что вообще полезнѣе пробуждать въ людяхъ любовь къ религіи, чѣмъ доказывать ее доводами, которыхъ силу и вѣсъ не могутъ постигнуть всѣ умы.

И подлинно, онъ иногда прибѣгаетъ къ своей непобѣдимой логикѣ, и съ чудесною ясностью, столь нестерпимою для суетныхъ мыслителей, опровергаетъ сомнѣнія, которыми они окружили нѣкоторые священные предметы. Но чаще онъ съ презрѣніемъ бросаетъ это орудіе, и съ коренною Вѣрою праведника указываетъ на небеса, на землю, на весь видимый міръ —на сіи краснорѣчивыя письмена, въ

которыхъ Всевышній открылся тварямъ разумнымъ. Онъ не ищетъ, не придумываетъ доказательствъ; но проникаетъ въ самую глубь души, и оттуда вызываетъ голосъ, который сливается съ его голосомъ. Въ наше время, одинъ изъ французскихъ писателей, справедливо стяжавшій вѣнокъ славы и безсмертія, посвятилъ перо и прекрасныя дарованія свои тому же предмету. Явившись въ то время, какъ Западъ Европы, взволнованный революціею, всюду разсѣвалъ превратныя понятія о религіи, онъ съ благородною отважностью провозгласилъ себя поборникомъ Христіанства. Отдадимъ полную дань уваженія высокимъ чувствамъ его одушевлявшимъ; пожалѣемъ только, что онъ выказалъ въ трудѣ своемъ излишнюю человѣческую смѣлость, которая судитъ о божественныхъ истинахъ не по силамъ смертнаго: возможноль ограниченному разуму опредѣлить безконечное? Возможно ли

такимъ мелкимъ масштабомъ измѣрять неизмѣримое? Посмотрите на Паскаля, притязанія его не такъ велики. Онъ не беретъ цѣлой вселенной чтобы доказать высокія божественныя истины. Каждый предметъ, намъ представляющійся въ природѣ, развѣ не заключаетъ достаточнаго доказательства безконечной силы и премудрости? Для человѣка, душевно проникнутаго Вѣрою, каждая вѣтка, каждое насѣкомое, каждая песчинка вѣщаетъ о Богѣ; ему стоитъ только оглядѣться, и мысль эта вѣетъ на него отвсюду, какъ нѣкое живительное дыханіе.

Таковъ Паскаль въ *своихъ Мысляхъ*. Слогъ его простъ, доступенъ для всякаго; подъ его перомъ самыя отвлеченныя истины дѣлаются ясными. Кажется видишь Философа христіанина, погруженнаго въ думу, внимающаго, посреди безмолвія, чьему-то невѣдомому голосу; онъ бесѣдуетъ съ своей одинокою мыслію, и никакое иное

помышленіе ни о выраженіи, ни о наружномъ блескѣ, не примѣшивается къ его духовному созерцанію. Рѣчь его имѣетъ всю красоту, всю выразительность истины, о которой онъ вѣщаетъ. Въ ней не проглядываетъ ни малѣйшій слѣдъ усилія : величественная и прекрасная, она рѣшительно заслоняетъ человѣка.

Кто ищетъ животворнаго ключа, для утоленія нравственной жажды души своей, тотъ найдетъ его въ этихъ назидательныхъ *Отрывкахъ*. Эти *Мысли*, въ которыхъ душа Паскаля излилась среди самыхъ жестокихъ страданій тѣлесныхъ, всегда съ восторгомъ погружавшаяся въ божественные помыслы, помирятъ читателя съ его мятежнымъ разсудкомъ. Въ часы уединенія, онъ найдетъ въ нихъ успокоеніе, когда утомятъ его треволненія свѣта; найдетъ тамъ сладостное утѣшеніе, когда сердце его поникнетъ подъ гнётомъ несчастій. *Мысли* эти напомнятъ

ему о блаженствѣ, передъ которымъ исчезаютъ всѣ понятія міра о счастіи. Онѣ предостерегутъ его отъ гибельныхъ заблужденій, спасутъ отъ жалкаго тщеславія, отъ опасной самонадѣянности. Зажгутъ въ немъ свѣтозарный пламенникъ Вѣры, той Вѣры, дѣятельной и живой, которая изобразилась въ этомъ трудѣ.

Эта Вѣра подвизала Паскаля на исполненіе *самыхъ суровыхъ требованій Евангельскаго Ученія*. Онъ исполнялъ всѣ обязанности христіанина, какъ смиреннѣйшій изъ вѣрующихъ. Никогда не пропускалъ Божественной службы своего прихода, кромѣ случаевъ крайняго разслабленія. Въ домашней жизни безпрестанно старался умерщвлять свои чувства и возносить свою душу къ Богу. Онъ принялъ за правило отказываться отъ всякаго удовольствія, всякаго излишества. «Онъ такъ забо«тился объ устраненіи всего, что ка«залось ему безполезнымъ, говоритъ

«сестра его, г-жа Перье, что велѣлъ
«снять въ своей комнатѣ всѣ обои, какъ
«предметы роскоши, предназначенные
«единственно для удовольствія глазъ.
«Когда его принуждали, для поддер-
«жанія здоровья, къ чему-либо льстив-
«шему его чувственности, онъ тща-
«тельно отклонялъ отъ себя всякій по-
«мыселъ объ удовольствіи. Не могъ
«терпѣть, чтобы при немъ хвалили яст-
«ва; хотѣлъ, чтобы ѣли единственно для
«удовлетворенія аппетита, а не для
«услажденія вкуса. Съ самаго начала
«своего отшельничества, онъ назна-
«чилъ количество пищи, необходимой
«для него; никогда не прибавлялъ и
«не убавлялъ этой мѣры, какое бы ни
«чувствовалъ къ тому отвращеніе. Бла-
«готворительность его была неисто-
«щима; онъ считалъ бѣдныхъ своими
«настоящими братьями; любовь его къ
«нимъ простиралась дотого, что онъ ни-
«когда не могъ отказать имъ въ подая-
«ніи, хотя часто принужденъ былъ

«употреблять на то свое необходи-
«мое.»

За нѣсколько времени до своей кончины, онъ далъ прибѣжище въ своемъ домѣ одному бѣдняку съ малолѣтнимъ сыномъ, единственно изъ христіанскаго состраданія. На ребенкѣ открылась оспа и его нельзя было перемѣстить въ другой домъ, безъ опасности. Паскаль самъ былъ очень боленъ; онъ безпрестанно нуждался въ помощи г-жи Перье, переѣхавшей для него изъ деревни въ Парижъ. Она жила въ другомъ домѣ съ дѣтьми своими, и Паскаль, боясь подвергнуть ихъ заразѣ, пожертвовалъ своимъ спокойствіемъ въ пользу бѣднаго; оставилъ свой домъ и переселился къ сестрѣ въ маленькую комнату, совсѣмъ неудобную для него. Къ этой чертѣ его благотворительности можно бы присоединить еще многія другія.

Но при этомъ благотворительномъ расположеніи духа, Паскаль, убѣжден-

ный, что законъ Божій запрещаетъ слишкомъ предавать сердце свое конечнымъ тварямъ, насильно умѣрялъ любовь къ родственникамъ. Никому не показывалъ онъ той живой и заботливой привязанности, которую такъ высоко цѣнятъ въ свѣтѣ; не хотѣлъ также, чтобы ему оказывали подобную же. Любовь его къ цѣломудрію была безпредѣльна; онъ не могъ терпѣть рѣчей, заключавшихъ малѣйшій безнравственный намекъ. Онъ дотого простиралъ свою строгость въ этомъ отношеніи, что охуждалъ сестру, когда она цѣловала своихъ дѣтей. Чувство собственнаго превосходства иногда увлекало его невольно, и онъ всегда носилъ на себѣ желѣзный поясъ, усѣянный колючками; и если ему случалось замѣтить въ себѣ какое-либо движеніе гордости, онъ билъ локтемъ по поясу, чтобы удвоить его уязвленія и возвратить себя къ чувствамъ скромности и христіанскаго смиренія.

Нельзя безъ особеннаго умиленія помыслить о томъ, какъ этотъ высокій умъ смирялся передъ неисповѣдимымъ Всемогуществомъ Божіимъ. Во всю жизнь свою Паскаль оставался убѣжденъ, что исцѣленіе одной изъ его племянницъ, вслѣдъ за прикосновеніемъ къ святымъ останкамъ Терноваго Вѣнца, было настоящее чудо Божіе. Среди невѣрія и скептицизма, овладѣвавшихъ обществомъ, Вѣра столь глубокая, столь искренняя въ мужѣ просвѣщеннѣйшемъ, не служитъ ли однимъ изъ самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ истинъ религіи!

Въ послѣдніе годы своей жизни, Паскаль испыталъ всѣ муки души и тѣла. Онъ былъ тогда сильно огорченъ началомъ продолжительнаго гоненія, причинившаго наконецъ паденіе Портъ-Ройальскаго аббатства, гоненія, воздвигнутаго Іезуитами. Одною изъ первыхъ жертвъ неумолимой вражды ордена, была сестра Паскаля, *Жакелина*;

она скончалась въ 1661 году отъ душевнаго изнуренія въ этой несчастной борьбѣ. Паскаль тщетно старался отвратить бѣдствія, грозившія друзьямъ его, и безъ сомнѣнія это горестное обстоятельство много содѣйствовало ускоренію его смерти.

Въ 1662 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, его мучило жестокое и безпрерывное колотье, почти совершенно лишавшее сна. Врачи сочли неопасными эти припадки; но Паскаль совсѣмъ не раздѣлялъ съ ними ихъ хладнокровія; съ перваго разу онъ объявилъ, что они обманываются и что онъ долженъ умереть отъ этой болѣзни. Съ спокойствіемъ праведника, онъ нѣсколько разъ исповѣдывался и хотѣлъ пріобщиться Святыхъ Таинъ; но чтобы утѣшить друзей своихъ согласился на отсрочку, къ которой принуждали его врачи, увѣряя, что онъ скоро будетъ въ состояніи пойти самъ принять Святое Причастіе въ церкви. Между тѣмъ болѣзнь

его усиливалась; къ колотью, раздиравшему ему внутренность, присоединилась нестерпимая головная боль и частые обмороки; скоро страданія возрасли до высшей степени. Несмотря на то, покорность его волѣ Божіей была неизмѣнна; онъ не показалъ ни малѣйшаго знака досады или нетерпѣнія. Воображеніе его, разгоряченное жестокостью недуга, занималось одними лишь благотворительными распоряженіями. Онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе, въ которомъ бѣдные получили наилучшую долю; онъ желалъ бы даже оставить имъ все свое имущество, если бъ это не слишкомъ повредило его небогатымъ племянникамъ. Не въ состояніи будучи сдѣлать ничего болѣе для бѣдныхъ, онъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ умереть между ними; втеченіи нѣсколькихъ дней неотступно просилъ, чтобы его перенесли въ больницу des incurables (неизлѣчимыхъ), и его успѣли отвратить отъ этой мы-

сли однимъ лишь обѣщаніемъ, что по излѣченіи онъ можетъ свободно посвятить на служеніе бѣднымъ всю свою жизнь и всю свою собственность. Во время всѣхъ этихъ волненій, 17-го августа, съ нимъ сдѣлался припадокъ, такой сильный, что его сочли умершимъ; всѣ ходившіе за нимъ, пришли въ отчаяніе что не исполнили желанія, такъ часто имъ изъявленнаго, причаститься Таинъ Евхаристіи. Но они были утѣшены, когда онъ опамятовался. Въ ту же минуту вошелъ священникъ; онъ несъ святыню, говоря: *Вотъ тотъ кого вы такъ сильно желали.* Паскаль приподнялся съ одра своихъ страданій, и принялъ Причастіе съ благоговѣніемъ и покорностью, исторгнувшими слезы у всѣхъ присутствующихъ. Минуту спустя, припадки его возобновились и уже не прекращались до послѣдняго его дыханія. Онъ скончался *29-го августа* 1662 *года, на сороковомъ году* своей жизни.

Сколько надеждъ унесла въ могилу эта рановременная кончина! Сколько благодѣяній могъ бы еще оказать свѣту дѣятельный и многосторонній геній Паскаля! Оплакивая неумолимую жестокость рока, мы должны однако утѣшаться мыслію, что эта краткая, но полная жизнь оставила слѣдъ самый свѣтлый, слѣдъ, указующій людямъ стезю къ истинному спасенію. И такъ міръ видѣлъ сочетаніе мудрости и глубокой учености съ христіанскою простотою, въ одномъ и томъ же человѣкѣ, заслужившемъ уваженіе современниковъ и удивленіе потомства. И такъ душа, влекомая къ божественнымъ истинамъ, но слабая и неувѣренная въ самой себѣ, можетъ смѣло послѣдовать благому влеченію, невнимая чуждымъ внушеніямъ. Передъ нею превосходный примѣръ: Паскаль, проникнувшій всѣ тайны науки, и вмѣсто жалкаго сомнѣнія, въ которое вверглась суетность иныхъ мудрецовъ,

почерпнувшій въ обширныхъ познаніяхъ своихъ одну лишь новую непоколебимую увѣренность въ божественности Евангельскаго Ученія; Паскаль, удивлявшій современниковъ своею необыкновенною ученностью, и въ тоже время носившій колючій поясъ на чреслахъ своихъ и находившій болѣе мудрости въ чистосердечіи младенца, чѣмъ во всѣхъ толкованіяхъ философіи. Небольшаго собранія его *Мыслей* довольно уже, чтобы сокрушить и попрать совершенно все ученіе вольнодумцевъ. Какъ единый волосъ праведника, перевѣшивающій всѣ беззаконія порока передъ Вышнимъ Судомъ, этотъ болѣзненный голосъ, поданный съ края могилы, но крѣпкій всею силою убѣжденія, долженъ заглушить всѣ крики и толки, которыми наполнили Европу въ XVIII столѣтіи мнимые законодатели мудрости, и которыхъ эхо еще и понынѣ не вездѣ замолкло. Отважные проповѣдники скептицизма это чув-

ствовали; среди ихъ самонадѣянныхъ и дерзкихъ витійствъ, когда, казалось, ихъ вкрадчивое ученіе готово было поглотить весь, такъ называемый, просвѣщенный міръ, передъ ними часто являлась грозная тѣнь Паскаля. Тщетно силились они ослабить его изобличительное слово, безпокоившее ихъ изъ-за предѣловъ жизни. Нерѣдко, въ безсильной досадѣ, они прибѣгали къ жалкому орудію клеветы. Такъ старались они распространить мнѣніе, что въ послѣдніе годы, въ которые Паскаль преимущественно открылъ свѣту свои религіозныя правила, голова его была разстроена. «Другъ мой,» писалъ Вольтеръ къ Кондорсету, «не заставляй меня повторять тебѣ, что со «времени приключенія съ Паскалемъ «на дорогѣ въ Нейлли, разсудокъ его «повредился.» Одно только небольшое затрудненіе представляется въ этой лжи: этотъ разсудокъ, повредившійся въ 1654 году, произвелъ въ 1656-мъ

Провинціяльныя письма, а въ 1658 *рѣшеніе проблемъ, относящихся* къ *Циклоидѣ*, и наконецъ, можемъ повторить, и эти самыя *Мысли*, которыя предлагаемъ въ переводѣ нашимъ Читателямъ.

Иванъ Бутовскій.

МЫСЛИ ПАСКАЛЯ.

ЧАСТЬ I.

СОДЕРЖАЩАЯ МЫСЛИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ФИЛОСОФІИ, НРАВСТВЕННОСТИ И СЛОВЕСНЫМЪ НАУКАМЪ.

—

СТАТЬЯ I.

Объ авторитетѣ въ предметахъ философскихъ.

—

Уваженіе къ древнимъ, въ предметахъ, гдѣ и не слѣдовало бы давать ему силу, нынче до того дошло, что всякую мысль ихъ считаютъ оракуломъ, и все темное въ нихъ какою-то таинственностью. Нельзя съ увѣренностію предложить отъ себя ничего новаго; однимъ текстомъ древняго писателя, уничтожатъ сильнѣйшія дока-

зательства. Я не намѣренъ поправлять одинъ порокъ другимъ, и нивочто ставить древнихъ, потому что ужъ слишкомъ ихъ уважаютъ. Не хочу также уронить авторитетъ, чтобы дать мѣсто одному умствованію, хотя и стараются поддерживать одинъ авторитетъ, чтобы вытѣснить умствованіе. Но надобно различать предметы, которые хотимъ узнать: одни зависятъ просто отъ памяти, и суть совершенно *историческіе*, то есть, когда предполагается цѣлію только узнать: что́ писали древніе. Другіе зависятъ единственно отъ умствованія, и суть совершенно *догматическіе*, когда дѣло идетъ объ изслѣдованіи и открытіи истинъ сокровенныхъ. Это различіе должно служить мѣрою уваженія къ древнимъ. Если хотимъ имѣть только понятіе, что́ писали древніе о такомъ-то предметѣ, напримѣръ: исторіи, географіи, языкознаніи, богословіи; короче, если просто любопытствуемъ знать о какомъ-

нибудь событіи, постановленіи, божественномъ или человѣческомъ; въ такомъ случаѣ необходимо прибѣгать къ книгамъ, въ которыхъ содержится то чего ищемъ. Ясно, что книги доставятъ свѣдѣніе удовлетворительное, и тутъ ужъ невозможно дѣлать отъ себя дополненій. Такимъ образомъ, когда любопытствуемъ знать, кто былъ первый король во Франціи, въ какомъ мѣстѣ географы проводятъ первый меридіанъ, какія слова больше употреблялись въ языкѣ мертвомъ, и тому подобное; то гдѣ же, какъ не въ книгахъ, почерпать свѣдѣнія. И что тутъ придумывать новаго, когда хотимъ знать только мнѣніе древнихъ? Здѣсь одинъ авторитетъ можетъ служить свѣтильникомъ. Но если гдѣ важна сила его, такъ это въ богословіи, съ которымъ нераздѣльна истина. Мы только чрезъ него и познаемъ истину: такъ что для совершеннаго убѣжденія въ предметахъ самыхъ трудныхъ и недо-

ступныхъ разуму, стоитъ только указать ихъ въ Священномъ Писаніи; равно какъ для изобличенія невѣрности вещей самыхъ правдоподобныхъ, стоитъ сослаться на Священное Писаніе, что тамъ о нихъ не упоминается. Неоспоримо что начала богословія безконечно выше природы и разума, и человѣкъ слишкомъ мало способный постигать ихъ собственными усиліями, не иначе можетъ вознестись къ этимъ высокимъ истинамъ, какъ одною всемогущею и сверхъестественною силою.

Не такъ бываетъ съ предметами подлежащими чувствамъ или размышленію. Тутъ авторитетъ безполезенъ; ихъ можетъ постигать и разумъ. — Тотъ и другой имѣютъ свои права. Въ одномъ случаѣ авторитетъ беретъ преимущество; въ другомъ разумъ. И какъ предметы этого рода не выходятъ изъ круга умственныхъ способностей, то разумъ можетъ дѣйствовать и разширяться съ полною свободою; его неисто-

щимая плодовитость безпрестанно производитъ новое, и его изобрѣтенія могутъ быть въ одно время безконечны и безпрерывны.

Такимъ образомъ геометрія, ариѳметика, музыка, физика, врачебное искусство, зодчество, и всѣ науки, основанныя на опытѣ и размышленіи, должны распространять предѣлы свои, чтобы достигнуть совершенства. Древнимъ онѣ достались отъ предшественниковъ, такъ сказать, въ однихъ очеркахъ: мы оставимъ ихъ потомкамъ нашимъ въ лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ сами получили. Такъ какъ усовершенствованіе зависитъ отъ времени и трудовъ, то очевидно, что хотя наши труды и наше время, отдѣльно взятые, не принесли бы той пользы, какую доставили ихъ труды; но тѣ и другіе, въ совокупности, должны болѣе споспѣшествовать усовершенствованію, чѣмъ каждые порознь.

Объяснивъ это различіе, нельзя не

пожалѣть о слѣпотѣ людей, которые въ предметахъ физическихъ основываютъ всѣ доказательства свои на одномъ авторитетѣ, а не на опытахъ или размышленіи; и нельзя также не почувствовать отвращенія къ злонамѣренности тѣхъ, которые руководствуются въ богословіи единственно умствованіемъ, а не свидѣтельствомъ Божественнаго Писанія и Святыхъ Отцовъ. Надобно ободрять людей робкихъ, которые боятся вводить новости въ науки естественныя; и останавливать суемудріе безумцевъ, которые дерзаютъ вводить свои мечты въ богословіе.

Къ несчастію нашего вѣка, въ богословіи-то много новыхъ мнѣній, неизвѣстныхъ древнимъ, упорно защищаютъ и принимаютъ съ громкимъ одобреніемъ; а все новое въ наукахъ естественныхъ, хотя и въ не большомъ количествѣ, считаютъ ложнымъ, если оно сколько-нибудь противорѣчитъ принятому мнѣнію: какъ-будто уваже-

ніе къ древнимъ философамъ есть нашъ долгъ, а уваженіе къ древнѣйшимъ Отцамъ Церкви — одно только приличіе!

Предоставляю людямъ разсудительнымъ замѣтить, какъ важно злоупотребленіе, столь грубо превращающее порядокъ наукъ; и думаю, мало найдется такихъ которые не согласились бы, что нашимъ изслѣдованіямъ нужно дать другое направленіе, по той причинѣ, что всякое нововведеніе въ предметахъ богословскихъ, столь оскорбляемыхъ безнаказанно, есть уже заблужденіе; напротивъ того нововведенія необходимы для усовершенствованія многихъ предметовъ низшаго рязряда, къ которымъ у насъ не смѣютъ прикоснуться.

Установимъ болѣе правильный раздѣлъ между нашею довѣрчивостью и недовѣрчивостью: ограничимъ уваженіе наше къ древнимъ; разумъ пораждаетъ его, онъ же долженъ положить ему мѣру. Эти самые древніе, еслибъ никогда

не отваживались ничего прибавлять къ познаніямъ отъ предковъ полученнымъ, или еслибъ современники ихъ съ такимъ же упорствомъ противились принятію предлагаемыхъ ими новыхъ истинъ, — лишили бы и самыхъ себя и потомство плодовъ своихъ изобрѣтеній.

Однако мы видимъ, что они употребляли оставленныя имъ открытія въ наукахъ средствами къ открытіямъ новымъ, и эта счастливая отважность пролагала имъ путь къ вещамъ важнымъ; почему же и намъ не поступать также съ познаніями, которыя они для насъ пріобрѣли, и также употреблять ихъ средствами, а не конечною цѣлью нашихъ изысканій, — и такимъ образомъ, подражая имъ, стараться ихъ превзойти. Справедливо ли будетъ съ нашей стороны, оказывать древнимъ болѣе довѣренности, чѣмъ они своимъ предшественникамъ, и питать къ нимъ это особенное уваженіе, тѣмъ только и

заслуженное ими, что они въ свое время не уважали людей, которые такое же передъ ними имѣли преимущество, какое они передъ нами?

Тайны природы сокровенны. Хотя дѣятельность ея не прерывается, но не всегда замѣчаемъ ея дѣйствія : они открываются по временамъ ; и хотя природа всегда одинакова, но не всегда равно познается. Мы постигаемъ ее лишь чрезъ опыты, которые размножаются безпрестанно; а какъ они единственныя основанія физики, то и слѣдствія ихъ умножаются въ той же соразмѣрности.

Такимъ образомъ намъ можно имѣть другія мысли и новыя мнѣнія, ни мало не презирая древнихъ, и неоказывая имъ неблагодарности. Первоначальныя познанія, которыя мы получили отъ нихъ, послужили къ развитію собственныхъ нашихъ. Пользуясь этою выгодой, мы беремъ нѣкоторео

преимущество передъ ними, и этимъ обязаны имъ самимъ; они поставили насъ на такую степень, откуда легко уже подниматься вверхъ; и мы теперь, съ меньшимъ трудомъ и съ меньшею для насъ славою, стали выше ихъ, и на такую точку съ которой можемъ усматривать предметы для нихъ закрытые. Кругъ зрѣнія нашего гораздо обширнѣе: и хотя они знали не хуже насъ, все что могли замѣтить въ природѣ, но мы дальше ихъ видимъ, и наши познанія гораздо больше объемлютъ.

При всемъ томъ, какое-то странное благоговѣніе имѣютъ къ древнимъ. Считаютъ преступленіемъ противорѣчить имъ и прибавить что-нибудь отъ себя: какъ-будто послѣ нихъ не осталось уже истинъ, еще непзвѣданныхъ!

Не значитъ ли унижать человѣческій разумъ и равнять его съ *инстинктомъ* животныхъ, уничтожая то существенное между ими различіе, что дѣйствія разума безпрестанно совершенствуются, а

инстинктъ всегда остается одинаковъ? Пчелиные улья были такъ же хорошо размѣрены за тысячу лѣтъ какъ и теперь, и каждая ячея составляла шестиугольникъ равно правильный какъ въ первый такъ и въ послѣдній разъ. Тоже можно сказать и о всѣхъ проявленіяхъ животнаго инстинкта. Природа научаетъ животныхъ по мѣрѣ ихъ нуждъ; и когда нужды минуютъ, то и все ихъ знаніе пропадаетъ: пріобрѣтая это знаніе безъ труда, они не имѣютъ счастья и сохранять его; оно для нихъ ново всякій разъ, когда его получаютъ, потому что природа, содержа животныхъ въ порядкѣ совершенства ограниченнаго, внушаетъ имъ знаніе только необходимое и всегда одинакое, для предохраненія ихъ отъ конечнаго истребленія, и никакъ не дозволяетъ имъ что-либо прибавить къ нему, чтобы не вышли изъ предѣловъ ею предписанныхъ.

Не такова участь человѣка, сотво-

реннаго для безпредѣльности. Въ первомъ возрастѣ жизни онъ безсмысленъ, но съ лѣтами безпрестанно изощряетъ свой умъ: онъ пользуется и собственною опытностью, и опытами своихъ предшественниковъ; потому что удерживаетъ въ памяти познанія, имъ самымъ пріобрѣтенныя, и всегда имѣетъ передъ собою познанія древнихъ, въ сочиненіяхъ ими оставленныхъ: а сохраняя эти познанія, легко и пріумножать ихъ. Можно сказать, мы находимся теперь нѣкоторымъ образомъ въ томъ же состояніи, въ какомъ находились бы древніе философы, если бы они, проживъ до нашего времени, присовокупляли къ прежнимъ познаніямъ новыя, которыя могли бы пріобрѣсть при помощи стольких вѣковъ. Отъ этого, по особенному преимуществу, не только каждый изъ насъ со дня на день подается впередъ въ наукахъ, но и весь родъ человѣческій непрерывно болѣе и бо-

лѣе совершенствуется, чѣмъ больше старѣется вселенная; потому что въ поколѣніяхъ людей примѣчается тотъ же порядокъ, какъ и въ различныхъ возрастахъ каждаго лица. Итакъ весь рядъ людей, отъ начала міра до нашего времени, должно разсматривать какъ одного и того же человѣка, непрерывно существующаго и безпрестанно просвѣщающагося. Послѣ этого, справедливо ли наше пристрастное уваженіе къ древности въ ея философахъ? Если старость есть возрастъ наиболѣе удаленный отъ младенчества, то кто не согласится, что старости этого *всемірнаго человѣка* должно искать не во временахъ, ближайшихъ къ его рожденію, а напротивъ—въ отдаленнѣйшихъ отъ этой эпохи.

Такъ называемые у насъ древніе, были совершенные новички во всемъ, и составляли собственно младенчество человѣчества; но какъ мы присоединили къ ихъ свѣдѣніямъ опытность вѣ-

ковъ за ними послѣдовавшихъ, то уже въ насъ надобно искать этой древности, которую уважаемъ въ другихъ. Должно удивляться тѣмъ слѣдствіямъ, которыя они умѣли извлечь изъ скудныхъ свѣдѣній имъ доставшихся, и извинять ихъ тамъ гдѣ они лишены были счастія пользоваться опытностью, хотя и обладали силою ума.

Напримѣръ: не заслуживаетъ ли извиненія ихъ понятіе о *млечномъ пути*, когда невооруживъ еще слабость зрѣнія своего пособіями искусства, они приписали бѣловатой цвѣтъ бо̀льшей въ этомъ мѣстѣ плотности неба, отражающей свѣтъ съ бо̀льшею силою? Но простительно ли намъ держаться того же мнѣнія, когда помощію телескоповъ, мы открыли тамъ безконечное множество малыхъ звѣздъ, въ обильномъ блескѣ которыхъ заключается настоящая причина бѣлизны?

Или: не имѣли ли они основанія думать, что всѣ тѣла, подверженныя

тлѣнію, заключаются въ сферѣ лунна-го неба, когда втеченіи многихъ вѣ-ковъ, не замѣчали ни тлѣнія, ни воз-рожденія внѣ того пространства? — Но мы развѣ не должны утверждать противнаго, когда вся земля ясно ви-дѣла кометы, воспламенявшіяся (*) и исчезавшія далеко за предѣлами лун-ной сферы.

Точно такъ разсуждая о пустотѣ, они могли утверждать, что природа ее не терпитъ; потому что изъ всѣхъ опытовъ своихъ замѣчали, что она чуж-дается пустоты и не можетъ ее тер-пѣть. Но еслибъ имъ извѣстны были новѣйшіе опыты, можетъ быть они убѣдились бы, что не безъ основанія отвергали, по той причинѣ что пустота еще не обличалась. Говоря, что при-рода не терпитъ пустоты, они разу-мѣли природу въ томъ состояніи, въ

(*) *Прим.* Настоящее свойство кометъ еще не было извѣстно при Паскалѣ.

которомъ ее тогда знали. Можно принять за общее правило, что еще недостаточно постоянное наблюденіе природы ни во стѣ, ни въ тысячѣ, и ни въ какомъ числѣ случаевъ, сколько бы ихъ ни было. Если останется хотя одинъ неразсмотрѣнный случай: этого одного случая довольно чтобы пріостановить общій выводъ. И подлинно, ни въ одномъ предметѣ, который можно доказать только опытомъ, а не умственнымъ доводомъ, нельзя сдѣлать общаго вывода, безъ исчисленія всѣхъ вообще частей и всѣхъ различныхъ случаевъ.

Когда говоримъ, что алмазъ есть самое твердое изъ всѣхъ тѣлъ, разумѣемъ тѣла намъ извѣстныя, и не можемъ, и не должны подразумѣвать тѣла намъ неизвѣстныя; такъ точно говоря, что золото есть самое тяжелое изъ тѣлъ, безразсудно было бы подводить подъ это общее положеніе и тѣ тѣла, о которыхъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній,

хотя существованіе ихъ весьма возможно въ природѣ.

Слѣдовательно, непрекословя древнимъ, можно утверждать противное тому что они говорили; и въ какомъ бы видѣ ни представлялась эта древность, истина, хотя и вновь открытая, должна всегда одержать верхъ, потому что она древнѣе всѣхъ бывшихъ о ней человѣческихъ мнѣній; полагать начало существованія природы съ того времени, какъ ее начали познавать, значитъ вовсе не понимать природы.

—

СТАТЬЯ II.

Размышленіе о Геометріи вообще.

—

Изучая истину, можно имѣть троякую цѣль: открыть истину когда ищемъ ее; доказать ее когда нашли: наконецъ, отличить отъ лжи, когда ее разсматриваемъ.

Не буду здѣсь говорить о первой цѣли: займусь особенно второю, въ которой заключается и третья. Кто знаетъ способъ доказать истину, можетъ уже и различить ее; потому что разсматривая, сообразноли съ приня-

тыми правилами доказательство, приводимое въ ея подтвержденіе, онъ увидитъ также точно ли она доказана.

Геометрія, дошедшая до совершенства въ этихъ трехъ родахъ, научила искусству открывать истины неизвѣстныя; его называютъ *раздробленіемъ* (анализъ), и о немъ такъ много прекраснаго написано, что безполезно входить въ дальнѣйшія разсужденія.

Я хочу говорить единственно о способѣ доказывать истины уже открытыя, и объяснять ихъ такъ, чтобы доказательство было неопровержимо; для этого нужно показать методу, принятую въ геометріи; потому что она самый превосходный наставникъ. Но прежде должно дать понятіе о другой, высшей и полнѣйшей методѣ, хотя и нельзя намъ достигнуть ее: все что выше геометріи, выше насъ; однакоже, надо сказать нѣсколько словъ, хотя на дѣлѣ исполнить и невозможно.

Истинный способъ составлять дока-

зательства, въ высшей степени совершенныя, если бы только можно было дойти дотого, заключался бы въ двухъ главныхъ условіяхъ: во первыхъ, не употреблять ни одного термина безъ предварительнаго объясненія настоящаго его смысла; во вторыхъ, не предлагать ни одного мнѣнія, которое не было бы основано на истинѣ уже доказанной; то есть, однимъ словомъ, каждый терминъ опредѣлить, и каждое мнѣніе подтвердить Но чтобы не отступить здѣсь отъ порядка, мною предложеннаго, надобно объяснить, что я разумѣю подъ словомъ—*опредѣленіе.*

Геометрія допускаетъ только тѣ опредѣленія, которыя въ логикѣ называются *именными* (définitions de nom), то есть, одни наименованія предметовъ, ясными и всѣмъ извѣстными словами выраженныхъ. Объ нихъ-то я и намѣренъ говорить.

Польза и употребленіе ихъ въ томъ со-

стоитъ, что они изъясняютъ и сокращаютъ рѣчь, выражая однимъ наименованіемъ то, о чемъ надобно бы говорить много; но въ такомъ случаѣ это наименованіе не должно уже включать въ себѣ другаго смысла (еслибъ онъ и былъ), кромѣ того который собственно ему присвоенъ. Вотъ примѣръ.

Если нужно различать въ числахъ тѣ которыя дѣлятся на два безъ остатка, отъ тѣхъ которыя не дѣлятся, то чтобъ избѣжать частаго повторенія этого условія, означаютъ его особеннымъ названіемъ: всякое число, дѣлимое на два безъ остатка, я называю *четнымъ числомъ*.

Вотъ опредѣленіе геометрическое. Ясно обозначивъ предметъ, а именно всякое число, дѣлимое на два безъ остатка, даютъ ему имя, отъ котораго отнимаютъ всякой другой смыслъ (еслибъ онъ и былъ), чтобы исключительно предоставить его означаемой вещи.

Потому-то опредѣленія кажутся слишкомъ произвольными и никогда неподверженными противорѣчію; каждый имѣетъ право дать вещи, ясно имъ обозначенной, всякое названіе какое захочетъ. Не должно только употреблять во зло свободы въ наименованіяхъ, называя однимъ именемъ двѣ различныя вещи. Впрочемъ и это допускается, лишь бы не смѣшивать ихъ свойствъ и не переносить ихъ отъ одной на другую. Но если бы впали въ эту ошибку, можно противоположить тому средство самое вѣрное и несомнѣнное: — умственно ставить опредѣленіе вмѣсто опредѣляемаго, и помнить всегда опредѣленіе такъ, чтобы всякій разъ когда говорятъ, напримѣръ, о четномъ числѣ, то подъ этимъ словомъ разумѣли бы именно число дѣлящееся на двѣ равныя части, и чтобы два эти предмета находились въ мысляхъ нашихъ въ столь тѣсной и неразлучной связи, что говоря объ

одномъ, непремѣнно въ умѣ привязывали бы къ нему другой. Геометры, и всѣ поступающіе методически, даютъ имена вещамъ только для сокращенія рѣчи, а не для уменьшенія или измѣненія понятія о вещахъ, составляющихъ предметъ ихъ разсужденій. Они полагаютъ, что разумъ всегда дополняетъ короткія выраженія, которыя употребляютъ только для избѣжанія сбивчивости, причиняемой множествомъ словъ.

Ничто не разрушаетъ коварные доводы софистовъ быстрѣе и сильнѣе этого способа, который должно всегда помнить, и который одинъ достаточенъ устранить всѣ затрудненія и двусмысленности.

Постигнувъ вполнѣ эти истины, возвратимся къ объясненію настоящаго порядка, который, какъ я уже сказалъ, состоитъ въ томъ, чтобы все опредѣлять и все доказывать.

И на что бы кажется лучше этой методы; но она вовсе неудобоисполнима. Если хочешь, напримѣръ, опредѣлить первые термины, то для показанія ихъ надо предположить имъ предшествующіе, такъ точно какъ первыя предложенія, которыя хочешь доказать, предполагаютъ другія, прежде ихъ сдѣланныя; по этому никогда и не достигнешь до первоначальныхъ.

Простирая далѣе и далѣе наши изслѣдованія, мы должны наконецъ добраться до первообразныхъ словъ, которыхъ нельзя уже опредѣлять, и до началъ столь ясныхъ, что не найдется уже другихъ яснѣе, которыя могли бы служить имъ доказательствомъ.

Это заставляетъ полагать, что люди находятся въ естественной и неизбѣжной невозможности изложить какую бы то ни было науку въ порядкѣ совершенно полномъ; но изъ того не слѣдуетъ, что не должно придерживаться никакого порядка.

Есть порядокъ, а именно *геометрическій*, который, правда, долженъ уступить первому въ убѣдительности, но не въ достовѣрности. Онъ не все опредѣляетъ и не все доказываетъ, и вотъ почему онъ ниже перваго; но онъ предполагаетъ только вещи ясныя и неизмѣнныя въ своей природной очевидности; и эта причина дѣлаетъ его совершенно истиннымъ, потому что природа поддерживаетъ его тамъ, гдѣ оставляютъ его слова.

Этотъ порядокъ, совершеннѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ людямъ, состоитъ не въ томъ, чтобы все опредѣлять или все доказывать, или ничего не опредѣлять, ни доказывать, но чтобы умѣть держаться середины: не опредѣлять вещей очевидныхъ и понятныхъ для всѣхъ, и опредѣлять всѣ другія; не доказывать вещей извѣстныхъ всѣмъ людямъ, и доказывать все прочее. Противъ него равно погрѣшаютъ и тѣ которые берутся все опредѣлить и

все доказать, и тѣ которые пренебрегаютъ имъ въ предметахъ неочевидныхъ по свойству своему.

И этому превосходно научаетъ геометрія. Она не опредѣляетъ ни *пространства*, ни *времени*, ни *движенія*, ни *числа*, ни *равенства*, ни множества другихъ подобныхъ терминовъ; они такъ естественно обозначаютъ вещи, ими выражаемыя, всякому кто знаетъ языкъ, что желаніе объяснить ихъ, послужило бы только къ затемнѣнію науки.

Да и что̀ можетъ быть слабѣе выраженій, которыми хотятъ иные опредѣлить эти первообразныя слова? Какая необходимость, напримѣръ, объяснять, что разумѣютъ подъ словомъ *человѣкъ*? Развѣ не довольно знаютъ, какую вещь разумѣютъ подъ этимъ названіемъ; и какое преимущество думалъ доставить намъ Платонъ, сказавъ, «что это̀ есть животное двуногое, безъ перьевъ?» Какъ-будто понятіе, кото-

рое естественно я имѣю о человѣкѣ, и котораго не могу выразить, не чище и неудовлетворительнѣе того, которое онъ даетъ мнѣ своимъ безполезнымъ и даже смѣшнымъ опредѣленіемъ. Человѣкъ не лишится своего человѣческаго достоинства, потерявъ обѣ ноги, а пѣтухъ не пріобрѣтетъ его, потерявъ свои перья.

Иные доходятъ даже до нелѣпости, объясняя слово тѣмъ же самымъ словомъ. Знаю нѣкоторыхъ, что опредѣляютъ свѣтъ такимъ образомъ: *свѣтъ есть свѣтозарное движеніе свѣтящихся тѣлъ;* какъ-будто можно понять слова *свѣтозарное* и *свѣтящееся,* безъ слова *свѣтъ*.

Нельзя и подумать опредѣлить *естество*, невпавъ въ подобную же нелѣпость. Затѣмъ что нельзя опредѣлить никакого слова, не начиная опредѣленія словомъ *есть,* выражено ли оно или подразумѣвается. И такъ, для опредѣленія естества, надлежало бы ска-

зать *есть*; и такимъ образомъ употребить въ опредѣленіи слово опредѣляемое.

Ясно, что есть слова, которыхъ опредѣлить невозможно; и если бъ природа не замѣнила этого недостатка одинакостью понятій, данныхъ ею всѣмъ людямъ, всѣ наши выраженія были бы темны; тогда какъ теперь ихъ употребляютъ съ такою же увѣренностію и несомнѣнностью, какъ бы они были объяснены наилучшимъ образомъ, безъ всякихъ двусмысленностей; потому что природа сама дала намъ, безъ словъ, разумѣніе несравненно яснѣйшее, чѣмъ то которое пріобрѣтается искусствомъ, помощію нашихъ толкованій.

Изъ того не слѣдуетъ, чтобы всѣ люди имѣли одинакое понятіе о сущности вещей, которыя, какъ выше сказано, безполезно и невозможно опредѣлять. Такъ, напримѣръ, время принадлежитъ къ этому роду предметовъ. Кто можетъ опредѣлить его? И кчему

трудиться надъ тѣмъ, если всѣ люди понимаютъ о чемъ идетъ дѣло, когда говорится о времени безъ дальняго объясненія? Несмотря на то много различныхъ мнѣній о сущности времени. Одни говорятъ—это *движеніе вещей сотворенныхъ;* другіе называютъ его *мѣрою движенія*, и прочая. Я и не говорю, что свойство этихъ вещей извѣстно всякому, а просто одно только отношеніе между именемъ и вещію; такъ что при словѣ *врѣмя,* всѣ обращаютъ мысли свои къ одному предмету, и уже довольно чтобы терминъ этотъ не нуждался въ опредѣленіи, хотя потомъ, разсматривая, что такое время, и можетъ произойти, по нѣкоторомъ размышленіи, различіе въ мнѣніяхъ. Цѣль опредѣленія только обозначить названную вещь, а не показать ея свойство.

Положимъ, можно назвать *время* движеніемъ вещей сотворенныхъ; я ужъ выше сказалъ, что нѣтъ ничего про-

извольнѣе опредѣленій. Такъ по этому, подъ именемъ *время,* будутъ разумѣть двѣ вещи: во первыхъ, то что всѣ естественно разумѣютъ подъ этимъ словомъ, и что всякой говорящій нашимъ языкомъ называетъ; во вторыхъ, движеніе вещей сотворенныхъ; и по новому опредѣленію, такъ и стали бы называть время.

Надобно избѣгать двусмыслій и не смѣшивать слѣдствій. Изъ того еще нельзя заключить, чтобы вещь, которую естественно разумѣютъ подъ словомъ *время,* была дѣйствительно движеніе вещей сотворенныхъ. Пожалуй, вольно назвать эти двѣ вещи одинаково; но не такъ легко согласить ихъ въ свойствахъ, какъ въ имени.

Слѣдовательно, для принятія этого положенія, *время есть движеніе вещей сотворенныхъ,* должно спросить, что разумѣютъ подъ словомъ *время*, то есть, оставляютъ ли ему значеніе обыкновенное и всѣми принятое, или при-

дают въ этомъ случаѣ значеніе движенія вещей сотворенныхъ. Если отъ него отнять всякой другой смыслъ, то нечего и противорѣчить, и то будетъ вольное опредѣленіе, вслѣдствіе котораго, какъ я сказалъ уже, двѣ вещи будутъ имѣть одно это имя; если же ему оставить его обыкновенный смыслъ, и въ тоже время утверждать, что разумѣемое подъ этимъ словомъ — движеніе вещей сотворенныхъ, то тутъ найдется поводъ къ противорѣчію. То уже не будетъ опредѣленіе произвольное, а предложеніе, которое должно доказать, если впрочемъ оно не очень ясно само по себѣ, и въ такомъ случаѣ это будетъ начало и аксіома, но не опредѣленіе; потому что здѣсь не утверждаютъ, что слово *время* означаетъ тоже что *движеніе вещей сотворенныхъ*, но что понимаемое подъ выраженіемъ *время*, есть именно это предполагаемое движеніе.

Еслибъ я не былъ увѣренъ, какъ

необходимо знать это совершенно, и какъ часто во всякое время, въ пріятельскихъ и ученыхъ бесѣдахъ, бываютъ подобные случаи, я не останавливался бы на томъ. Но испытавъ на дѣлѣ сбивчивость споровъ, думаю, что не излишне будетъ войти въ эти тонкости, для которыхъ я пишу все это разсужденіе, болѣе чѣмъ для самаго предмета, мною разбираемаго.

Дѣйствительно, какъ много людей воображаютъ, что они опредѣлили время, сказавъ, что это есть мѣра движенія, оставивъ однако при немъ обыкновенный смыслъ его? но, совсѣмъ тѣмъ, они сдѣлали только предложеніе, а не опредѣленіе. Сколько такихъ которые думаютъ, что они опредѣлили движеніе, сказавъ: Motus nec simpliciter motus, non mera potentia est, sed actus entis in potentia (Движеніе не есть просто движеніе, и не одна только сила, но дѣйствіе существа, надѣленнаго силою). И между

тѣмъ, если оставляютъ слову *движеніе* его обыкновенный смыслъ, какъ они и дѣлаютъ, то это не есть опредѣленіе, а просто предложеніе; и смѣшивая такимъ образомъ опредѣленія, которыя они зовутъ *именными,* и которыя суть настоящія опредѣленія произвольныя, допущенныя и геометрическія, съ тѣми которыя называютъ *опредѣленіями вещественными* (définitions de choses), и которыя суть собственно предложенія, отнюдь не произвольныя, но подверженныя противорѣчію, они позволяютъ себѣ составлять послѣднія точно такъ какъ и первыя; и опредѣляя такимъ образомъ однѣ и тѣ же вещи, каждый по своему, съ вольностью, столько же строго запрещенною въ этого рода опредѣленіяхъ, сколько позволительною въ первыхъ, они все запутываютъ; и потерявъ всякій порядокъ и всякую ясность, теряются сами, и блуждаютъ въ неизъяснимомъ замѣшательствѣ.

Никогда не впадутъ въ замѣшательство, слѣдуя порядку геометріи. Эта основательная наука вовсе не заботится опредѣлять слова первообразныя, каковы: *пространство, время, движеніе, равенство, большинство, уменьшеніе, цѣлое*, и другія которыя всякому понятны сами по себѣ. Не кромѣ ихъ, всѣ прочіе термины, ею употребляемые, такъ хорошо въ ней объяснены и опредѣлены, что не нужно словаря, для уразумѣнія какого-либо изъ нихъ. Короче сказать, всѣ ея термины совершенно понятны, или по естественной ихъ ясности, или по собственнымъ ея опредѣленіямъ.

Вотъ какимъ образомъ она избѣгаетъ всѣхъ недостатковъ, какіе могутъ встрѣтиться попервому пункту, который требуетъ опредѣленія только для вещей, въ томъ нуждающихся. Точно такъ поступаетъ она и въ отношеніи другаго пункта, который требуетъ доказательствъ для предложеній неочевидныхъ.

И подлинно, достигнувъ до первыхъ извѣстныхъ истинъ, она останавливается и требуетъ согласиться на нихъ, не имѣя уже яснѣйшаго для нихъ доказательства; такъ что все предлагаемое геометріею, совершенно доказано, или естественною ясностью, или доводами.

И такъ, если эта наука не опредѣляетъ и не доказываетъ всего, то по той лишь причинѣ, что это для насъ невозможно.

Можетъ быть сочтутъ страннымъ, что геометрія не можетъ опредѣлять ни одной изъ вещей, составляющихъ ея главные предметы; что она не въ состояніи опредѣлить ни движенія, ни числа, ни пространства, тогда какъ эти вещи преимущественно въ ней разсматриваются, и по изслѣдованіи ихъ, она принимаетъ три различныя названія: *математики, ариѳметики* и *геометріи*: послѣднее имя принадлежитъ и роду и виду. Но перестанутъ удивлять-

ся, если замѣтятъ, что эта несравненная наука занимается только вещами самыми простыми, и что это самое качество, дѣлающее ихъ достойными ея изслѣдованія, въ тоже время дѣлаетъ ихъ неопредѣляемыми; такъ что невозможность опредѣленія, должно скорѣе вмѣнить ей въ совершенство чѣмъ въ недостатокъ, потому что происходитъ не отъ темноты ихъ, но напротивъ отъ крайней ихъ очевидности, которая такова, что еще не убѣдившись въ нихъ никакими доказательствами, она уже вполнѣ въ нихъ увѣрена. И такъ геометрія предполагаетъ, что всякому извѣстно, что̀ разумѣется подъ словами: *движеніе, число, пространство;* и не останавливаясь на безполезномъ опредѣленіи ихъ, она проникаетъ ихъ природу и открываетъ ихъ чудныя свойства.

Три эти основы всего міра, по словамъ, Deus fecit omnia in pondere, in numero et mensura (Богъ создалъ все

вѣсомъ, числомъ и мѣрою), имѣютъ взаимную и необходимую связь. Нельзя представить себѣ движенія безъ чего то движущагося, и какъ эта движущаяся вещь есть единое нѣчто, то эта единица даетъ начало всѣмъ числамъ. Наконецъ убѣдившись, что движеніе не можетъ быть безъ пространства, мы увидимъ, что всѣ эти три вещи, *движеніе, число, пространство*, содержатся *въ первой, то есть въ Геометріи.*

Въ ней заключается также и самое время; потому что движеніе и время имѣютъ взаимное отношеніе одно къ другому; быстрота и медленность, составляющія различіе движеній, имѣютъ необходимое отношеніе къ времени.

И такъ, есть свойства общія всѣмъ этимъ вещамъ, познаніе которыхъ приготовляетъ разумъ къ величайшимъ чудесамъ природы.

Главное изъ нихъ—двѣ безконечности, во всемъ проявляющіяся: *безконечно-великое* и *безконечно-малое.*

Дѣйствительно, какая бы ни была быстрота движенія, можно представить другое быстрѣйшее, и можно ускорить еще это послѣднее, простираясь безпрестанно до безконечности, и никогда недостигая такого, къ которому нельзя было бы ничего прибавить; и напротивъ, при всевозможной медленности движенія, можно сдѣлать его еще медленнѣе и даже замедлить это послѣднее; и такъ до безконечности, никогда недостигая такой степени медленности, отъ которой нельзя было бы низойти къ безчисленному множеству другихъ степеней, гдѣ все еще нельзя остановиться. Равномѣрно, какъ ни велико число, можно представить себѣ другое, которое болѣе его, и опять другое, превышающее это послѣднее; и такимъ образомъ простираясь до безконечности, и никогда недоходя до того, чего нельзя было бы увеличить; и на оборотъ, какъ ни мало число, напримѣръ сотая или десяти-тысячная

часть, можно еще вообразить меньшее, и такъ далѣе до безконечности, недостигая нуля или ничего. Какъ ни велико пространство, можно представить большее, и другое, превосходящее еще и послѣднее; и такимъ образомъ до безконечности, никогда недостигая того, чего нельзя бъ было увеличить; и на оборотъ, какъ ни мало пространство, можно еще вообразить другое меньшее, и еще меньшее, и такъ безконечно, никогда недостигая нераздѣлимаго, неимѣющаго никакого протяженія.

Тоже скажу и о времени. Можно всегда представить время болѣе продолжительное, недоходя до конца; равно какъ и болѣе короткое время, недостигая мгновенія, или совершеннаго уничтоженія времени.

Словомъ, какое бы ни было движеніе, или число, или пространство, или время, есть всегда другое, и большее и меньшее; такъ что они всѣ держатся

между *ничѣмъ* и *безконечнымъ*, и всегда равно удалены отъ обоихъ предѣловъ.

Всѣ эти истины не могутъ быть доказаны, и между тѣмъ онѣ суть основанія и начала геометріи. Но какъ недоказуемость ихъ происходитъ не отъ неясности, а напротивъ отъ ихъ крайней очевидности, то эта недоказуемость не есть недостатокъ, а скорѣе совершенство.

Изъ этого видно, что геометрія не можетъ опредѣлять предметы и доказывать начала; но по той лишь единственной и для ней выгодной причинѣ, что и тѣ и другіе имѣютъ сами по себѣ чрезвычайную ясность, убѣждающую разумъ сильнѣе рѣчи.

Подлинно, что̀ можетъ быть очевиднѣе этой истины, что число, какое бы оно ни было, можетъ быть увеличено; что можно его удвоить; что быстрота движенія можетъ быть удвоена, и что пространство можетъ равно быть удвоено? И кто также усомнится, что число,

какое бы оно ни было, можетъ быть раздѣлено по-поламъ, и половина его еще на двое? Развѣ эта половина будетъ ничто? Въ такомъ случаѣ, какъ могли бъ двѣ половины, которыя были бы два нуля, составить число?

Равно и движеніе, какъ бы ни было медленно, развѣ не можетъ еще быть замедлено вполовину, такъ что оно будетъ пробѣгать тоже самое пространство въ двѣ краты времени, и развѣ нельзя подраздѣлить еще и это послѣднее движеніе? Не ужели это былъ бы настоящій покой? И какъ могли бы двѣ половины скорости, которыя были бы два покоя, составлять первоначальную скорость?

Наконецъ, какое-либо самомалѣйшее пространство, при всей своей малости, развѣ не можетъ быть раздѣлено надвое, и каждая изъ половинъ еще на двое? И какъ могли бъ быть недѣлимыми, безъ всякаго протяженія, эти поло-

вины, которыя, если сложить вмѣстѣ, составятъ первое пространство?

Нѣтъ естественнаго познанія въ человѣкѣ, которое предшествовало бы этимъ и которое превосходило бъ ихъ въ ясности. И при всемъ томъ (чтобы на все были примѣры), есть умы—превосходные во всемъ другомъ — которымъ непріятна эта безконечность, и которые не могутъ, ни подъ какимъ видомъ, на нее согласиться.

Мнѣ не случалось знавать человѣка, который бы не соглашался, что нѣтъ пространства, недопускающаго себя увеличить. Но я встрѣчалъ нѣкоторыхъ, впрочемъ очень образованныхъ, которые увѣряли, что пространство можетъ быть раздѣлено на двѣ недѣлимыя части, какъ ни велика нелѣпость, заключающаяся въ этомъ предложеніи.

Я старался изслѣдовать въ нихъ причину этой темноты, и нашелъ одну главную, а именно, что они не могутъ понять постоянной дѣлимости до

безконечности; они заключаютъ изъ того, что и вовсе нѣтъ такой дѣлимости. Человѣку врождена болѣзнь думать, что онъ обладаетъ истиною непосредственно, и поэтому онъ всегда расположенъ отвергать все что ему непонятно; тогда какъ въ сущности онъ естественно знаетъ одну только ложь, и долженъ принимать за истинныя, только вещи, противное которыхъ кажется ему несбыточнымъ.

И вотъ почему всякой разъ, когда предложеніе кажется непонятнымъ, должно прервать сужденіе и не отвергать его поэтому признаку, но разсмотрѣть противное; и если находятъ въ немъ явную несправедливость, можно смѣло утверждать первое, какъ бы оно ни было непонятно. Примѣнимъ это правило къ нашему предмету.

Нѣтъ геометра который бы не полагалъ, что пространство дѣлимо до безконечности. Безъ этого начала нельзя ему обойтись, какъ человѣку нельзя

быть безъ души. И тѣмъ не менѣе нѣтъ человѣка, который понималъ бы безконечную дѣлимость; и въ этой истинѣ убѣждаются только по той единственной причинѣ, но которая конечно удовлетворительна, что всякій вполнѣ понимаетъ несправедливость мнѣнія, что раздѣляя какое-либо пространство, можно достигнуть части недѣлимой, то есть, неимѣющей никакого протяженія. И подлинно, что̀ можетъ быть нелѣпѣе мысли, что всегда подраздѣляя какое-либо пространство, можно дойти наконецъ до такой дроби, что по раздѣленіи ея на-двое, каждая изъ половинъ останется недѣлимою и безъ всякаго протяженія? Желалъ бы я спросить людей, имѣющихъ это мнѣніе, понимаютъ ли они ясно, какимъ образомъ два недѣлимыя касаются одинъ другаго: если это соприкосновеніе общее всѣмъ ихъ частямъ, то они составляютъ одну и ту же вещь, и слѣдовательно оба цѣлыя недѣлимы; ес-

лижъ оно имѣетъ мѣсто не вездѣ, то въ одной только части; слѣдовательно они имѣютъ части; слѣдовательно нельзя ихъ назвать недѣлимыми.

Если сознаются, какъ дѣйствительно они это и дѣлаютъ въ случаѣ нужды, что ихъ предложеніе столько же непонятно какъ и другое; то пусть согласятся и на то, что не по нашей способности понимать вещи, мы должны судить объ истинѣ ихъ, потому что при одинакой непонятности этихъ двухъ противорѣчій, одно изъ нихъ тѣмъ не менѣе необходимо должно быть истиннымъ.

Но пусть этимъ мечтательнымъ трудностямъ, соразмѣрнымъ только съ нашею слабостью, противопоставятъ они эту естественную очевидность и эти непреложныя истины: еслибъ было справедливо, что пространство состоитъ изъ нѣкотораго полнаго числа недѣлимыхъ, то изъ того слѣдовало бы, что изъ двухъ пространствъ, изъ кото-

рыхъ каждое составляло бы квадратъ, то есть, имѣло бы всѣ стороны равныя и одинакія, и одно изъ нихъ вдвое превосходило бы другое, одно необходимо содержало бы число недѣлимыхъ вдвое больше числа недѣлимыхъ другаго. Пусть они помнятъ хорошо этотъ выводъ, и потомъ попытаются строить квадраты изъ точекъ, пока найдутъ два такіе, изъ которыхъ одинъ имѣлъбы точекъ вдвое болѣе другаго, и тогда я заставлю уступить имъ всѣхъ геометровъ въ свѣтѣ. Но если естественно невозможно построить точки въ квадраты, изъ которыхъ одинъ имѣлъ бы ихъ вдвое болѣе другаго, какъ я доказалъ бы здѣсь, еслибъ это стоило труда, то пусть обратятъ они вниманіе на послѣдствія этого заключенія.

Для отклоненія затрудненій, которыя могутъ имъ представиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, чтобы постигнуть, какимъ образомъ пространство можетъ имѣть безконечное

множество дѣлимыхъ частицъ, тогда какъ ихъ пробѣгаютъ въ такое короткое время, надлежитъ предварить, что они не должны сравнивать вещи столь несоразмѣрныя, каковы безконечное множество частицъ и кратковременность, потребная для пробѣжанія ихъ; но пусть они сравниваютъ все пространство со всею массою времени, и безчисленныя частицы того пространства съ безчисленными минутами того времени; и тогда они увидятъ, что безчисленное множество частицъ пробѣгаютъ въ безчисленное множество минутъ, и малое пространство въ малое время; при чемъ исчезаетъ несоразмѣрность ихъ удивлявшая.

Наконецъ, если имъ кажется страннымъ, что малое пространство имѣетъ столько же частицъ какъ и большое, то пусть вразумятся, что эти части въ той мѣрѣ бываютъ менѣе; и пусть взглянутъ на твердь небесную сквозь небольшое стеклышко: они ознакомятся

съ этой истиною, увидѣвъ каждую часть неба въ каждой части стекла.

Но если они не могутъ понять, какъ части столь малыя, почти для насъ непримѣтныя, могутъ дѣлиться въ равной степени съ твердью небесною, то нѣтъ лучшаго средства вразумить ихъ, какъ показать имъ эти части сквозь очки, которыя увеличиваютъ слабую точку до огромнаго объема; изъ этого легко поймутъ, что при помощи другаго стекла, еще искуснѣе выграненнаго, можно было бы увеличить ихъ до того, что сравнились бы съ твердью, поражающею насъ своимъ пространствомъ. Когда такимъ образомъ эти части представятся имъ теперь весьма удобно дѣлимыми, пусть вспомнятъ они, что природа до безконечности могущественнѣе искусства.

И подлинно, кто завѣрилъ ихъ, что эти стёкла измѣнили природную величину предметовъ, а не возвратили имъ, напротивъ, настоящей, которую

устройство глаза нашего измѣнило и укоротило, какъ то дѣлаютъ уменьшающіе очки? Досадно останавливаться на такихъ бездѣлицахъ; но есть случаи, когда должно по неволѣ заниматься пустяками.

Для умовъ свѣдущихъ въ этомъ предметѣ, довольно сказать, что два нуля пространства не могутъ составить одного пространства. Но людямъ, воображающимъ что они опрокинуть эту истину дивнымъ возраженіемъ, что два нуля пространства могутъ такъ же хорошо составить пространство, какъ двѣ единицы, изъ которыхъ ни одна не есть число, образуютъ число соединясь вмѣстѣ; этимъ людямъ надлежитъ отвѣчать, что они могли бы такимъ же образомъ возразить, что двадцать тысячъ человѣкъ составляютъ войско, хотя никто изъ нихъ порознь не есть войско; что тысяча домовъ образуетъ городъ, хотя ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не городъ; или, что части составляютъ цѣлое, тогда

какъ ни одна изъ нихъ не есть это цѣлое; или, чтобы не выходить изъ области чиселъ, что дважды два составляютъ четыре, и десять разъ десять сто, хотя ни одно изъ этихъ чиселъ ни четыре, ни сто. Но несправедливо судятъ тѣ, которые смѣшиваютъ въ столь неправильныхъ сравненіяхъ, непреложную природу вещей съ ихъ произвольными наименованіями, зависящими отъ прихоти людей, ихъ сочинившихъ. Очевидно, что для облегченія слова, дали названіе войска двадцати тысячамъ воиновъ, названіе города множеству домовъ, названіе десятка десяти единицамъ, и что отъ этого произвола родились также названія *единицы*, количества *двойственнаго*, *четвернаго*, *десятка*, *сотни* — различныя по нашей прихоти, хотя эти вещи, въ сущности однородныя по своей неизмѣнной природѣ, и разнятся между собою только по количеству, и хотя вслѣдствіе этихъ именъ, двойственное ко-

личество не есть четверное, домъ не есть городъ, равно какъ и городъ не есть домъ. Но хотя домъ не городъ, тѣмъ не менѣе онъ и не пуль города; большая разница не быть какою-либо вещію, и быть ея нулемъ.

Для полнаго уразумѣнія, должно знать, что единственная причина, почему *единица* не состоитъ въ ряду чиселъ, есть та, что Эвклидъ и первые писатели, излагавшіе ариѳметику, находясь въ необходимости объяснять многія качества, приличныя всѣмъ числамъ, кромѣ единицы, во избѣжаніе частаго повторенія, *что во всякомъ числѣ кромѣ единицы встрѣчается такое-то условіе*, исключили единицу изъ значенія слова *число*, пользуясь свободою, какъ уже сказано выше, составлять по произволу опредѣленія. Если бы они хотѣли, то могли бы также исключить и двойственное и тройственное количество, и все что имъ заблагоразсудилось бы; въ этомъ всякій

воленъ, лишь бы не дѣлать того не предувѣдомивъ; напротивъ, точно такъ можно поставить и единицу, если угодно, на ряду съ числами, какъ и дроби. И въ самомъ дѣлѣ къ этому бываютъ принуждены въ общихъ предложеніяхъ, для избѣжанія повторенія при каждомъ разѣ, *такое-то свойство принадлежитъ всякому числу, и единицѣ, и дробямъ;* и я принималъ ее въ этомъ неопредѣлительномъ смыслѣ во всемъ, что о ней писалъ.

Но тотъ же самый Эвклидъ, отнявшій отъ единицы названіе числа, на что онъ имѣлъ право, чтобы вразумить однако, что она не есть ничто, но напротивъ того же рода, опредѣляетъ такимъ образомъ однородныя величины: *Величины*, говоритъ онъ, *называются однородными, когда одна, нѣсколько разъ помноженная, можетъ превзойти другую;* и слѣдовательно, такъ какъ единица, помноженная нѣсколько разъ, можетъ превзойти какое бы

то ни было число, то она однородна числамъ, именно по своей сущности и своему непреложному свойству, по смыслу того же Эвклида, который не хотѣлъ назвать ее *числомъ*.

Нельзя поставить въ такомъ же отношеніи недѣлимое къ пространству; оно не только различествуетъ въ названіи, которое произвольно, но также и въ родѣ, по тому же самому опредѣленію. Какъ ни помножайте недѣлимое, оно никогда не превзойдетъ пространства и всегда будетъ составлять одно и единственное недѣлимое; это естественно и необходимо, какъ мы уже доказали. И такъ какъ этотъ послѣдній доводъ основанъ на опредѣленіи этихъ двухъ предметовъ *недѣлимаго и пространства*, то можно кончить и довершить доказательство.

Недѣлимымъ называется то что не имѣетъ никакихъ частей, а пространствомъ то что имѣетъ различныя отдѣльныя части. Основываясь на этихъ

двухъ опредѣленіяхъ, я утверждаю, что два недѣлимыя въ взаимномъ соединеніи, не составятъ пространства.

Дѣйствительно, соединясь, они касаются другъ друга каждый въ одной части; и такимъ образомъ части, которыми касаются, нераздѣлены между собою, да иначе они и не касались бы одна другой. Но по опредѣленію недѣлимыхъ, они не имѣютъ другихъ частей; слѣдовательно они не имѣютъ пространства, которое, по опредѣленію его, должно имѣть раздѣльныя части.

Тоже можно доказать и о всѣхъ прочихъ недѣлимыхъ, опираясь на тѣже доводы. И поэтому недѣлимое, помноженное во сколько бы то ни было разъ, никогда не составитъ пространства. Слѣдовательно, по опредѣленію однородныхъ вещей, оно не одного рода съ пространствомъ.

Вотъ какъ доказывается, что недѣлимыя не одного рода съ числами. Оттого происходитъ, что двѣ единицы

легко могутъ составить число, потому что онѣ одного рода съ числомъ; и что два недѣлимыя не составляютъ пространства, потому что они не одного рода съ пространствомъ.

Очень понятно, что неправильно сравнивать отношеніе, существующее между единицею и числами, съ отношеніемъ, которое существуетъ между недѣлимыми и пространствомъ.

Но если хотятъ въ числахъ отыскать сравненіе, съ точностью изображающее то, что разсматриваемъ въ пространствѣ, то можно взять отношеніе *нуля* къ *числамъ*. Нуль не одного рода съ числами, онъ чрезъ помноженіе не можетъ ихъ превзойти: такъ что это есть настоящее недѣлимое число, какъ недѣлимое настоящій нуль пространства. Подобное отношеніе мы найдемъ между *покоемъ* и *движеніемъ*, и между *мгновеніемъ* и *временемъ*. Всѣ эти недѣлимыя разнородны съ величинами своими, и будучи помножаемы до без-

конечности, всегда остаются недѣлимыми, такъ точно какъ и недѣлимое пространство, и по тѣмъ же причинамъ. И тогда-то откроется совершенное соотношеніе между этими предметами; потому что всѣ эти величины дѣлимы до безконечности, но никогда не доходятъ до степени своихъ недѣлимыхъ, и такимъ образомъ всѣ онѣ занимаютъ средину между *безконечнымъ* и *ничѣмъ*.

Таково удивительное отношеніе, въ которомъ природа поставила эти предметы, и таковы двѣ дивныя неизмѣримости, которыя она предложила людямъ не для уразумѣнія, но для благоговѣйнаго созерцанія. Въ заключеніе разсужденія, я сдѣлаю послѣднее замѣчаніе, что обѣ эти неизмѣримости, хотя безконечно различныя, тѣмъ не менѣе находятся одна къ другой въ такомъ соотношеніи, что познаніе одной неминуемо ведетъ къ познанію другой.

Въ самомъ дѣлѣ въ числахъ, изъ

возможности ихъ всегда увеличиваться, необходимо слѣдуетъ возможность ихъ всегда уменьшаться, и это ясно: если можно умножить одно число до ста тысячъ, напримѣръ, то можно также взять стотысячную часть этого числа, раздѣливъ его на то самое число, на которое его помножали; и такимъ образомъ всякій множитель можетъ превратиться въ дѣлителя, чрезъ измѣненіе цѣлаго въ дробь. А слѣдовательно понятіе безконечнаго умноженія необходимо заключаетъ въ себѣ также понятіе безконечнаго дѣленія.

Въ пространствѣ тоже отношеніе замѣчается между этими двумя противоположными неизмѣримостями, то есть, изъ того что какое-либо пространство можетъ быть увеличено до безконечности, слѣдуетъ, что оно можетъ быть и уменьшено до безконечности, какъ видно изъ этого примѣра: если смотрѣть сквозь стекло на корабль, постоянно удаляющійся въ

прямомъ направленіи, ясно, что то мѣсто прозрачнаго тѣла, гдѣ замѣчается какая-либо точка корабля, будетъ безпрестанно возвышаться, по мѣрѣ удаленія корабля. Слѣдовательно, если бѣгъ корабля продолжится до безконечности, то эта точка не перестанетъ возвышаться; и между тѣмъ она никогда не достигнетъ точки паденія горизонтальнаго луча, идущаго отъ глаза къ стеклу, такъ что она вѣчно будетъ приближаться къ этому предѣлу, и никогда его не достигнетъ, безпрестанно будетъ раздѣлять пространство подъ этою горизонтальною точкой, никогда ее недостигая. Изъ этого видно необходимое слѣдствіе, которое выводится отъ безпредѣльности бѣга корабля, къ безконечной и безконечно малой дѣлимости небольшаго пространства, остающагося подъ этой горизонтальной точкою.

Тѣ которые не удовольствуются этими доводами, и останутся въ мнѣніи,

что пространство не дѣлится до безконечности, не могутъ имѣть никакого притязанія на геометрическія доказательства; они могутъ пріобрѣсть познаніе въ другихъ вещахъ, но въ этомъ предметѣ всегда будутъ малосвѣдущи. Можно легко быть очень искуснымъ человѣкомъ и плохимъ геометромъ.

Но тотъ, для кого эти истины будутъ ясны, узритъ величіе и могущество природы въ этой двоякой безконечности, отвсюду насъ окружающей; и это чудесное созерцаніе научитъ его познанію самого себя, поставивъ его между безконечностью и нулемъ пространства, безконечностью и нулемъ числа, безконечностью и нулемъ движенія, безконечностью и нулемъ времени. Тогда-то познаетъ онъ себѣ настоящую цѣну, и въ умѣ его родятся важныя мысли.

Я счелъ моею обязанностью сдѣлать это длинное разсужденіе для тѣхъ, которые, непонимая сначала этой су-

губой безконечности, могутъ однако въ ней убѣдиться. И хотя многіе довольно посвящены въ знаніе вещей, чтобы обойтись безъ него, можетъ однако случиться, что это изложеніе, необходимое для однихъ, не будетъ совершенно безполезно и для другихъ.

СТАТЬЯ III.

Объ искусствѣ убѣжденія.

—

Въ искусствѣ убѣжденія необходимо знать: во-первыхъ способъ, какъ кто принимаетъ предлагаемое, и во-вторыхъ, условія, на какихъ хочешь убѣдить.

Всякому извѣстно, что понятія входятъ въ душу двумя путями, черезъ двѣ главныя способности: *разумъ* и *волю*. Путь разума самый естественный: иначе и не должно соглашаться какъ на истины доказанныя. Но самый

обыкновенный, хотя и противный природѣ, есть путь воли. Всѣ мы скорѣе увлекаемся не силою доказательствъ, а тѣмъ что нравится. Этотъ путь постыдный и низкій, вовсе несвойственъ человѣку; оттого никто и не признаетъ его своимъ. Каждый показываетъ, что ничему другому не вѣритъ, и даже ничего не любитъ, кромѣ достойнаго любви и довѣрія.

Не говорю здѣсь объ истинахъ священныхъ, которыхъ и не должно подчинять искусству убѣжденія; онѣ безконечно выше природы; одинъ Богъ можетъ вложить ихъ въ душу, и тѣмъ способомъ какой ему благоугоденъ. Знаю, что ему угодно, чтобы истины эти истекали изъ сердца въ разумъ, а не изъ разума въ сердце. Цѣль его: смирить горделивую власть разума, который ставитъ себя судьею вещей, избираемыхъ волею, и уврачевать эту немощную волю, растлѣваемую нечистыми вожделѣніями. Отсюда проис-

ходитъ, что мы разсуждая о предметахъ человѣческихъ, говоримъ: «надо ихъ узнать чтобы полюбить,» какъ то и въ пословицу обратилось; напротивъ, святые мужи, размышляя о предметахъ божественныхъ, говорятъ: «надобно ихъ возлюбить, чтобы познать.» Истина постигается только любовію, и въ этомъ состоитъ у нихъ одно изъ самыхъ полезныхъ мнѣній.

Ясно, что Богъ установилъ этотъ порядокъ въ противуположность тому, который долженъ быть естественнымъ для человѣка въ предметахъ естественныхъ. Но люди превратили порядокъ, воздавая вещамъ мірскимъ то, что слѣдовало божественнымъ. Надо признаться, мы почти только тому и вѣримъ что намъ нравится: и вотъ почему упорствуемъ въ принятіи истинъ религіи христіанской, явно противорѣчащей нашимъ прихотямъ. «Говори намъ пріятно, и мы станемъ тебя слушать,» говорили Іудеи Моисею:

какъ-будто удовольствія должны быть основаніемъ Вѣры! И чтобы привесть этотъ безпорядокъ въ надлежащее устройство, Богъ не иначе водворяетъ свѣтъ свой въ душѣ нашей, какъ усмиривъ мятежную волю небесною кротостью, плѣняющею и увлекающею душу.

Итакъ я буду говорить здѣсь только объ истинахъ, непревышающихъ нашего понятія; о нихъ-то я замѣтилъ, что умъ и сердце суть какъ бы врата, черезъ которыя онѣ вводятся въ душу; но что весьма мало ихъ входитъ туда посредствомъ ума, напротивъ, чрезвычайно много при дѣйствіи своенравной и дерзкой воли, невнимающей совѣтамъ разсудка!

Каждая изъ этихъ способностей имѣетъ свои начала и первыя побужденія своихъ дѣйствій.

Начала и побужденія дѣйствій разума суть естественныя и всѣмъ извѣстныя истины, каковы напримѣръ:

цѣлое болѣе своей части, не упоминая о многихъ частныхъ аксіомахъ, одними принимаемыхъ, а другими отвергаемыхъ, которыя однако, если однажды будутъ приняты, то при всей своей неосновательности, такъ же сильно дѣйствуютъ на увѣреніе, какъ и самыя истинныя.

Начала и побужденія воли суть не что иное, какъ нѣкоторыя естественныя и общія всѣмъ людямъ желанія. напримѣръ: желаніе быть счастливымъ, которое всякому свойственно, неговоря о многихъ другихъ частныхъ предметахъ, къ которымъ каждый стремится, и которые силою своихъ прелестей, хотя и пагубныхъ, такъ управляютъ нашею волею, какъ бы въ нихъ заключалось истинное ея благополучіе.

Вотъ что должно примѣчать о способностяхъ нашей души, склоняющихъ ее къ согласію.

Но что касается до качества самыхъ

предметовъ убѣжденія: то они весьма различны между собою.

Одни изъ нихъ необходимо выводятся и вытекаютъ изъ всеобщихъ началъ и изъ доказанныхъ и уже признанныхъ истинъ. Въ существованіи такихъ предметовъ безпогрѣшительно можно увѣриться: когда указана связь ихъ съ принятыми началами, тогда убѣжденіе само собою слѣдуетъ, и душѣ невозможно не принять ихъ, какъ скоро они поступятъ въ ряды доказанныхъ истинъ.

Другіе предметы имѣютъ тѣсную связь съ предметами нашего удовольствія, и также принимаются безъ всякаго прекословія. И подлинно, какъ скоро представится душѣ, что какой-либо предметъ можетъ ей доставить то, что болѣе всего ей нравится, она неминуемо устремится къ нему съ радостью.

Но предметы, имѣющіе связь какъ съ доказанными истинами, такъ и съ

сердечными нашими желаніями, дѣйствуютъ на насъ сильнѣе и успѣшнѣе всякой другой вещи; напротивъ, что не имѣетъ никакого отношенія ни къ нашему увѣренію, ни къ нашимъ удовольствіямъ, кажется намъ несноснымъ, ложнымъ и совершенно постороннимъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ мѣста сомнѣнію. Но иногда предметы, предлагаемые для увѣренія, хотя и бываютъ основаны на извѣстныхъ истинахъ, однако вмѣстѣ противятся удовольствіямъ, которыя наиболѣе насъ ласкаютъ. И тутъ-то настоитъ великая опасность, когда обнаружится черезъ опытъ, весьма обыкновенный, сказанное мною въ началѣ, что душа, повелѣвающая человѣкомъ и гордящаяся разумными своими силами, преклоняется по выбору безчестному и дерзкому, къ тому чего желаетъ развращенная воля, сколько бы ни противился ей просвѣщенный разумъ.

Тогда-то родится въ душѣ нерѣшимость, она не знаетъ что избрать, истинное или пріятное; познаніе истины и ощущеніе удовольствія спорятъ между собою съ неизвѣстнымъ успѣхомъ: потому что для рѣшительнаго о томъ сужденія, надлежитъ знать все происходящее въ самой глубинѣ человѣка, которой онъ почти никогда и самъ не знаетъ.

И такъ, въ чемъ бы ни вздумалось убѣждать, всегда должно разсматривать, кого убѣждаютъ; надобно знать его умъ и сердце, правила которыми онъ руководствуется, и предметы, къ которымъ онъ наиболѣе пристрастенъ; напослѣдокъ, о предлагаемой вещи надлежитъ примѣчать, какое она имѣетъ отношеніе къ принятымъ началамъ или къ предметамъ, которые почитаются пріятными со стороны прелестей, имъ приписываемыхъ. Поэтому *искусство убѣжденія* состоитъ столько же въ искусствѣ сообразоваться или

соглашаться съ другими, какъ въ искусствѣ склонять ихъ къ своему мнѣнію: до такой степени люди управляются болѣе своенравіемъ нежели разумомъ!

Упомянувъ объ этихъ двухъ способахъ, то есть, о способѣ убѣжденія и способѣ соглашенія нашего съ другими, я сообщу здѣсь правила только для перваго, предположивъ, что начала, на которыхъ они основаны, допускаются и безъ прекословія пріемлются: иначе я не знаю, можно ли посредствомъ искусства примѣнить доказательства къ непостоянству нашихъ прихотей. Способъ нравиться другимъ соглашаясь съ ними, безъ сомнѣнія соединенъ съ большими трудностями, требуетъ большой гибкости ума, и представляетъ болѣе пользы и изящности; поэтому-то я почитаю трудъ изложенія этого способа, какъ несоразмѣрный съ моими силами, дѣломъ совершенно для меня невозможнымъ.

Я не намѣренъ утверждать, чтобы въ искусствѣ соглашаться съ другими, не было столько вѣрныхъ правилъ, какъ и въ искусствѣ доказывать, и чтобы основательно знающій ихъ сущность и употребленіе, не могъ такъ же успѣшно снискать любовь царей и всѣхъ другихъ особъ, какъ и доказывать начальныя основанія геометріи людямъ, имѣющимъ довольно способностей понимать ея отвлеченныя истины. Но я думаю, и можетъ быть слабость моя заставляетъ меня такъ думать, что невозможно достигнуть въ томъ совершенства. Покрайней мѣрѣ я увѣренъ, что нѣкоторые только извѣстные мнѣ люди къ тому способны, и что кромѣ ихъ, ни одинъ человѣкъ не имѣетъ объ этомъ предметѣ столь ясныхъ и обширныхъ свѣдѣній.

Причина этой чрезвычайной трудности въ томъ, что удовольствія не имѣютъ твердыхъ и прочныхъ началъ. Они различны во всѣхъ людяхъ, и въ ка-

ждомъ человѣкѣ подвержены бываютъ такимъ перемѣнамъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ, въ различныя времена, походитъ на себя не болѣе какъ и на другихъ. Мужчина имѣетъ совсѣмъ другія удовольствія, нежели женщина; богатый и бѣдный наслаждаются различными забавами; государь, воинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, старые люди, юноши, здоровые, больные, всѣ отличаются въ родѣ удовольствій; малѣйшія приключенія перемѣняютъ ихъ.

Но есть искусство, и о немъ-то я разсуждаю теперь, искусство, посредствомъ котораго открываютъ связь истинъ съ ихъ началами въ предметахъ, какъ умозрѣнія, такъ и чувствуемаго удовольствія, коль скоро эти начала, одиножды принятыя, остаются тверды и неоспоримы.

Но какъ такихъ началъ мало, и кромѣ геометріи, разсуждающей только о самыхъ простыхъ фигурахъ, нѣтъ по-

чти истинъ, въ которыхъ бы мы всегда были согласны, и еще менѣе находится предметовъ удовольствія, которые бы не производили въ насъ ежечасно перемѣнъ; то не знаю, можно ли предписать постоянныя правила, для соглашенія нашихъ словъ съ непостоянствомъ нашихъ прихотей.

Называемое мною, *искусство убѣжденія*, собственно есть не иное что, какъ совокупленіе правильныхъ и неопровергаемыхъ доказательствъ; оно заключается въ трехъ существенныхъ частяхъ: въ изъясненіи словъ, потребныхъ для точности опредѣленій; въ изложеніи началъ или аксіомъ очевидныхъ, служащихъ къ доказательству предмета разсужденія; и въ мысленномъ преложеніи опредѣленія на мѣсто опредѣляемаго предмета во всей связи доказательства.

Причина этого способа очевидна: безполезно было бы предлагать и доказывать что-либо, неопредѣливъ на-

передъ ясно всѣхъ невразумительныхъ словъ въ доказываемомъ предложеніи; притомъ, до приступленія къ доказательству, надобно, чтобъ были допущены очевидныя начала, на которыхъ оно утверждается: нельзя же утвердить зданія на непрочномъ основаніи. Наконецъ, когда доказываемъ, должно въ мысляхъ поставлять опредѣленіе вмѣсто опредѣляемаго, чтобы отъ различнаго смысла словъ не погрѣшить въ ихъ опредѣленіи. Наблюдая этотъ способъ, можно быть увѣрену въ убѣжденіи: когда всѣ слова будутъ вразумительны, и всякая двусмысленность удалена будетъ ясными опредѣленіями и доказанными началами; въ доказательствѣ же всегда поставляемо будетъ мысленно опредѣленіе вмѣсто опредѣляемаго, то непреодолимая сила заключеній, изъ того слѣдующихъ, должна неминуемо оказать надъ умомъ полное свое дѣйствіе.

Доказательство, въ которомъ наблю-

даемы бываютъ эти правила, никогда не можетъ быть подвержено сомнѣнію; напротивъ того, всѣ доказательства, гдѣ условія эти пренебрегаются, обыкновенно не имѣютъ силы убѣжденія.

И такъ, полезно знать ихъ и всегда помнить. Для большей удобности и облегченія памяти, я представляю всѣ эти правила въ маломъ числѣ, заключивъ въ нихъ все, что потребно къ совершенному составу опредѣленій, аксіомъ и доказательствъ, слѣдственно всего способа доводовъ, располагаемыхъ математическимъ порядкомъ въ искусствѣ убѣжденія.

Правила для опредѣленій.

I. Не дѣлать опредѣленій ничему что само собою такъ очевидно, что яснѣе нельзя выразить другими словами.

II. Не оставлять безъ опредѣленія ни одного слова, нѣсколько темнаго или двусмысленнаго.

III. Употреблять въ опредѣленіи только слова совершенно извѣстныя, или предварительно объясненныя.

Правила для аксіомъ (самопстинъ).

I. Не оставлять ни одного необходимаго начала, не освѣдомясь, допускается ли оно, несмотря на всю его ясность и очевидность.

II. Принимать въ аксіомахъ только истины, совершенно очевидныя сами по себѣ.

Правила для доказательствъ.

I. Не доказывать ничего, что само собою очевидно безъ всякаго доказательства.

II. Доказывать всѣ предложенія нѣсколько темныя, употребляя къ тому самыя очевидныя аксіомы, или предложенія уже принятыя или доказанныя.

III. Всегда мысленно ставить опредѣленіе вмѣсто опредѣляемаго предмета, чтобы избѣжать заблужденія отъ двусмыслія словъ, которыхъ значеніе ограничено опредѣленіями.

Эти восемь правилъ заключаютъ въ себѣ всѣ правила твердыхъ и неоспоримыхъ доводовъ; между ними находятся только три, которыя не необходимо нужны, и потому могутъ быть безпогрѣшительно оставляемы; да и трудно и почти невозможно всегда наблюдать ихъ съ точностью, хотя лучше было бы употреблять ихъ гдѣ можно. Правила эти показаны въ началѣ означенныхъ статей, именно:

Для опредѣленій. Не опредѣлять словъ совершенно извѣстныхъ.

Для аксіомъ. Не допускать безъ подтвержденія ни одной аксіомы совершенно очевидной и простой.

Для доказательствъ. Не доказывать ничего, что само собою ясно и уже всѣмъ извѣстно.

Безъ сомнѣнія можно, безъ важной ошибки, дѣлать опредѣленія для большаго объясненія предметовъ, хотя они и очевидны сами собою; равно требовать предварительнаго подтвержденія аксіомъ, которыхъ нельзя отрицать тамъ гдѣ онѣ нужны; напослѣдокъ, доказывать предложенія, которыя были бы приняты и безъ доказательства.

Но прочія пять правилъ совершенно необходимы: безъ нихъ не можно обойтись, не сдѣлавъ важнаго упущенія, а часто и ошибки; для этого я ихъ здѣсь повторяю.

Правила, необходимыя для опредѣленій.

Не оставлять безъ опредѣленія ни одного слова, сколько-нибудь темнаго или двусмысленнаго.

Употреблять въ опредѣленіи только слова совершенно извѣстныя, или предварительно объясненныя.

Правила, необходимыя для аксіомъ.

Принимать въ аксіомахъ только истины совершенно очевидныя.

Правила, необходимыя для доказательствъ.

Доказывать всѣ предложенія, употребляя къ тому однѣ самыя очевидныя аксіомы, или предложенія, уже доказанныя или принятыя.

Никогда не обманываться двусмысліемъ словъ, опущая въ мысляхъ опредѣленія, ограничивающія точный смыслъ этихъ словъ и объясняющія ихъ.

Въ этихъ пяти правилахъ содержится все что необходимо для сдѣланія доказательствъ убѣдительными, неоспоримыми, словомъ — геометрическими; наблюдая всѣ восемь правилъ, вы сдѣлаете ихъ еще тверже, еще совершеннѣе.

Вотъ въ чемъ заключается *искусство убѣжденія,* относительно къ двумъ на-

чаламъ — опредѣлять всѣ употребляемыя слова, и въ доказательствахъ поставлять умственно опредѣленія вмѣсто опредѣляемыхъ предметовъ. Здѣсь приличнымъ нахожу предупредить три главныя возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы.

Первое, что этотъ способъ убѣжденія не новый; второе, что легко понять его и неучась начальнымъ основаніямъ геометріи, потому что заключается въ двухъ словахъ, которыя тотчасъ понимаютъ; наконецъ, что этотъ способъ безполезенъ, какъ употребительный почти въ одной геометріи.

Итакъ должно показать, что нѣтъ его неизвѣстнѣе, труднѣе въ приложеніи, полезнѣе и всеобщнѣе.

Что принадлежитъ до перваго возраженія, то есть, что всѣмъ извѣстны эти правила, чтобы ничего не оставлять безъ опредѣленій и доказательства, и что даже сочинители логикъ поставили ихъ въ число правилъ сво-

ей науки : то желалъ бы я чтобъ это было справедливо, и столько всѣмъ извѣстно, чтобъ я не имѣлъ труда съ такимъ тщаніемъ доходить до источника всѣхъ заблужденій, которыя подлинно бываютъ общи умствованіямъ. Однако это такъ рѣдко мы видимъ, что исключая однихъ геометровъ, которыхъ весьма мало было у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, сомнѣваюсь, чтобы нашелся и одинъ человѣкъ, который бы дѣйствительно зналъ означенныя правила. Не трудно будетъ сдѣлать ихъ вразумительными для тѣхъ, которые совершенно поняли сказанное мною; если же они не совершенно меня выразумѣли, то признаюсь, что они ничему изъ нихъ не научатся.

Но если они вникли въ смыслъ этихъ правилъ, и правила эти сдѣлали въ нихъ довольно глубокое впечатлѣніе: то они поймутъ, какъ отлично сказанное мною отъ того, что нѣкоторые сочинители логикъ, кажется

болѣе случайно, писали объ этомъ предметѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

Люди остраго ума усматриваютъ разность, находящуюся между двумя подобными словами, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ, ихъ сопровождающимъ. Возможно ли, чтобы два человѣка, прочитавшіе и выучившіе какую-нибудь книгу наизустъ, имѣли равное объ ней понятіе? Одинъ, можетъ быть, понялъ ее такъ, что знаетъ всѣ положенія, твердость выводимыхъ заключеній, отвѣты на возраженія и весь порядокъ сочиненія; а другой затвердилъ только мертвыя слова и начала, которыя хотя подобны сѣменамъ, отъ которыхъ родилось столь плодоносное дерево, однако, будучи сокрыты въ умѣ слабомъ, остаются тощи и безплодны.

Произносящіе одни и тѣже слова, не одинакимъ образомъ ихъ употребляютъ; по этому превосходный сочи-

нитель *искусства бесѣдовать* (l'art de conférer), весьма здраво судитъ, что не должно заключать объ умѣ человѣка по пріятности сказаннаго имъ остраго слова: и вмѣсто того чтобы дѣлать ему похвалы за острое изрѣченіе, онъ совѣтуетъ узнавать образъ мыслей, отъ котораго оно получило свое начало, и примѣчать, памяти ли онъ имъ обязанъ, или счастливому случаю. Помянутый сочинитель продолжаетъ, если вы примите такого человѣка съ холодностью и презрѣніемъ, чтобы увидѣть, почувствуетъ ли онъ, что его слова цѣнятся менѣе нежели чего они стоятъ: тогда, по большой части, онъ принужденъ бываетъ отступать отъ лучшей мысли гораздо далѣе нежели думалъ, чтобы попасть на новую и смѣшную. Поэтому надлежитъ примѣчать, сколько эта мысль естественна человѣку, ее имѣющему; какимъ образомъ и откуда онъ ее занялъ, и до какой степени ясности понятіе его

объ ней простирается: иначе сужденіе будетъ поспѣшное.

Я хотѣлъ бы спросить людей безпристрастныхъ, думаютъ ли они, чтобы начало: *вещество по самой природѣ своей вовсе неспособно мыслить;* и другое: *мыслю, слѣдственно существую,* представлялись съ одинакой силою въ умѣ Декарта и блаженнаго Августина, который сказалъ это прежде Декарта за тысячу-двѣсти лѣтъ.

Признаюсь, я не оспориваю чести изобрѣтенія этого начала у Декарта, хотя бы онъ взялъ его изъ сочиненія блаженнаго Августина: знаю, что иное дѣло написать какое-нибудь слово наудачу, необдумавъ его зрѣло и подробно, а другое извлечь изъ него множество дивныхъ заключеній, доказывающихъ различіе природы вещественной и духовной, которыя послужили бъ твердымъ и незыблемымъ основаніемъ всей метафизики, чего и хотѣлъ достигнуть Декартъ. Невходя

въ изслѣдованіе, успѣлъ ли онъ въ своемъ намѣреніи, предположимъ, что онъ успѣлъ, и въ этомъ смыслѣ я утверждаю, что это изрѣченіе въ его твореніяхъ столько же различно отъ подобнаго положенія въ сочиненіяхъ другихъ философовъ, упоминающихъ о немъ слегка, сколько отличенъ человѣкъ, наслаждающійся жизнію и тѣлесною крѣпостью, отъ мертвеца.

Иной самъ собою скажетъ что-нибудь, въ чемъ онъ не примѣчаетъ ничего отмѣннаго, между тѣмъ какъ посторонній человѣкъ усматриваетъ въ томъ удивительное множество послѣдствій, по которымъ можно смѣло утверждать, что въ его понятіи это слово совсѣмъ другое, и что онъ обязанъ тому, отъ кого услышалъ его, столько жъ сколько величественное дерево одолжено бытіемъ своимъ бросившему сѣмя его случайно и безъ размышленія на плодоносную землю, которая,

по собственной ея плодотворности, приняла его въ свои нѣдра.

Тѣ же самыя мысли часто совсѣмъ иначе развиваются у того, который не имѣлъ ихъ первоначально; будучи безплодны на природной почвѣ, онѣ приносятъ обильный плодъ, когда пересадятся на другую. Но гораздо чаще случается, что изящный умъ собственнымъ трудомъ пріобрѣтаетъ весь плодъ мыслей своихъ, какой онѣ принесть могутъ, а послѣ того другіе, наслышась о ихъ достоинствѣ, заимствуютъ ихъ и ими украшаются; и тогда-то наиболѣе видно бываетъ, какъ различно одно и тоже слово, сказанное разными людьми.

Можетъ быть, подобнымъ образомъ сочинители логикъ заимствовали правила изъ геометріи, не понимая ихъ силы; но изъ того что они внесены въ логику, не слѣдуетъ чтобы сочинители логики постигли сущность геометріи; и если они другихъ слѣдовъ это-

го не показываютъ, кромѣ что упоминаютъ объ нихъ мимоходомъ, то я никакъ не соглашусь сравнивать ихъ съ геометрами, которые подаютъ истинный способъ управлять дѣйствіями разума. Напротивъ, соглашаюсь исключить ихъ навсегда изъ числа математиковъ. Тотъ, кто разсуждаетъ о способѣ геометрическомъ слегка, необращая вниманія на все то, что онъ въ себѣ заключаетъ, и вмѣсто того чтобы послѣдовать этому свѣтлому вождю, безразсудно заблуждается въ безполезныхъ изслѣдованіяхъ, гонялсь затѣмъ что они обѣщаютъ, но чего сообщить не могутъ, впадаетъ въ гораздо большее ослѣпленіе, нежели тотъ, кто не послѣдуетъ его указанію, единственно потому что его не примѣчаетъ.

Всѣ хотятъ знать способъ избѣгать заблужденій. Логики утверждаютъ, что они къ тому руководствуютъ; но одни геометры въ томъ совершенно успѣваютъ, и внѣ геометріи и ей по-

добныхъ наукъ нѣтъ истинныхъ доказательствъ (*). Все искусство логиковъ заключается единственно въ вышеприведенныхъ правилахъ; они одни достаточны для твердости доказательствъ. Вотъ что̀ извѣстно мнѣ изъ долговременнаго опыта о людяхъ и книгахъ всякаго рода.

Въ такомъ случаѣ тѣ которые говорятъ, что геометры ничему новому не научаютъ этими правилами, потому что они знали ихъ дѣйствительно, но во множествѣ другихъ, безполезныхъ или ложныхъ, не могли ихъ отличить, по мнѣнію моему подобны людямъ, которые, желая сыскать алмазъ высокой цѣны между великимъ множествомъ поддѣльныхъ, но немогши распознать его, и держа всѣ въ ру-

(*) *Прим. Переводчика.* Авторъ разумѣетъ доказательства только тѣхъ истинъ, которыя не превышаютъ нашего ограниченнаго понятія: извѣстно, что есть истины высшія, для которыхъ нужны и существуютъ другія, сильнѣйшія доказательства.

кахъ, хвастаются, что обладаютъ настоящимъ алмазомъ; точно такъ какъ тотъ, кто оставляя безъ вниманія эту презрѣнную кучу камней, вынимаетъ изъ нее драгоцѣнный, котораго искали, и для котораго не кидали прочихъ.

Погрѣшность ложнаго умствованія есть болѣзнь, которую можно уврачевать двумя показанными средствами. Изъ нихъ составили третье, смѣшавъ въ немъ безчисленное множество безполезныхъ травъ со здоровыми, остающимися безъ силы, по причинѣ зловредности всего состава.

Чтобы открыть всѣ заблужденія умствованій и двусмыслія хитросплетенныхъ разсужденій, логики выдумали варварскія имена, которыя приводятъ въ удивленіе слушателей; и хотя узелъ, столь запутанный, неможно развязать иначе, какъ начиная съ двухъ концовъ, означенныхъ геометрами, они изобрѣли ужасное множество другихъ, въ которыхъ заключаются и эти по-

слѣдніе, незная сами, за который конецъ должно приняться

Однако, представляя намъ множество различныхъ путей, по мнѣнію ихъ, приводящихъ къ цѣли, хотя два только ведутъ къ ней, и которые необходимо должно отличать, можетъ быть скажутъ, что геометрія, вѣрно ихъ указующая, научаетъ только правиламъ, заимствованнымъ изъ логики, потому что она предлагаетъ тоже или еще болѣе; не размышляя, что этотъ даръ потерялъ свою цѣну отъ излишества, и уменьшился отъ прибавленія.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе хорошаго: умѣйте только различить его. Неоспоримо, что оно всѣмъ естественно и даже извѣстно, потому что не превышаетъ нашего понятія; но вообще можно сказать, что не умѣютъ разборчиво обращаться съ нимъ. Высшую степень совершенства во всякомъ родѣ составляетъ не чрезвычайность и не

странность вещи. Желая взойти на такую степень, мы упадаемъ. Поэтому чаще должно опускаться. Лучшія книги суть тѣ, о которыхъ каждый читатель думаетъ, что и онъ могъ бы написать ихъ. Природа одна изящная, совершенно проста и доступна.

И такъ, полагая, что эти правила истинны, ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что они должны быть просты, естественны и непринужденны. *Барбара* и *Баралиптонъ* не составляютъ умствованія. Не должно слишкомъ высоко залетать: странная высокопарность, суетная и смѣшная надутость натянутыхъ и скучныхъ пріемовъ, наполняютъ умъ глупымъ тщеславіемъ вмѣсто здоровой и укрѣпляющей пищи. Одна изъ главныхъ причинъ, наиболѣе удаляющихъ отъ истиннаго пути людей, вступающихъ на поприще этихъ знаній, состоитъ въ томъ, что съ самаго начала полезныя вещи почитаютъ неприступными, называя ихъ

пышными именами *великихъ, высокихъ, превосходныхъ, отличныхъ.* Этимъ все портятъ. Я назвалъ бы *обыкновенными, простыми, знакомыми всякому:* имена эти имъ приличнѣе. Я не люблю надутости въ словахъ.

—

СТАТЬЯ IV.

Общее понятіе о человѣкѣ.

—

I.

Человѣкъ, при первомъ взглядѣ на себя, останавливаетъ вниманіе на своемъ тѣлѣ, то есть, на частицѣ вещества ему свойственной. Но чтобы постигнуть ея сущность, надобно сравнить ее со всѣмъ тѣмъ что выше человѣка, и съ тѣмъ что ниже его, и такимъ образомъ дойти до настоящихъ предѣловъ.

Недостаточно для этого простое обо-

зрѣніе предметовъ его окружающихъ. Надобно разсмотрѣть всю природу въ полномъ ея величіи! Обратимъ вниманіе на лучезарное свѣтило, поставленное неугасающею лампадою для освѣщенія вселенной; земля покажется намъ точкою, въ сравненіи съ обширнымъ кругомъ солнечнаго движенія — и мы придемъ въ изумленіе при мысли, что этотъ обширный кругъ самъ небольшое только занимаетъ мѣсто въ неизмѣримомъ пространствѣ, населенномъ другими небесными тѣлами. И если тутъ остановится наше зрѣніе, перенесемся воображеніемъ далѣе. Воображеніе скорѣе устанетъ обнимать предметы, чѣмъ истощится природа. Все что видимъ въ мірѣ, есть одна только незамѣтная черта въ необозримомъ нѣдрѣ вселенной. Никакая мысль не приблизится къ безпредѣльности ея протяженій. Сколько ни соображай въ умѣ, все разродится однимъ атомомъ—вмѣсто сущности вещей. Это

безпредѣльный шаръ, котораго средоточіе вездѣ, а окружности нѣтъ нигдѣ. Словомъ сказать, — при одной мысли о семъ величайшемъ изъ видимыхъ характеровъ всемогущества Божія, теряется воображеніе!

Пусть теперь обратится человѣкъ къ самому себѣ, и разсмотритъ собственное свое бытіе; пусть представитъ себя какъ бы заблудившимся въ краю отдѣленномъ отъ вселенной; и глядя на небольшой уголокъ, въ которомъ онъ помѣщенъ, то есть, на этотъ видимый міръ, пусть научится познавать настоящую цѣну земли, царствъ, городовъ и самаго себя.

Что̀ такое человѣкъ въ безконечномъ? Кто можетъ его постигнуть? Но желаете ли видѣть другое чудо, не менѣе разительное? — Изберите изъ вещей вамъ извѣстныхъ, самыя малыя. Возьмите, напримѣръ, *букашку* — смотрите, въ ея крошечномъ тѣлѣ, части еще несравненно меньшія, ея ноги съ су-

ставами, ея жилы въ ногахъ, ея кровь въ жилахъ, соки въ крови, капли въ сокахъ, пары въ каплях; истощите умственныя силы свои на раздробленіе этихъ мелочей, и пусть послѣдняя точка, до которой дойдете въ дѣленіи, будетъ предметомъ нашего разсужденія. Не думаете ли, что вы достигли крайней малости природы? Нѣтъ! я раскрою передъ вами новую бездну. Въ нѣдрѣ этого непримѣтнаго атома, представлю вамъ, не только видимый міръ, но и всю постижимую для насъ неизмѣримость природы. Вообразите, что тутъ безчисленное множество міровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою твердь, свои планеты, свою землю, въ такой же соразмѣрности какъ и міръ видимый; на этой землѣ есть свои животныя, свои букашки, въ которыхъ все тоже примѣчается, что замѣтили и въ первыхъ; а тамъ еще найдется точно тоже въ другихъ существахъ, — и вы не будете знать гдѣ

остановиться, и гдѣ кончить. Вы потеряетесь въ этихъ чудесахъ, малость которыхъ столь же разительна, какъ величина другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто не изумится при мысли, что наше тѣло, не задолго казавшееся непримѣтнымъ въ мірѣ, который самъ непримѣтенъ въ объемѣ всего существующаго, вдругъ превращается въ колоссъ, въ міръ, или лучше, въ огромное цѣлое, въ сравненіи съ тою послѣднею точкою, до которой недосягаютъ наши чувства?

При такомъ взглядѣ, нельзя не ужаснуться, увидѣвъ себя какъ бы висящимъ въ пространствѣ, назначенномъ ему природою между двумя безднами неизмѣримости и ничтожества, отъ которыхъ онъ равно удаленъ. Кто не содрогнется при видѣ этихъ чудесъ! и я увѣренъ, что любопытство наше превратится въ благоговѣніе, и мы почувствуемъ въ себѣ болѣе расположенія къ

безмолвному созерцанію, чѣмъ къ кичливымъ изслѣдованіямъ.

И подлинно, что̀ такое человѣкъ въ природѣ? — Ничто въ сравненіи съ безконечнымъ, — все въ сравненіи съ ничтожествомъ, средина между всемъ и ничѣмъ. Онъ до безконечности удаленъ отъ обоихъ предѣловъ; и существо его въ равномъ находится разстояніи отъ ничтожества, изъ котораго онъ вызванъ, и отъ неизмѣримости, которая поглощаетъ его.

Его разумъ въ порядкѣ вещей, постигаемыхъ мыслію, занимаетъ такую же степень, какую тѣло его въ пространствѣ природы; его достанетъ на то, чтобы примѣтить нѣкоторое подобіе середины вещей; но онъ никогда не постигнетъ, ни ихъ начала, ни конца. Все сущее произошло изъ ничего, и плодится до безконечности. Кто можетъ слѣдовать за этимъ изумительнымъ ходомъ? Одинъ Виновникъ чудесъ понимаетъ ихъ, а никто другой!

Это свойство постигать одну средину между крайностями, проявляется во всѣхъ нашихъ силахъ. Чувства наши не терпятъ крайностей. Чрезмѣрный шумъ оглушаетъ насъ, чрезмѣрный свѣтъ ослѣпляетъ, слишкомъ дальнее и слишкомъ близкое разстояніе мѣшаютъ зрѣнію, излишняя длинnота и излишняя краткость затемняютъ рѣчь; неумѣренное удовольствіе тяготитъ, излишество созвучій отзывается непріятно. Мы собственно не чувствуемъ, ни крайней степени тепла, ни крайней степени холода. Крайности для насъ разрушительны, а не ощутительны. Мы не чувствуемъ ихъ; мы страждемъ отъ нихъ. Чрезмѣрная юность и чрезмѣрная старость препятствуютъ развитію ума; излишекъ и недостатокъ пищи мѣшаютъ его дѣйствіямъ; недостаточная и слишкомъ большая ученость равно притупляютъ его. Крайности какъ-будто не существуютъ для насъ, и мы не созда-

ны для нихъ. Или онѣ бѣгутъ отъ насъ, или мы отъ нихъ.

Вотъ наше настоящее положеніе. Вотъ почему познанія наши заключены въ извѣстныхъ предѣлахъ, изъ которыхъ и не выходимъ : намъ столько же невозможно знать все , какъ и ничего совершенно не знать. Мы стоимъ на обширной срединѣ, въ вѣчномъ недоумѣніи, безпрестанно колеблясь между невѣдѣніемъ и знаніемъ ; и если пустимся итти далѣе , предметы мутятся въ глазахъ нашихъ , ускользаютъ , бѣгутъ, и вѣчно бѣгутъ : ничто не можетъ ихъ остановить. Вотъ наше естественное положеніе, хотя впрочемъ оно весьма непріятно для насъ. Мы хотимъ все проникнуть, воздвигнуть башню, которой вершина терялась бы въ безконечности. Но зданіе наше распадается, и земля разверзается до преисподней.

II.

Я могу представить себѣ человѣка

безъ рукъ, безъ ногъ; могъ бы даже представить его безъ головы, если бъ опытъ не вразумилъ меня, что головою-то онъ мыслитъ. Итакъ сущность человѣка состоитъ въ способности мыслить: безъ этого нельзя составить идеи о человѣкѣ. Что̀ именно чувствуетъ въ насъ удовольствіе? Рука ли? Мышца ли? Плоть или кровь? Немудрено догадаться, — тутъ должно быть нѣчто невещественное.

III.

Человѣкъ такъ великъ, что величіе его проявляется даже въ томъ, что онъ сознаетъ свое бѣдственное состояніе. Дерево не знаетъ своей бѣдности. Правда, несчастливъ тотъ, кто чувствуетъ себя несчастнымъ; но также онъ и великъ тѣмъ, что знаетъ свое бѣдствіе. И такъ, самыя бѣдствія человѣка доказываютъ его величіе. Это бѣдствія знатнаго вельможи, бѣдствія царя, низверженнаго съ престола.

IV.

Кто назоветъ себя несчастнымъ, что онъ не царь? Это свойственно только царю, лишившемуся престола. Развѣ Павла Эмилія считали несчастнымъ, что онъ пересталъ быть консуломъ? Напротивъ, его называли счастливымъ, что онъ былъ консуломъ; потому что условія этого достоинства не позволяли носить его вѣчно. Между тѣмъ Персея считали весьма несчастнымъ, и удивлялись, какъ можетъ онъ еще жить, потерявъ царское достоинство, которое дано ему навсегда. Кто назоветъ себя несчастнымъ, что у него только одинъ ротъ? и кто не сочтетъ за несчастіе, если у него только одинъ глазъ? Никогда, можетъ быть, никому не приходило въ голову печалиться о томъ, зачѣмъ у него не три глаза; но какъ не пожалѣть, когда всего-на-всс одинъ глазъ.

V.

Мы имѣемъ столь высокое понятіе о душѣ человѣка, что не можемъ терпѣть отъ ней презрѣнія, и не пользоваться уваженіемъ чьей-либо души; въ этомъ уваженіи заключается все счастье людей.

Если, съ одной стороны, эта ложная слава, которой ищутъ люди, служитъ сильнымъ доказательствомъ ихъ безсилія и низости; то, съ другой, она доказываетъ также ихъ превосходство. Потому что человѣкъ, какія бы владѣнія не принадлежали ему на землѣ, какимъ бы здоровьемъ, какими бы удобствами жизни ни наслаждался, недоволенъ, если не пользуется уваженіемъ людей. Онъ такъ много цѣнитъ разумъ человѣческій, что надѣлите его всевозможными выгодами въ свѣтѣ, онъ будетъ считать себя несчастнымъ, если не займетъ мѣста столь же выгоднаго въ умѣ людей.

Это лучшее мѣсто въ мірѣ : ничто не можетъ подавить въ немъ это желаніе; и это самое неизгладимое свойство человѣческаго сердца. До того, что тѣ, которые наиболѣе презираютъ людей и сравниваютъ ихъ съ безсловесными, хотятъ однако заслужить ихъ удивленіе, и сами себѣ противорѣчатъ собственными чувствами; природа , которая могущественнѣе ихъ разума , сильнѣе убѣждаетъ ихъ въ величіи человѣка , чѣмъ въ его ничтожествѣ.

VI.

Человѣкъ есть не что иное, какъ слабая былинка въ природѣ ; но это — былинка мыслящая. Не нужно цѣлой вселенной вооружаться, чтобы подавить ее. Одно испареніе, одна капля воды можетъ ее убить. Но хотя бъ вселенная и раздавила человѣка : онъ все остается превосходнѣе того, что умертвило его : онъ знаетъ, что онъ уми-

раетъ; а вселенная не знаетъ своего преимущества передъ нимъ! Итакъ все наше достоинство заключается въ способности мыслить. Ею-то должно возвышаться, а не пространствомъ, которое занимаемъ въ природѣ, и не продолжительностью нашего существованія. Постараемся же мыслить хорошо: вотъ основаніе нравственности.

VII.

Опасно слишкомъ обнаруживать передъ человѣкомъ его сторону, общую съ безсловесными, неуказавъ ему на его величіе. Опасно также слишкомъ выставлять передъ нимъ его величіе, не указавъ на слабости. Еще опаснѣе оставлять въ невѣдѣніи о томъ и другомъ. Но весьма полезно представить ему и то и другое.

VIII.

Человѣкъ долженъ знать себѣ цѣ-

ну. Пусть онъ любитъ себя; потому что надѣленъ природною способностью къ добру; но для этого не должно любить и недостатковъ. Пусть презираетъ себя, находя эту способность праздною: но для этого не должно презирать самой способности. Пусть ненавидитъ себя; пусть любитъ себя; въ немъ есть способность познавать истину и быть счастливымъ; но еще нѣтъ истины, ни постоянной, ни удовлетворительной. Итакъ, я хотѣлъ бы поселить въ человѣкѣ желаніе отыскать истину, возбудить въ немъ готовность высвободиться отъ страстей, и слѣдить за нею туда, гдѣ она ему представится; и зная, какъ сильно омрачаютъ страсти разумъ, я хотѣлъ бы заставить его возненавидѣть низкія чувства, управляющія его волею, для того чтобы онъ не ослѣплялся ими при выборѣ, и былъ рѣшителенъ когда выборъ уже сдѣланъ.

IX.

Я равно не одобряю, и тѣхъ которые превозносятъ человѣка, и тѣхъ которые унижаютъ его, и тѣхъ которые все только его забавляютъ; могу похвалить лишь тѣхъ, которые съ воздыханіемъ ищутъ истины.

Стоики говорятъ: войди внутрь себя; тамъ твое спокойствіе: это неправда. Другіе говорятъ: не заглядывай въ себя, ищи счастья внѣ себя — въ разсѣянности: и это неправда. Наступятъ недуги: тогда окажется, что счастье ни внутри, ни внѣ насъ; оно въ Богѣ и въ душѣ.

X.

Природу человѣка разсматриваютъ двояко: во-первыхъ, по его назначенію, и тогда человѣкъ является великимъ и непостижимымъ; во-вторыхъ, по его обычнымъ дѣйствіямъ, какъ напримѣръ судятъ о свойствѣ

лошади и собаки, смотря на ихъ бѣгъ и послушность хозяину, и тогда человѣкъ оказывается жалкимъ и низкимъ. — Вотъ двѣ причины различныхъ сужденій, возбуждающихъ столько споровъ между философами. Одинъ опровергаетъ предположеніе другаго. Одинъ говоритъ: Онъ не рожденъ для этой цѣли, потому что дѣйствуетъ несообразно съ нею; другой говоритъ: Онъ тогда уклоняется отъ своей цѣли, когда ведетъ себя низко. Два наставника научаютъ человѣка познавать свою природу: *инстинктъ* и *опытъ*.

XI.

Чувствую, что я могъ и не быть: потому что истинное *я* заключается въ способности мыслить; итакъ *я*, который *мыслю*, не существовалъ бы, если бъ мою мать убили прежде чѣмъ я получилъ душу. Слѣдовательно, я не есть существо необходимое. Мое

существованіе также не вѣчно и не безконечно; но я вижу, что въ природѣ есть существо необходимое, вѣчное, безконечное.

—

СТАТЬЯ V.

Суетность человѣческая, самолюбіе.

—

I.

Мы не довольствуемся жизнью, которую имѣемъ въ себѣ, въ нашемъ собственномъ бытіи : хотимъ жить въ понятіи другихъ жизнью мечтательною; и для того силимся выказывать себя. Безпрестанно трудимся надъ украшеніемъ и сохраненіемъ этого мечтательнаго существованія, и небрежемъ объ истинномъ. И ежели въ насъ есть, или спокойствіе, или ве-

ликодушіе, или вѣрность, мы спѣшимъ это выставить напоказъ, и прилѣпить наши добродѣтели къ мечтательному существованію: мы скорѣе рѣшимся отнять ихъ отъ себя, чтобы только присоединить ихъ къ жизни мечтательной; готовы сдѣлаться въ иномъ случаѣ трусами, чтобы прослыть у другихъ храбрыми. Явное доказательство ничтожности настоящей нашей жизни, когда ею недовольствуемся безъ другой, мнимой, и часто отказываемся отъ первой, для послѣдней. Тотъ, кто не рѣшился бы умереть для сохраненія своей чести, заслуживаетъ презрѣніе. Сладость славы такъ велика, что съ чѣмъ бы ее ни соединяли, даже съ смертію, ее всегда любятъ.

II.

Гордость перевѣшиваетъ всѣ наши бѣдствія. Скрываетъ ли она ихъ, или

обнаруживаетъ, всегда величается тѣмъ, что ихъ знаетъ. Мы въ такомъ естественномъ порабощеніи у нея, среди нашихъ бѣдствій и заблужденій, что съ радостію теряемъ самую жизнь, лишь бы о томъ говорили другіе.

III

Тщеславіе такъ врѣзалось въ сердце человѣка, что всякій поденщикъ, всякій чернорабочій важничаетъ и хочетъ имѣть своихъ поклонниковъ; и сами Философы не прочь отъ того. Тѣ самые, которые пишутъ противъ славы, гонятся за славою хорошихъ писателей; другіе читаютъ ихъ—и хвалятся тѣмъ что читали. Я самъ, пиша эти строки, быть можетъ, того же добиваюсь: быть можетъ, тоже гнѣздится желаніе и въ моихъ читателяхъ.

IV.

Не смотря на всѣ наши немощи,

которыя тѣснятъ насъ и не даютъ намъ дохнуть, мы носимъ въ себѣ какое-то внутреннее, ничѣмъ неподавляемое чувство, которое возвышаетъ насъ.

V.

Мы такъ высокомѣрны, что хотѣли бъ быть извѣстны всему свѣту, даже будущимъ поколѣніямъ; и въ тоже время такъ легкомысленны, что уваженіе пяти, шести человѣкъ, насъ окружающихъ, тѣшитъ насъ и для насъ достаточно.

VI.

Любознательность есть тоже тщеславіе. По большей части хотятъ знать для того лишь, чтобы поговорить. Кому придетъ охота странствовать по морямъ изъ одного только удовольствія видѣть море—и безъ всякой надежды когда-либо поговорить о томъ съ другими.

VII.

Не заботятся пріобрѣсти уваженіе въ городахъ, гдѣ бываютъ только мимоѣздомъ; но если кто долженъ прожить въ нихъ нѣсколько времени, то объ этомъ заботятся. Сколько же нужно времени? Количество соразмѣрное нашему существованію, жалкому и ничтожному!

VIII.

Любить только себя и думать только о себѣ—вотъ существенное свойство самолюбія и этого человѣческаго *я*. Но что̀ можетъ оно сдѣлать? — Оно не въ силахъ воспрепятствовать, чтобы предметъ его любви не былъ обремененъ пороками и бѣдствіями. Человѣкъ хочетъ быть великимъ, и видитъ себя малымъ; хочетъ быть счастливымъ, и видитъ себя бѣдствующимъ; хочетъ быть совершеннымъ, и видитъ въ себѣ бездну недостатковъ; хочетъ быть предметомъ любви и уваженія

другихъ, и видитъ что пороки его возбуждаютъ только омерзѣніе и презрѣніе. Эта борьба пораждаетъ въ немъ самую несправедливую и самую преступную страсть, какую только можно вообразить. Въ немъ зачинается смертельная ненависть противъ истины, которая порицаетъ его и открываетъ передъ нимъ пороки. Онъ желалъ бы уничтожить ее; и немогши ее истребить въ самой себѣ, истребляетъ, сколько можетъ, въ своемъ сознаніи и въ сознаніи другихъ; то есть, онъ употребляетъ всѣ усилія скрыть свои недостатки, и отъ другихъ, и отъ самого себя, и не можетъ терпѣть, ни чтобъ ихъ указывали ему, ни чтобъ ихъ видѣли.

Конечно, досадно быть съ недостатками; но еще досаднѣе—быть съ недостатками и не признаваться въ нихъ; это значитъ, прибавлять еще зло—добровольнаго обольщенія. Мы не хотимъ, чтобъ другіе насъ обманывали;

считаемъ ихъ несправедливыми, когда они требуютъ отъ насъ болѣе уваженія, чѣмъ заслуживаютъ: несправедливо также и съ нашей стороны ихъ обманывать, и требовать отъ нихъ уваженія, котораго мы не заслуживаемъ.

Стало быть, они не дѣлаютъ намъ зла, когда открываютъ только несовершенства и пороки, которые точно имѣемъ: не они тому причиной. Напротивъ, они дѣлаютъ добро, способствуя намъ избавиться отъ новой бѣды—невѣдѣнія своихъ недостатковъ. Тутъ нечего и сердиться, что они знаютъ ихъ: справедливость требуетъ, чтобъ знали насъ, кто мы, и чтобы презирали, если достойны презрѣнія.

Вотъ чувства, которыя родились бы въ сердцѣ, исполненномъ правоты и справедливости. Что жъ скажемъ мы о нашемъ, въ которомъ видимъ расположеніе, совершенно противное? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не правда, что мы ненавидимъ истину, и всякого кто го-

воритъ ее; и что намъ пріятно, чтобъ другіе обманывались въ нашу пользу, и признавали насъ за лучшихъ, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ?

Вотъ примѣръ, для меня весьма непріятный. Римско-Католическая Вѣра не принуждаетъ открывать грѣховъ своихъ всѣмъ безъ различія; она не запрещаетъ и скрывать ихъ отъ всѣхъ прочихъ людей; но исключаетъ изъ того числа только одного, которому повелѣваетъ открыть глубину сердца своего и показать себя въ настоящемъ видѣ. Одного этого человѣка она повелѣваетъ намъ вывести изъ заблужденія, и обязываетъ его хранить тайну ненарушимо, такъ что это знаніе остается въ немъ, какъ-будто его тамъ и не было. Можноль вообразить болѣе снисходительности и кротости? Однако же развращеніе человѣка такъ велико, что онъ находитъ суровымъ даже этотъ законъ.

Какъ несправедливо и безразсудно возстаетъ сердце человѣка противъ обязанности, исполнить въ отношеніи къ одному человѣку то, что слѣдовало бы, нѣкоторымъ образомъ, исполнять въ отношеніи ко всѣмъ людямъ! И подлинно, развѣ мы имѣемъ право ихъ обманывать?

Есть различныя степени въ этомъ отвращеніи отъ истины: но можно сказать, что оно существуетъ у всѣхъ въ нѣкоторой степени, потому что неразлучно съ самолюбіемъ. Эта порочная щекотливость нерѣдко заставляетъ тѣхъ, которые находятся въ необходимости поправлять другихъ, прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и смягченіямъ, чтобы ихъ не оскорбить. Они должны уменьшать наши пороки, показывать видъ, что ихъ извиняютъ, должны смѣшивать ихъ съ похвалами, съ изъявленіями дружбы и уваженія. И совсѣмъ тѣмъ лекарство это все таки горько для самолюбія. Оно прини-

маетъ его какъ можно менѣе и всегда съ отвращеніемъ, и часто даже съ тайной досадою на того, кто предлагаетъ.

Потому-то, если находятъ нѣкоторую выгоду въ нашемъ благорасположеніи, стараются какъ возможно удаляться отъ оказанія услуги столь непріятной для насъ; съ нами поступаютъ такъ какъ мы хотимъ, чтобы съ нами поступали; мы ненавидимъ правду, и ее скрываютъ отъ насъ; мы любимъ лесть, намъ льстятъ; любимъ, чтобы насъ обманывали, насъ обманываютъ.

Такимъ образомъ, каждая ступень счастья, возвышающая насъ въ свѣтѣ, удаляетъ насъ болѣе отъ истины, потому что болѣе страшатся оскорбить тѣхъ, которыхъ благоволеніе полезнѣе, а неблаговоленіе опаснѣе. Иной государь становится баснею цѣлой Европы, и только одинъ онъ ничего о томъ не знаетъ. Я и не удивляюсь: говорить правду полезно для того, кому ее говорятъ, но невыгодно для того, кто ее го-

воритъ, — онъ навлекаетъ на себя ненависть. Окружающіе же государей часто предпочитаютъ свои выгоды пользѣ повелителя, которому служатъ, и вовсе не думаютъ быть ему полезными, во вредъ самимъ себѣ.

Это бѣдствіе конечно значительнѣе и обыкновеннѣе въ высокомъ званіи; но и низшія отъ него не избавлены, потому что всегда находятъ нѣкоторую выгоду пріобрѣтать благорасположеніе людей. Итакъ жизнь человѣческая есть одно лишь вѣчное обольщеніе; люди только взаимно себя обманываютъ, или льстятъ другъ другу. Никто не говоритъ о насъ въ нашемъ присутствіи такъ, какъ въ нашемъ отсутствіи. Союзъ между людьми основанъ только на этомъ взаимномъ обманѣ; и немного друзей осталось бы неизмѣнными, еслибъ каждый зналъ, что̀ другъ его говоритъ о немъ въ его отсутствіи, хотя тогда только онъ говоритъ о немъ искренно и безпристрастно.

И такъ человѣкъ есть только личина, только ложь и лицемѣріе, и самъ въ себѣ, и въ отношеніи къ другимъ. Онъ не хочетъ, чтобы ему говорили правду, и самъ старается не говорить ее другимъ; и всѣ эти расположенія, столь чуждыя истинѣ и разуму, имѣютъ природный корень въ его сердцѣ.

—

СТАТЬЯ VI.

Слабость человѣческая ; невѣрность природныхъ знаній.

—

I.

Меня всего болѣе удивляетъ то, что не всѣ удивляются своей слабости. Мы дѣйствуемъ рѣшительно, и каждый изъ насъ слѣдуетъ своему роду жизни, не потому что польза и обычай того требуютъ, но какъ-будто каждый знаетъ навѣрное, въ чемъ заключается сущность и истина. Мы ежеминутно дѣлаемъ промахи, и по какому-то забавному смиренію думаемъ, что это отъ

собственныхъ нашихъ недостатковъ, а не отъ того, что мы всегда много воображаемъ о себѣ. Не худо бы болѣе встрѣчать такихъ людей на свѣтѣ; тогда бы удостовѣрились, что человѣкъ чрезвычайно способенъ къ самымъ безразсуднымъ мнѣніямъ, потому что онъ способенъ не только забыть свою природную и неизбѣжную слабость, но даже считать себя надѣленнымъ природною мудростью.

II.

Слабость человѣческаго разума несравненно болѣе обнаруживается въ людяхъ несознающихъ ее, чѣмъ въ сознающихъ. Въ крайней молодости худо судятъ; въ чрезмѣрной старости такъ же. Думая мало о чемъ-либо, или думая слишкомъ много, мы сбиваемся съ пути, и неможемъ попасть на истину. Разсматривая трудъ свой тотчасъ по окончаніи,

мы еще слишкомъ предупреждены въ его пользу; спустя много времени послѣ окончанія, перемѣняемъ уже свое мнѣніе. Есть вполнѣ опредѣленная, единственная точка, съ которой должно разсматривать картину: всѣ прочія точки зрѣнія, или слишкомъ близко, или далеко, или высоко, или низко. Перспектива указываетъ эту точку въ живописи. Но кто укажетъ ее въ истинѣ и нравственности?

III.

Такъ называемое мнѣніе, или фантазія — главная причина заблужденія нашего—тѣмъ обманчивѣе, что она не всегда обманываетъ: иначе, если бы всегда и постоянно вводила насъ въ обманъ, можно бы придержаться ея, какъ путеводительницы къ истинѣ. Но она часто лукавитъ, и въ настоящемъ видѣ не обнаруживаетъ своего качества: она равно выказываетъ и ложь, и правду.

Эта гордая сила, непріятельница разума, которая любитъ повѣрять его и повелѣвать имъ, чтобъ показать, какъ велико ея могущество во всемъ, создала въ человѣкѣ другую природу. Она имѣетъ своихъ счастливцевъ и своихъ несчастныхъ; своихъ здоровыхъ, своихъ больныхъ; своихъ богатыхъ, своихъ бѣдныхъ; своихъ безумцевъ и своихъ мудрецовъ: и всего досаднѣе видѣть, что она доставляетъ своимъ поклонникамъ наслажденіе несравненно полнѣе, чѣмъ разумъ: умники, много о себѣ мечтающіе, гораздо довольнѣе собою чѣмъ благоразумные. Они смотрятъ на людей съ высока; спорятъ дерзко и съ самоувѣренностью; другіе же робко и нерѣшительно; и этотъ отважный видъ часто доставляетъ имъ преимущество въ мнѣніи слушающихъ: такъ велика благосклонность, которою пользуются воображаемые мудрецы у подобныхъ имъ судей! Мнѣніе не можетъ сдѣлать ум-

ными глупцовъ, но оно дѣлаетъ ихъ довольными, на зло разуму, который друзей своихъ можетъ сдѣлать только несчастными. Одно покрываетъ ихъ славою, другой—стыдомъ.

Кто раздаетъ извѣстность? Кто доставляетъ уваженіе и честь людямъ, твореніямъ, знатнымъ, кто, какъ не мнѣніе? Какъ неудовлетворительны всѣ богатства земли безъ его одобренія!

Мнѣніе всѣмъ располагаетъ. Оно творитъ красоту, справедливость и счастье, которое есть все на свѣтѣ. Я очень желалъ бы видѣть италіянское сочиненіе. Оно мнѣ извѣстно только по заглавію, которое одно стоитъ многихъ книгъ, Della opinione regina del mundo (О мнѣніи, царицѣ міра). Одобряю это сочиненіе и незная его, кромѣ худаго, если оно тамъ есть.

IV.

Важнѣйшій предметъ въ жизни есть выборъ ремесла. Случай имъ распола-

гаетъ. По требованію обычая дѣлаются каменьщиками, солдатами, кровельщиками. Это отличный кровельщикъ, говорятъ; говоря о солдатахъ, скажутъ: они дураки. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что нѣтъ ничего важнѣе войны; всѣ прочіе люди негодяи. Наслушавшись, въ дѣтствѣ, какъ выхваляютъ одно ремесло и бранятъ другое, мы такъ и выбираемъ; и очень натурально, мы любимъ добродѣтель и ненавидимъ безразсудность. Эти слова чрезвычайно на насъ дѣйствуютъ: мы ошибаемся только въ ихъ примѣненіи; и сила обычая такъ велика, что въ иныхъ странахъ всѣ каменьщики, а въ другихъ всѣ солдаты. Конечно не въ природѣ такое однообразіе. Слѣдовательно все это дѣлаетъ обычай, и онъ увлекаетъ природу. Но случается и природѣ одолѣвать его, и подчинять человѣка внутреннему инстинкту — вопреки вліянію обычая, хорошаго или дурнаго.

V.

Мы не любимъ ограничиваться настоящимъ. Мы упреждаемъ будущее, и какъ-будто слишкомъ медленное, стараемся ускорить его; или возвращаемся къ прошедшему, чтобы остановить его, какъ бы слишкомъ быстрое: мы такъ неблагоразумны, что скитаемся во времени, которое не принадлежитъ намъ, и вовсе не думаемъ о томъ, которое въ нашей власти; и такъ суетны, что живемъ думою во временахъ, которыхъ уже нѣтъ, и безъ размышленія упускаемъ настоящее — именно потому что недовольны настоящимъ. Мы закрываемъ отъ него глаза, если оно огорчаетъ насъ; а если доставляетъ удовольствіе, сѣтуемъ на быстроту, съ которою оно убѣгаетъ. Стараемся поддержать его будущимъ, и думаемъ располагать вещами, не находящимися еще въ нашей власти, въ то время, котораго можетъ быть и не достигнемъ.

Разсмотримъ внимательнѣе мысли свои : онѣ всегда носятся или въ будущемъ, или въ прошедшемъ. Мы почти не думаемъ о настоящемъ ; и если думаемъ, то для того чтобы научиться изъ него, какъ располагать будущимъ. Настоящее никогда не бываетъ нашею цѣлью : прошедшее и настоящее, это одни только средства наши; будущее— вотъ нашъ единственный предметъ. И такъ, мы еще не живемъ, а надѣемся жить; всё еще располагаемся быть счастливыми, — и навѣрно никогда не успѣемъ въ этомъ, если не будемъ искать инаго блаженства, котораго нельзя обрѣсти въ земной жизни.

VI.

Въ воображеніи нашемъ мы до того увеличиваемъ настоящее, размышляя о немъ безпрестанно, и до того уменьшаемъ вѣчность, размышляя о ней слишкомъ мало, что изъ вѣчности дѣлаемъ

ничто, а изъ ничего вѣчность; и все это такъ глубоко укоренилось въ насъ, что всѣ усилія разума не могутъ предохранить отъ этого заблужденія.

VII.

Кромвель готовился разгромить весь міръ христіанскій: домъ королевскій истребленъ, а его домъ навсегда поставленъ на высокую степень величія; но одна песчинка въ мочевомъ его пузырѣ все разстроила. Самый Римъ трепеталъ передъ Кромвелемъ—и чтòжъ? Отъ этой песчинки, ничтожной въ другомъ мѣстѣ, онъ умираетъ, домъ его падаетъ, и король снова на престолѣ.

VIII.

Нѣтъ такой правды или неправды, качество которой не мѣнялось бы съ перемѣною климата. Подвиньтесь на

три градуса ближе къ полюсу, и ваше законовѣдѣніе опрокинется. Меридіаномъ опредѣляютъ истину, и нѣсколько лѣтъ право на владѣніе. Основные законы измѣняются. Право имѣетъ свои эпохи. Забавная правда, которую разграничиваетъ рѣка или гора! Что̀ справедливо по сю сторону Пиренеевъ, то по-ту сторону — заблужденіе.

IX.

Воровство, кровосмѣшеніе, умерщвленіе дѣтей, отцеубійство, все находило себѣ мѣсто между добрыми дѣлами. Что̀ можетъ быть смѣшнѣе: этотъ человѣкъ вправѣ убить меня, потому что онъ живетъ за моремъ, и народъ его въ ссорѣ съ моимъ, хотя и нѣтъ между нами личной вражды?

Есть конечно естественные законы; но нашъ препрославленный разумъ, сбившись съ истиннаго пути, все испортилъ: Nihil amplius nostri est; quod

nostrum dicimus, artis est; ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur; ut olim vitiis, sic nunc legibus laboramus. (Собственно нашего нѣтъ уже ничего; что называемъ своимъ, то поддѣльное; преступленія совершаются по сенатскимъ и народнымъ опредѣленіямъ; какъ прежде страдали отъ пороковъ, такъ нынѣ отъ законовъ).

Отъ этого безпорядка вышло, что одинъ полагаетъ сущность правосудія въ авторитетѣ законодателя; другой въ пользѣ верховной власти; иные просто въ обычаѣ, и это вѣрнѣе всего: ничто, слѣдуя одному разуму, не бываетъ справедливо само по себѣ; все колеблется отъ времени; обычай дѣлаетъ все справедливымъ, потому только что онъ принятъ; вотъ таинственное основаніе его владычества. Кто доискивается его начала, тотъ уничтожаетъ его. Искусство производить перевороты въ государствахъ, заключается въ потрясеніи установленныхъ обычаевъ, проникая до

самаго ихъ источника, и обнаруживая въ нихъ недостатокъ авторитета и справедливости. Надлежитъ, говорятъ, прибѣгать къ основнымъ и первоначальнымъ законамъ государства, уничтоженнымъ несправедливымъ обычаемъ; и это есть самое вѣрное средство все потерять: напрасно будемъ искать тутъ равновѣсія. Несмотря на то, народъ охотно слушаетъ эти рѣчи: онъ срываетъ съ себя узду, едва лишь ее замѣтитъ; а знатные пользуются его несчастіемъ, равно какъ и паденіемъ пытливыхъ оцѣнщиковъ принятыхъ обычаевъ. Вотъ почему мудрѣйшій изъ законодателей говаривалъ, «что для блага людей, должно чаще ихъ обманывать.» Тоже сказалъ и другой хорошій политикъ: Cum veritatem quâ liberetur ignoret, expedit quod fallatur. Народу лучше не знать неправильнаго вторженія извѣстнаго обычая: онъ введенъ былъ нѣкогда безъ причины и основанія; но отъ времени сдѣлался основа-

тельнымъ, и его должно считать справедливымъ, законнымъ, вѣчнымъ.

X.

Сила воображенія такова, что величайшій философъ въ свѣтѣ, несмотря на убѣжденія разума въ его безопасности, не устоитъ на доскѣ ширины болѣе чѣмъ достаточной, если она лежитъ надъ пропастью. У многихъ, при одной мысли о томъ, блѣдность и потъ выступаютъ на тѣлѣ. Нечего говорить здѣсь о всѣхъ дѣйствіяхъ страха. Кто не знаетъ, что есть люди, у которыхъ видъ кошки, крысы, хрустѣнье угля подъ ногами, срываютъ разумъ съ петель?

XI.

Вы скажете, что этотъ маститый сановникъ, пріобрѣтшій къ себѣ уваженіе народа, во всемъ управляется разумомъ чистымъ и высокимъ, и судитъ о

вещахъ по природѣ ихъ, а не по мелкимъ обстоятельствамъ, пугающимъ воображеніе слабыхъ? Посмотрите на него, входящаго въ судилище, куда призываютъ его обязанности. Вотъ онъ готовъ слушать дѣла съ примѣрною важностью. И что жъ? стоитъ явиться стряпчему, и если природа удѣлила ему голосъ сиплый и странное выраженіе лица, если брадобрѣй худо позаботился о его бородѣ, и если, вдобавокъ, случай испестрилъ лицо его пятнами: бьюсь объ закладъ, что важность судьи не устоитъ.

XII.

Умъ величайшаго мужа въ мірѣ еще не въ такой независимости, чтобы не притти въ разстройство отъ малѣйшаго стука около него. Ненужно пушечнаго выстрѣла, чтобъ остановить его мысли; для этого достаточенъ скрыпъ флюгера или блока. Не удивляйтесь,

что онъ худо разсуждаетъ въ эту минуту: муха жужжитъ около его ушей; и уже довольно, чтобъ лишить его возможности подать добрый совѣтъ. Но хотите, чтобы онъ нашелъ истину; прогоните это животное, которое мѣшаетъ его разсудку, и смущаетъ этотъ могучій умъ, правящій городами и царствами.

XIII.

Воля есть одинъ изъ главныхъ органовъ вѣрованія, сама она не составляетъ вѣрованія; но вещи кажутся намъ справедливыми или ложными, судя по сторонѣ, съ которой на нихъ смотримъ. Воля, предпочитая ту или другую сторону, не даетъ разуму разглядѣть качества той, которая непріятна для ней: и такимъ образомъ разумъ, идя объ руку съ волею, останавливаетъ свое вниманіе на ея любимой сторонѣ, и судя потому что видитъ,

нечувствительно направляетъ свое вѣрованіе, куда влечетъ воля.

XIV

Въ насъ есть другое начало заблужденія—*болѣзни*. Онѣ портятъ сужденіе и смыслъ. И если болѣзни важныя ощутительно искажаютъ ихъ, то не сомнѣваюсь, что и маловажныя имѣютъ на нихъ соразмѣрное вліяніе.

Личная корысть—вотъ еще одно дивное орудіе, которымъ мы съ наслажденіемъ выкалываемъ себѣ глаза. Привязанность или ненависть, даютъ различный оборотъ правосудію. И подлинно, какъ убѣжденъ въ правотѣ своей стороны адвокатъ, получившій впередъ хорошую плату? Но благодаря другой странности ума человѣческаго, я знаю иныхъ, которые, для избѣжанія этого самолюбія, дѣлали величайшія несправедливости на оборотъ. Чтобы навѣрное потерять дѣло, самое справедливое, стоило только прибѣгнуть

къ посредничеству ихъ близкихъ родственниковъ.

XV.

Воображеніе часто химерическою оцѣнкою увеличиваетъ малѣйшіе предметы до того, что они наполняютъ нашу душу; и съ безразсудною дерзостью, уменьшая величайшіе, часто сравниваетъ ихъ съ нами.

XVI.

Истина и справедливость суть два острія столь тонкія, что наши орудія слишкомъ тупы, для правильнаго соприкосновенія съ ними. Прикасаясь, они давятъ остріе и отъ всѣхъ сторонъ напираютъ болѣе на ложное, чѣмъ на истинное.

XVII.

Не одни только старыя впечатлѣнія способны забавлять насъ: прелести новизны имѣютъ равное вліяніе. От-

сюда происходятъ всѣ споры людей, которые язвятъ другъ друга, или тѣмъ что послѣдовали ложнымъ впечатлѣніямъ дѣтства, или тѣмъ, что безумно гонятся за впечатлѣніями новыми.

Кто умѣетъ соблюсти настоящую середину? Пусть онъ явится и докажетъ свое умѣнье. Нѣтъ понятія, какъ бы ни было оно сообразно съ природою, даже съ самаго дѣтства, котораго другіе не назвали бы ложнымъ впечатлѣніемъ, или науки, или чувствъ. Одни говорятъ, съ дѣтства вы считали ящикъ пустымъ, невидя въ немъ ничего, и вообразили, что пустота возможна; это обольщеніе вашихъ чувствъ, подкрѣпленное обычаемъ, которое наука должна исцѣлить. Другіе говорятъ напротивъ: вамъ сказали въ училищѣ, что нѣтъ пустоты, и перепортили вашъ здравый смыслъ, постигавшій ее такъ ясно до ложнаго впечатлѣнія, которое должно исправить, прибѣгнувъ къ вашей первоначаль-

ной природѣ. Кто же обманывалъ, чувства или наука?

XVIII.

Всѣ занятія людей клонятся только къ пріобрѣтенію имущества; право же, по которому владѣютъ имъ, въ началѣ своемъ есть не что иное, какъ воля тѣхъ, которые дали законы. Они не имѣютъ также довольно силы владѣть имъ постоянно: тысяча приключеній лишаютъ ихъ своей собственности. Тоже бываетъ и съ науками: болѣзни отнимаютъ ихъ у насъ.

XIX.

. . . . . .

XX.

Если бъ каждую ночь намъ снилось все одно и тоже, это наскучило бъ, можетъ быть, столько же какъ и предметы, которые видимъ ежедневно. И если бъ ремесленникъ, каждую ночь, втеченіи двѣнадцати часовъ, видѣлъ

себя во снѣ царемъ, я думаю что онъ былъ бы почти такъ же счастливъ, какъ и царь, который каждую ночь, втеченіи двѣнадцати часовъ, видѣлъ бы себя во снѣ ремесленникомъ. Если бъ каждую ночь снилось, что насъ преслѣдуютъ непріятели, или мучатъ тяжкія привидѣнія; и что всѣ дни проводимъ въ различныхъ занятіяхъ, какъ бываетъ въ дорогѣ: мы страдали бы почти столько же, какъ если бъ все это происходило на яву, и страшились бы сна, какъ страшимся пробужденія, когда дѣйствительно насъ ожидаютъ подобныя бѣдствія. И подлинно, эти сновидѣнія причинили бы намъ почти такія же страданія какъ и существенность. Но по своему разнообразію и перемѣнчивости, сновидѣнія гораздо менѣе огорчаютъ насъ, чѣмъ то, что видимъ наяву; причиной тому послѣдовательность, которая впрочемъ не такъ постоянна и безпрерывна, и такъ же мѣняется, но не столь рѣзко, какъ

иногда въ путешествіяхъ; и тогда говорятъ: мнѣ кажется, что я грежу. Да и что́ наша жизнь, какъ не сонъ, только болѣе постоянный?

XXI.

Мы предполагаемъ, что люди всѣ постигаютъ и чувствуютъ одинаково предметы, которые представляются имъ: но мы предполагаемъ это слишкомъ на обумъ—мы не имѣемъ на то никакого доказательства. Конечно, въ одинакихъ обстоятельствахъ употребляютъ одинакія выраженія, и всякій разъ, когда два человѣка видятъ, напримѣръ, снѣгъ, они оба выражаютъ впечатлѣніе его на ихъ зрѣніе одинакими словами, говоря, и тотъ и другой, что онъ бѣлъ; изъ этого сходства выраженій, выводятъ сильное доказательство сходства понятій: но это вовсе неубѣдительно, хотя можно сказать многое въ подтвержденіе.

XXII.

Когда видимъ какое-либо дѣйствіе, всегда одинакимъ образомъ совершающееся, мы выводимъ изъ того естественную необходимость, какъ-то: завтра будетъ день, и прочая; но часто природа противорѣчитъ намъ и не покоряется своимъ собственнымъ законамъ.

XXIII.

Много спорятъ о вещахъ самыхъ вѣрныхъ; много самыхъ ложныхъ пропускаютъ безпрекословно: и такъ, ни прекословіе не служитъ еще знакомъ лжи, ни безпрекословность знакомъ истины.

XXIV.

Всякой просвѣщенный понимаетъ, что въ природѣ, гдѣ каждая вещь заклеймена печатью своего Творца, почти всѣ предметы носятъ на себѣ слѣды своей сугубой безконечности. Та-

кимъ образомъ мы видимъ, что всѣ науки простираютъ до безконечности свои изслѣдованія. Кто усомнится, напримѣръ, что въ геометріи тма тмущая предложеній? Она будетъ столько же безконечна во множествѣ и утонченности ихъ началъ; дѣйствительно, кто не видитъ, что начала, предлагаемыя какъ послѣднія, не держатся сами собою, и опираются на другія, которыя въ свою очередь поддерживаются другими, и такъ далѣе, никогда недостигая послѣднихъ.

Съ перваго взгляда видно, что одна ариѳметика доставляетъ безчисленное множество началъ, и каждая наука тоже.

Но хотя безконечность въ *маломъ* гораздо менѣе замѣтна, философы однако болѣе всего старались ее открыть; и на этомъ именно всѣ они спотыкались. Вотъ что подало поводъ къ заглавіямъ столь обыкновеннымъ: *Нача-*

ла вещей, Начала философіи, и другимъ подобнымъ, которыя, при всей своей наружной скромности, столько же высокопарны, какъ и это, которое такъ колетъ глаза, de omni scibli (о всемъ познаваемомъ).

Не будемъ же гоняться за достовѣрностію и прочностью. Разумъ нашъ безпрестанно вводится въ заблужденіе непостоянствомъ признаковъ; ничто не можетъ установить полноты между двумя безконечностями, которыя ее заключаютъ и убѣгаютъ отъ ней. Проникнувшись этой истиной, думаю, что всякій долженъ остаться въ покоѣ, въ томъ положеніи, въ которомъ его поставила природа. И такъ какъ средина, доставшаяся на нашу долю, всегда очень далека отъ обѣихъ крайностей, то что̀ человѣку въ томъ, если онъ имѣетъ нѣсколько болѣе понятія о вещахъ? Въ такомъ случаѣ, онъ смотритъ на нихъ нѣсколько повыше. Но

развѣ онъ не всегда до безконечности удаленъ отъ обѣихъ крайностей? И развѣ продолженіе нашей жизни, самой долгой, не удалено также безконечно отъ вѣчности?

Въ отношеніи этихъ безконечностей, всѣ другія безконечности одинаковы; и я не вижу причины, почему останавливать свое воображеніе на одной скорѣе чѣмъ на другой? Мы не можемъ безъ досады сравнивать себя съ чѣмъ-либо конечнымъ?

XXV.

Науки имѣютъ двѣ соприкосновенныя крайности : первая есть то чистое естественное невѣдѣніе , въ которомъ находятся всѣ люди при рожденіи. Въ другую крайность впадаютъ души великія , которыя , пройдя все что могутъ познать люди, видятъ что онѣ ничего не знаютъ , и находятся

въ томъ же невѣдѣніи, съ котораго начали. Но это невѣдѣніе ученое, которое сознаетъ себя. Вышедшіе изъ невѣдѣнія естественнаго, и недостигнувшіе другаго, принимаютъ нѣкоторый оттѣнокъ самодовольнаго знанія и выказываютъ себя знатоками. Они-то смущаютъ міръ, и судятъ о всемъ превратнѣе другихъ. Толпа и ученые обыкновенно производятъ шумъ въ свѣтѣ; прочіе презираютъ ихъ и сами ими презираемы.

XXVI.

Всѣ естественно полагаютъ, что легче дойти до центра вещей, чѣмъ обнять ихъ окружность. Видимое пространство міра видимо превосходитъ наши силы; но какъ съ нашей стороны мы превосходимъ малыя вещи, то и думаемъ, что намъ легче овладѣть ими; однако же дойти до *ничего* такъ же трудно, какъ и дойти до

всего. И въ томъ и другомъ случаѣ нужны способы безконечные; и мнѣ кажется, что тому нетрудно уже постигнуть безконечное, кто позналъ послѣднія основанія вещей. Одно зависитъ отъ другаго, и одно ведетъ къ другому. Крайности касаются и соединяются отъ безпрестаннаго удаленія одна отъ другой, и опять сходятся въ Богѣ, и единственно въ Богѣ.

Если бъ человѣкъ начиналъ съ познанія самого себя, онъ увидѣлъ бы всю неспособность свою перейти за предѣлъ. И какъ можетъ часть познать цѣлое? По-крайней-мѣрѣ пусть старается онъ познать части, съ которыми имѣетъ соразмѣрность. Но части міра всѣ имѣютъ такое отношеніе и такое сцѣпленіе одна съ другою, что кажется невозможно познать одну безъ другой, и безъ всего.

Человѣкъ, напримѣръ, находится въ соотношеніи со всѣмъ что онъ по-

знаетъ. Ему нужны пространство для его помѣщенія, время для существованія, движеніе для жизни, стихіи для его состава, теплота и снѣди для его пропитанія, воздухъ для дыханія. Онъ видитъ свѣтъ, онъ ощущаетъ тѣла, словомъ, все состоитъ въ союзѣ съ нимъ.

И такъ, чтобы постигнуть человѣка, должно знать, отчего нуждается онъ въ воздухѣ для своего существованія; а чтобъ постигнуть воздухъ, должно знать, въ чемъ состоитъ его отношеніе къ жизни человѣка.

Огонь не можетъ быть безъ воздуха : слѣдовательно, чтобы познать первый, надо знать и другой.

Если же всѣ вещи попеременно бываютъ причиною и дѣйствіемъ, вспомогающими и вспомогаемыми, непосредственно и посредственно, и если всѣ держатся взаимно естественными и нечувствительными узами, связывающими самыя отдаленныя и самыя

разнородныя : то заключаю изъ того, что невозможно познать части, незная цѣлаго, равно какъ и познать цѣлое, незная въ подробности частей.

Довершаетъ же, можетъ быть, наше безсиліе въ познаніи вещей то, что онѣ сами по себѣ просты, тогда какъ мы составлены изъ двухъ противоположныхъ и разнородныхъ природъ, изъ *души* и *тѣла :* потому что невозможно, чтобы часть мыслящая въ насъ не была духовная; ктому жъ, если предположить, что мы чисто тѣлесны, это еще болѣе отстранитъ насъ отъ познанія вещей. Да и чего вовсе не понимаю, какъ вещество можетъ само себя познавать !

Сложный составъ души и тѣла причиной тому, что почти всѣ философы смѣшивали понятія вещей, и приписывали тѣламъ то, что принадлежитъ только душамъ, а душамъ то, что прилично только тѣламъ. Они смѣло го-

ворятъ, что тѣла клонятся книзу, стремятся къ своему средоточію, не терпятъ разрушенія, страшатся пустоты, что они имѣютъ склонности, симпатію, антипатію, всѣ качества, приличныя только душамъ. И говоря о душахъ, они разсматриваютъ ихъ какъ бы въ пространствѣ, и приписываютъ имъ движеніе отъ одного мѣста къ другому — качества, принадлежащія только тѣламъ, *и прочая.*

Вмѣсто того, чтобы принимать въ себя понятія вещей, мы грунтуемъ свойствами нашего сложнаго существа всѣ простыя вещи, которыя разсматриваемъ.

Кто не подумалъ бы, видя какъ мы составляемъ все изъ души и тѣла, что эта смѣсь будетъ для насъ очень понятна. Однако же это вещь, которую наименѣе понимаютъ. Человѣкъ для самого себя есть самый чудный предметъ природы; онъ не можетъ постигнуть, что̀ такое тѣло, и еще

менѣе, что̀ такое духъ, и менѣе всего онъ понимаетъ, какимъ образомъ тѣло можетъ сочетаться съ духомъ. Это верхъ его трудностей, и между тѣмъ это его собственное существо: Modus quo corporibus adhaeret spiritus comprehendi ab hominibus non potest; et hoc tamen homo est. (Образъ сочетанія тѣла съ духомъ не можетъ быть постигнутъ человѣкомъ; и между тѣмъ это есть самъ человѣкъ).

XXVII.

И такъ человѣкъ, безъ Откровенія Божескаго, есть существо, преисполненное заблужденій неизгладимыхъ. Ничто не открываетъ ему истины: все обманываетъ его. Два начала истины—*разумъ* и *чувства*, кромѣ того, что они часто неискренни сами, обманываютъ другъ друга. Чувства обманываютъ разумъ ложными представленіями; и введя его въ оболь-

щеніе, принимаютъ отъ него тоже самое въ свою очередь; онъ платитъ имъ равнымъ. Страсти душевныя смущаютъ чувства, и оставляютъ въ нихъ непріятныя впечатлѣнія: они лгутъ и наперерывъ обманываютъ одни другихъ.

—

СТАТЬЯ VII.

Несовершенство человѣка.

—

I.

Ничто такъ не знакомитъ съ несовершенствомъ натуры человѣческой, какъ размышленіе объ истинной причинѣ безпрерывной суетливости нашей въ жизни.

Душа заключена въ тѣлѣ на короткое время. Она знаетъ, что это одинъ переходъ въ вѣчность, и что ей данъ небольшой срокъ жизни, для приготовленія въ путь. Необходимыя есте-

ственныя потребности похищаютъ у ней бо́льшую часть времени. Въ ея распоряженіи остается самая малость; но и этотъ малый остатокъ столько тревожитъ ее, въ такое странное приводитъ замѣшательство, что ей хочется поскорѣе сбыть его. Она тяготится этимъ остаткомъ, въ которомъ принуждена жить съ собою и думать о себѣ. Оттого всячески старается забыть себя, и ни о чемъ не размышляя, проводитъ толь краткое и толь драгоцѣнное время въ занятіяхъ, препятствующихъ ей думать о себѣ.

Вотъ источникъ нашихъ хлопотливыхъ заботъ, и того что называемъ забавою, или препровожденіемъ времени. Подлинно, только и думаемъ, какъ провесть время, нечувствуя его, или, лучше сказать, нечувствуя самихъ себя, и умышленно губимъ это время, чтобы избѣжать внутренней досады и тоски, которую навлекло бы на насъ размышленіе о себѣ. Въ душѣ нѣтъ

ничего такого, чѣмъ могла бы она довольствоваться; все что находится въ ней, наводитъ одно огорченіе. Поневолѣ она вырывается, такъ сказать, изъ себя, и ищетъ въ занятіяхъ внѣшнихъ случая — *забыться*. Въ этомъ самозабвеніи состоитъ все ея блаженство. Хотите ли сдѣлать ее несчастною? — заставьте только ее обратиться въ себя и быть съ собою.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ возлагаютъ на людей бремя заботъ о чести, имуществѣ ихъ, и даже о чести и имуществѣ родныхъ и друзей. Мучатъ ихъ изученіемъ языковъ, наукъ, искусствъ и тѣлесныхъ упражненій. Заваливаютъ дѣлами: внушаютъ имъ, что счастіе ихъ зависитъ единственно оттого, ежели они своимъ умомъ и трудами будутъ поддерживать свое имѣніе и честь, даже имѣніе и честь своихъ друзей; и что малѣйшее упущеніе навлечетъ на нихъ бѣду. Поручаютъ имъ такія должности и дѣла, по которымъ

надо хлопотать съ самаго разсвѣта Вотъ, скажете вы, странный способъ дѣлать ихъ счастливыми. Какъ же найтись лучше сдѣлать ихъ несчастными? Вы желаете знать, что̀ можно для этого сдѣлать? Сто̀итъ только отнять у нихъ заботы: тогда они увидятъ себя и станутъ о себѣ думать, а это всего имъ несноснѣе. Даже теперь, заваленные такою кучею дѣлъ, если имъ остается одна минута отдыха, они стараются потерять и се въ какомъ-либо увеселеніи, которое заняло бы ихъ совершенно и отвлекло бы отъ самихъ себя.

Вотъ почему, когда я принялся разсматривать различныя суеты людей, опасности и бѣдствія, которымъ подвергаются при дворѣ, на войнѣ, преслѣдуя свои честолюбивые замыслы, раждающіе столько споровъ, страстей, столько гибельныхъ и несчастныхъ предпріятій: я часто повторялъ, что все горе людей происходитъ отъ неумѣнья

покойно сидѣть въ одной комнатѣ. Человѣкъ, имѣющій довольно достатка жить тихо, если бъ умѣлъ оставаться дома, не вышелъ бы оттуда пускаться въ море, или итти на приступъ крѣпости; и если бъ только хотѣли просто жить, мало нуждались бы въ этихъ опасныхъ занятіяхъ.

Но когда разсмотрѣлъ это пристальнѣе, я увидѣлъ, что отвращеніе людей отъ спокойствія и одиночества, происходитъ отъ причины весьма существенной; а именно, отъ естественнаго бѣдствія нашего слабаго и конечнаго существа, и до того жалкаго, что ничто не можетъ насъ утѣшить, если ничто не мѣшаетъ намъ о немъ думать, и если мы видимъ только самихъ себя.

Я говорю лишь о тѣхъ, которые смотрятъ на себя безъ всякаго *религіознаго* помышленія. Одно изъ чудесъ христіанскаго ученія заключается въ томъ, что оно примиряетъ человѣка съ самимъ собою, примиряя его съ Богомъ;

дѣлаетъ для него сноснымъ взглядъ на самого себя, и дозволяетъ многимъ находить болѣе пріятности въ уединеніи и покоѣ, чѣмъ въ треволненіяхъ и сношеніяхъ людскихъ. Однако же Вѣра производитъ эти чудныя дѣйствія, не останавливая человѣка въ самомъ себѣ, а единственно вознося его къ Богу, и поддерживая его въ чувствованіи своихъ немощей надеждою *другой жизни*, которая должна освободить его отъ нихъ совершенно.

Но людямъ, дѣйствующимъ только по внушенію своихъ побужденій и своей природы, невозможно оставаться въ этомъ спокойствіи, которое понуждаетъ ихъ созерцать и видѣть самихъ себя, не сдѣлавшись немедленно добычею печали и тоски. Человѣку, который любитъ только себя, всего ненавистнѣе быть одному съ собою. Онъ старается только для себя, и ничего такъ не избѣгаетъ какъ самого себя; потому что когда видитъ себя, онъ

не видитъ себя такимъ какимъ желалъ бы, и находитъ въ себѣ тму несовершенствъ неизбѣжныхъ, и недостатокъ благъ истинныхъ и прочныхъ, котораго никакъ не можетъ замѣнить.

Изберите состояніе какое угодно, и соедините въ немъ всѣ блага и всѣ удовольствія, которыя, по вашему мнѣнію, могутъ насытить человѣка : если тотъ, кого поставятъ въ это состояніе, будетъ безъ занятія и безъ разсѣянности, и если его оставятъ размышлять о томъ, что онъ есть, это томное блаженство не поддержитъ его : онъ необходимо впадетъ въ горькія мысли о будущемъ, и если его не станутъ занимать внѣ его, онъ неминуемо будетъ несчастливъ.

Самый высокій санъ не довольно ли великъ самъ по себѣ, чтобы сдѣлать смертнаго, который имъ обладаетъ, счастливымъ черезъ одно созерцаніе того, что онъ есть? Уже ли еще нужно развлекать властелина, какъ людей

обыкновенныхъ? Вижу ясно, что для счастья обыкновеннаго человѣка, иногда надобно отклонять взоръ его отъ домашнихъ бѣдствій и наполнять всѣ его мысли тѣмъ, чтобъ онъ умѣлъ хорошо протанцовать. Но развѣ можно включить въ тотъ же порядокъ властелина? и будетъ ли онъ счастливѣе, предаваясь этимъ суетнымъ забавамъ, болѣе чѣмъ созерцанію своего величія? Можно ль представить уму его предметъ болѣе удовлетворительный? Не значитъ ли это, смущать его радость, занимая душу его мыслью о мѣрномъ движеніи ногъ по звукамъ арій, или стараніемъ ловко всадить пулю; вмѣсто того чтобы дать ему спокойно наслаждаться созерцаніемъ величественной славы, его окружающей? Испытайте это на дѣлѣ, оставьте властелина одного, безъ всякаго удовольствія чувствъ, безъ всякой заботы въ умѣ, безъ собесѣдниковъ, думать о себѣ на просторѣ, и вы убѣдитесь, что властелинъ, который себя

видитъ, есть человѣкъ полный немощей, и который чувствуетъ ихъ какъ и другой. Поэтому и избѣгаютъ того съ величайшимъ тщаніемъ, и вельможи всегда окружены великимъ множествомъ людей, которые хлопочутъ, чтобы удовольствія немедленно слѣдовали за дѣлами, и всѣ наблюдаютъ за ихъ досугами, чтобы наполнять ихъ играми и забавами, всячески избѣгая пустоты; то есть, они окружены людьми, которые дивно заботятся, чтобы властелинъ никогда не оставался одинъ и въ состояніи думать о себѣ, зная, что онъ будетъ несчастливъ, при всемъ томъ что онъ властелинъ, если о томъ подумаетъ.

Вообще всѣ люди, занимающіе важныя должности, обыкновенно столь многотрудныя, наиболѣе подкрѣпляются тѣмъ, что ихъ занятія безпрестанно препятствуютъ имъ думать о себѣ.

Замѣтьте! Быть министромъ, канц-

леромъ, первымъ президентомъ, не значитъ ли имѣть множество людей, которые тѣснятся отвсюду, и не оставляютъ имъ ни одного часа въ днѣ, гдѣ бы могли они подумать о себѣ? И однако же, когда они впадаютъ въ немилость, и когда ихъ отсылаютъ въ отдаленныя помѣстья, гдѣ у нихъ нѣтъ недостатка ни въ богатствѣ, ни въ прислугѣ, для удовлетворенія всѣмъ ихъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе они несчастны, потому что никто болѣе не мѣшаетъ имъ думать о себѣ.

Оттого многіе пристращаются къ игрѣ, къ охотѣ и другимъ увеселеніямъ, озабочивающимъ всю ихъ душу. Въ этомъ случаѣ въ сущности манитъ не прибыль, которой можно было бы ожидать отъ этихъ игръ, и не то, чтобъ полагали истинное свое счастье въ деньгахъ, которыя можно выиграть въ карты, или въ зайцѣ, за которымъ гоняются. Никто бы и не захотѣлъ того, еслибъ ему просто предлагали. Насъ

прельщаетъ не это вялое и покойное пользованіе, позволяющее намъ думать о нашей бѣдственной долѣ, но хлопотливость, которая отвлекаетъ насъ отъ этой мысли.

Оттого люди любятъ такъ шумъ и суетливость свѣта; оттого тюрьма есть наказаніе столь ужасное, и оттого такъ немногіе способны переносить одиночество.

Вотъ все что могли выдумать люди для своего счастья! И тѣ, которые забавляются, просто выставляя суетность и низость человѣческихъ увеселеній, конечно постигаютъ часть своего ничтожества; безъ сомнѣнія очень постыдно находить удовольствіе въ дѣлахъ столь низкихъ и презрительныхъ: но они не знаютъ настоящей причины, дѣлающей для людей необходимыми эти самыя ничтожности, пока вовсе не исцѣлятся отъ своей внутренней и природной немощи, которая состоитъ въ томъ, что они не могутъ спокойно

углубляться въ самихъ себя. Заецъ, еслибъ они купили его, не предохранилъ бы ихъ отъ этого углубленія; но охота предохраняетъ. Такимъ образомъ, когда ихъ упрекаютъ, что они гонятся съ такимъ жаромъ за вещью, которая не можетъ принесть имъ удовольствія, что нѣтъ того презрѣннѣе и суетнѣе: еслибъ они отвѣчали на то, какъ слѣдуетъ, еслибъ размыслили сперва, то согласились бы въ томъ; но сказали бы въ тоже время, что въ этомъ ищутъ они только шумнаго и порывистаго занятія, которое отвлекаетъ ихъ взоры отъ самихъ себя, и что для этой цѣли избираютъ они заманчивый предметъ, который ихъ прельщаетъ и останавливаетъ на себѣ все вниманіе. Но они не говорятъ того въ отвѣтъ, потому что сами себя не знаютъ. Богатый помѣщикъ отъ чистаго сердца полагаетъ, что въ охотѣ есть нѣчто великое и благород-

ное: это *царская забава*, скажетъ онъ. Тоже бываетъ и съ другими вещами, которыми большая часть людей занимается. Мы воображаемъ, что есть нѣчто дѣйствительное и прочное въ самыхъ предметахъ. Увѣряемъ себя, что получивъ такое-то мѣсто, отдохнемъ потомъ съ удовольствіемъ; и не чувствуемъ ненасытимости природы нашей. Думаемъ, что ищемъ отъ души спокойствія; а въ сущности, ищемъ только однѣхъ заботъ.

Въ людяхъ есть тайное побужденіе, заставляющее ихъ искать разсѣянности и занятія въ предметахъ внѣшнихъ, что происходитъ отъ чувства ихъ всегдашняго несовершенства. И въ нихъ есть другое тайное побужденіе—*остатокъ величія ихъ первой природы*—которое говоритъ имъ, что истинное счастье заключается въ спокойствіи. И изъ этихъ двухъ противоположныхъ побужденій, образуется въ

нихъ смутное предначертаніе, скрывающееся отъ ихъ взоровъ въ глубинѣ души, которое нудитъ ихъ стремиться къ спокойствію безпрестанными треволненіями, и всегда воображать, что *довольствіе,* котораго они не имѣютъ, придетъ къ нимъ, если, превзойдя нѣкоторыя трудности, имъ представляющіяся, они успѣютъ открыть себѣ такимъ образомъ дверь къ спокойствію.

Такъ протекаетъ цѣлая жизнь. Ищутъ спокойствія, препираясь съ нѣкоторыми препятствіями; и когда они уничтожены, спокойствіе становится несноснымъ. Всегда думаютъ, или о бѣдствіяхъ которыя терпятъ, или о тѣхъ которыя угрожаютъ. И даже, еслибъ видѣли себя довольно обезпеченными со всѣхъ сторонъ, скука, своею собственною властію, не замедлила бы вытти изъ глубины сердца, гдѣ она имѣетъ природные корни, и наполнила бы душу своею отравою.

Вотъ почему Киней, говоря Пирру, предполагавшему насладиться спокойствіемъ съ своими друзьями, по завоеваніи большой части свѣта: что лучше бы ему ускорить свое счастье, и съ той самой минуты наслаждаться этимъ спокойствіемъ, неподвергаясь такимъ трудамъ для его пріобрѣтенія,—давалъ ему совѣтъ, который представлялъ большія затрудненія, и такъ же мало былъ основателенъ, какъ и намѣреніе этого молодаго честолюбца. И тотъ и другой воображали, что человѣкъ можетъ довольствоваться самимъ собою и своими настоящими благами, не наполняя пустоты своего сердца мечтательными надеждами; это ложь. Пирръ не могъ быть счастливъ, ни прежде, ни послѣ завоеваній; и быть можетъ вялая жизнь, которую предлагалъ ему министръ, могла еще менѣе его удовольствовать, чѣмъ суетливость такого множества войнъ и странствій, имъ замышляемыхъ.

И такъ должно признаться, что человѣкъ до того несчастливъ, что скучаетъ даже безъ всякой посторонней причины, по одному собственному расположенію; а съ тѣмъ вмѣстѣ такъ сустенъ и легкомысленъ, что имѣя тысячу существенныхъ причинъ скуки, утѣшается бездѣлкою! Если разобрать хорошенько, то больше надо жалѣть о томъ, что его могутъ развлекать вещи самыя пустыя, чѣмъ о бѣдствіяхъ, которыя наносятъ ему огорченія. Его забавы несновательнѣе его скуки.

II.

Отчего этотъ человѣкъ, недавно потерявшій своего единственнаго сына, и еще сегодня по утру бывшій въ такомъ разстройствѣ духа отъ тяжбъ и ссоръ, теперь уже и не думаетъ о томъ? — Чему же дивиться: онъ весь занятъ мыслію куда пробѣжитъ олень, котораго псы его горячо преслѣдуютъ

цѣлые шесть часовъ. Этого и довольно для человѣка, какая бы грусть ни лежала на его сердцѣ. Если можно приневолить его принять участіе въ какомъ-либо увеселеніи, онъ счастливъ во все то время; но то счастье ложное и мечтательное, которое происходитъ не отъ обладанія какимъ-либо благомъ существеннымъ и прочнымъ, но отъ легкомыслія, благодаря которому онъ забываетъ свои настоящія бѣдствія, чтобы заняться предметами низкими и смѣшными, нестоющими вниманія, а еще менѣе любви. Это радость больнаго и сумасшедшаго, которая происходитъ не отъ здоровья души, но отъ ея разстройства: это смѣхъ безумія и обольщенія. Странно подумать, что̀ плѣняетъ людей въ играхъ и увеселеніяхъ. Правда, занимая умъ, они отвращаютъ его отъ чувствованія своихъ бѣдствій: такъ точно. Но они занимаютъ его только потому, что умъ образуетъ въ нихъ мечтательный пред-

метъ страсти, къ которому привязываются.

Что имѣютъ въ виду эти люди, играющіе въ *мячъ* съ такимъ напряженіемъ ума и тѣла? Просто, похвастать завтра передъ пріятелями, что они сыграли лучше другаго. Вотъ источникъ ихъ пристрастія къ игрѣ. Такъ другіе потѣютъ въ своихъ кабинетахъ, чтобы показать ученымъ, что они рѣшили алгебраическій вопросъ, котораго не могли рѣшить до того. И столько другихъ подвергаются величайшимъ опасностямъ, чтобы похвастать потомъ, что они заняли такое-то мѣсто, по мнѣ столь же безразсудно И наконецъ другіе, выбиваются изъ силъ, замѣчая всѣ эти вещи, не для того чтобъ сдѣлаться умнѣе, но просто—показать, что они знаютъ ихъ суетность: эти послѣдніе безумнѣе всѣхъ прочихъ, потому что они дѣлаютъ, зная какъ это глупо; тогда какъ о другихъ можно подумать,

что они не были бы такъ безумны, если бъ имѣли такое знаніе.

III.

Иной безъ скуки проводитъ всю жизнь, играя каждый день *по маленькой*. — Давайте же ему всякое утро деньги, которыя онъ могъ бы выиграть,—только съ условіемъ, чтобъ ему не играть,—онъ придетъ въ отчаяніе. Быть можетъ скажутъ: онъ ищетъ удовольствія въ игрѣ, а не выигрышѣ. Но заставьте его играть даромъ, онъ не разгорячится и соскучится. И такъ не просто забавы ищетъ онъ: удовольствіе холодное и безстрастное наведетъ на него скуку. Надо чтобы онъ разгорячился, чтобы воображеніе его разыгралось при мысли: какъ онъ будетъ счастливъ, если выиграетъ, а безъ того онъ и не возметъ, если бъ ему давали подъ условіемъ, чтобъ не игралъ болѣе. Ему нуженъ предметъ

страсти, возбуждающій его желаніе, его гнѣвъ, его страхъ, его надежду.

И такъ увеселенія, составляющія счастье людей, не только низки, но еще ложны и обманчивы; то есть, предметомъ ихъ бываютъ призраки и мечты, которые не могли бы занимать умъ человѣка, если бъ онъ не потерялъ чувство и ощущеніе истиннаго добра, и если бъ не былъ исполненъ низости, суетности, легкомыслія, гордости и множества другихъ пороковъ: и они облегчаютъ насъ въ нашихъ бѣдствіяхъ, только причиняя намъ бѣдствіе болѣе существенное и болѣе дѣйствительное. Вотъ что преимущественно и мѣшаетъ намъ думать о себѣ, и позволяетъ нечувствительно терять время. Безъ того мы оставались бы въ скукѣ, и скука заставила бы насъ искать средства болѣе прочнаго отъ ней избавиться. Но разсѣянность насъ обманываетъ, тѣшитъ насъ, и нечув-

ствительно приводитъ къ дверямъ гроба.

IV.

Люди, будучи не въ состояніи отвратить смерть, немощь, невѣдѣніе, рѣшились, для счастія своего, не думать о нихъ: вотъ все что могли они изобрѣсть для своего утѣшенія среди такого множества бѣдъ. Но это очень жалкое утѣшеніе: — оно не исцѣляетъ зла, а просто затаиваетъ его на короткое время, и затаивая дѣлаетъ то, что не думаютъ объ излеченіи. Такимъ образомъ, по странному превращенію природы человѣка, открывается, что скука, составляющая его зло самое чувствительное, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, его величайшее благо, потому что можетъ содѣйствовать, болѣе чѣмъ что-либо, къ побужденію его искать своего настоящаго исцѣленія; и что увеселенія, которыя онъ считаетъ сво-

имъ величайшимъ благомъ, въ сущности суть его величайшее зло, потому что отдаляютъ его, болѣе всего, отъ увраченія золъ; но и то и другое служатъ удивительнымъ доказательствомъ несовершенства и развращенія человѣка, и въ тоже время его величія. И подлинно, человѣкъ скучаетъ всѣмъ и ищетъ такого множества занятій, по той единственно причинѣ, что имѣетъ въ мысли *счастье имъ потерянное*, и котораго, ненаходя въ самомъ себѣ, напрасно ищетъ въ предметахъ внѣшнихъ, напрасно потому что оно ни въ насъ, ни въ тваряхъ, но въ единомъ Богѣ.

V.

Природа дѣлаетъ насъ всегда несчастными во всѣхъ положеніяхъ; но желанія наши рисуютъ намъ положеніе счастливое, присоединяя къ положенію, въ которомъ находимся, удоволь-

ствія принадлежащія къ другому, въ которомъ не находимся; и когда бъ достигли тѣхъ удовольствій, это не осчастливило бы насъ: тогда мы имѣли бы другія желанія, относящіяся къ новому положенію.

VI.

Представьте себѣ множество людей въ цѣпяхъ, и всѣ они осуждены на смерть; изъ нихъ нѣкоторые ежедневно умерщвляются передъ глазами другихъ; остальные, видя свой такой же жребій, и смотря другъ на друга съ горестью и безъ надежды, ожидаютъ своей очереди: — вотъ изображеніе человѣческаго состоянія!

—

СТАТЬЯ VIII.

Причины нѣкоторыхъ народныхъ мнѣній.

—

I.

Я хочу набросать здѣсь свои мысли безъ всякаго порядка, и даже въ нѣкоторомъ смѣшеніи,—не безъ намѣренія. Въ томъ-то и настоящій порядокъ, когда самымъ безпорядкомъ всегда будетъ обозначаться избранный мною предметъ.

Постараемся доказать, что всякое мнѣніе народное основательно; что народъ не такъ вѣтренъ какъ думаютъ;

и кто сталъ бы своимъ мнѣніемъ опровергать общее, того самого опровергнутъ.

II.

Можно въ нѣкоторомъ смыслѣ допустить, что всякой изъ насъ обманывается. Какъ ни основательно само по себѣ мнѣніе народное, оно не таково въ умѣ народа, который привыкъ искать истину тамъ, гдѣ нѣтъ ея. Конечно, есть истина въ его мнѣніи; но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ воображаетъ.

III.

Народъ благоговѣетъ передъ знатными. Люди полуобразованные пренебрегаютъ знатность породы, называя ее преимуществомъ случайности, а не лица. Люди разсудительные уважаютъ знатныхъ, не по народнымъ понятіямъ, но по

своимъ чистѣйшимъ. Пустосваты, незнающіе толку, вопреки примѣру людей разсудительныхъ, уважающихъ породу, ни-во-что ставятъ ее; они судятъ о ней по новымъ понятіямъ, которыя даетъ имъ набожность. Напротивъ, истинные христіане чтутъ породу, взирая на нее съ высшей точки. Такъ одно мнѣніе противорѣчитъ другому, когда всякой станетъ судить по своимъ понятіямъ.

IV.

Нѣтъ больше зла какъ брань междоусобная. Зло это неизбѣжно, когда напримѣръ надобно наградить заслугу. Тутъ всякой закричитъ: *и я заслужилъ!* Зло отъ какого-либо глупца, занявшаго знатное мѣсто по праву рожденія, не такъ велико, и не такъ вѣрно.

V.

Отчего слѣдуютъ большинству мнѣній? Оттого ли, что въ немъ больше справедливости? нѣтъ! — здѣсь увлекаетъ только сила. Почему слѣдуютъ у насъ старинымъ законамъ и мнѣніямъ? не потому ли, что въ нихъ больше здраваго смысла? совсѣмъ не то! — Кромѣ ихъ нѣтъ другихъ, а по этому и не съ кѣмъ разногласить.

VI.

Власть, основанная на мнѣніи и воображеніи, держится нѣкоторое время: это власть кроткая и добровольная; но власть силы всегда беретъ верхъ. По этому мнѣніе есть владыка міра, а сила тиранъ его.

VII.

Какъ хорошо придумано, отличать

людей больше по наружности, чѣмъ по внутреннимъ качествамъ! Кому изъ насъ двоихъ итти впередъ? кто кому уступитъ дорогу? непроворный? Но и я самъ такъ же, какъ онъ, проворенъ. И такъ, пожалуй, дѣло дойдетъ до драки. У него четыре лакея; у меня одинъ: это очевидно, стоитъ только перечесть. Такъ долженъ я уступить дорогу; и очень глупо было бы спорить. Вотъ мы и поладили такимъ образомъ — и это одно изъ величайшихъ благъ!

VIII.

. . . . . .

IX.

Могущество сильныхъ весьма много основывается на слабости и непросвѣщеніи толпы . . . . . .

Наши сановники очень хорошо постигли эту тайну. Ихъ красныя мантіи, ихъ собольи шубы, чертоги гдѣ даютъ расправу, лиліи, все это нару-

жное величіе было необходимо: и если бъ врачи неносили полукафтаній и туфель, а законники четыреугольныхъ шапокъ и широкихъ мантій, никогда не обманывали бы они свѣтъ, который не можетъ противиться признакамъ, столь достовѣрнымъ. Одни военные не старались такъ выставлять себя; ихъ доля дѣйствительно самая существенная. . . . . .

. . . . . .

Если бъ судьи имѣли въ виду истинное правосудіе, врачи — истинное искусство исцѣлять недуги, то не для чего бы имѣть имъ и большія шапки. Величіе самыхъ наукъ довольно вселяло бы къ себѣ уваженія и безъ нихъ. Но обладая только мечтательными знаніями, имъ необходимо прибѣгать къ этимъ пустымъ прикрасамъ, поражающимъ воображеніе, съ которымъ имѣютъ они дѣло; и дѣйствительно, черезъ нихъ-то они и снискиваютъ уваженіе.

Мы не можемъ видѣть стряпчаго, въ его полукафтаньи и съ огромной шапкой на головѣ, безъ выгоднаго мнѣнія о его способностяхъ.

Швейцарцы оскорбляются, когда ихъ принимаютъ за знатныхъ, и доказываютъ свое родовое мѣщанство, чтобы ихъ сочли достойными занимать важныя должности.

X.

Для управленія кораблемъ, не избираютъ того изъ путешественниковъ, который происхожденія знатнѣйшаго.

Всякій видитъ, что и на морѣ, и въ сраженіи, и вездѣ, трудятся изъ успѣха сомнительнаго; но не всякій видитъ причину этой необходимости. Монтань замѣтилъ, что спотыкающійся разумъ оскорбляетъ, и что все дѣлаетъ обычай; но онъ не различилъ причины того дѣйствія. Люди, кото-

рые видятъ только дѣйствія, а не видятъ причинъ, находятся къ тѣмъ, которые открываютъ причины, въ такомъ отношеніи, какъ люди имѣющіе только глаза къ имѣющимъ еще и разсудокъ. Дѣйствія нѣкоторымъ образомъ ощутительны для всѣхъ, тогда какъ причины видимы только для разума. И хотя дѣйствія эти мы видимъ разумомъ, этотъ разумъ къ разуму, который видитъ самыя вещи, находится точно въ такомъ отношеніи, какъ тѣлесныя чувства къ уму.

XI.

Отчего не сердимся на хромоногаго, а сердимся на кривой разсудокъ? Хромоногій не споритъ съ нами, что мы ходимъ прямо, а кривой разсудокъ утверждаетъ, что кривитъ не онъ, а мы; иначе онъ скорѣе возбудилъ бы въ насъ жалость, чѣмъ гнѣвъ.

Эпиктетъ спрашиваетъ, почему мы

не сердимся, когда намъ говорятъ, что у насъ болитъ голова, а сердимся, если намъ скажутъ, что судимъ неправильно, или дѣлаемъ дурной выборъ? Вотъ причина : мы увѣрены, что голова у насъ не болитъ, или что мы не храмлемъ; но совсѣмъ не увѣрены въ томъ, что выборъ нашъ правиленъ. Мы увѣрены въ этомъ только потому что смотримъ во всѣ глаза. Другой, который смотритъ также во всѣ глаза, увѣренъ въ противномъ : это насъ останавливаетъ, изумляетъ, и тѣмъ болѣе когда тысяча постороннихъ смѣются надъ нашимъ выборомъ — а надо предпочесть знанія свои, знаніямъ такого множества другихъ людей, что *и дерзко и трудно*. Колченогій никогда не надѣлаетъ такого противорѣчія.

XII.

Уважать—значитъ безпокоить себя : это ничтожно повидимому, но очень

справедливо. Мы какъ-будто говоримъ: я охотнѣе бы обезпокоился, еслибъ вы нуждались въ томъ, но теперь безпокоюсь безъ всякой пользы для васъ: ктому жъ уваженіемъ и различаютъ знатныхъ. Еслибъ уваженіе заключалось только въ томъ, чтобы сидѣть въ креслахъ, тогда уважали бы всѣхъ, и не было бы никакого различія; но обезпокоивая себя, различаютъ людей очень хорошо.

XIII.

Нарядная одежда не бездѣлица; это выставка, что много людей на васъ работаютъ; прическа ваша показываетъ, что у васъ есть камердинеръ, парикмахеръ, и пр.; бѣлье, что у васъ есть швеи, прачки, и пр.

А это уже не просто выставка, и не просто нарядъ, имѣть множество рукъ къ своимъ услугамъ.

XIV.

Удивительно: не хотятъ чтобы я уважалъ человѣка зато, что одѣтъ въ парчу, и за нимъ идутъ семь или восемь лакеевъ! Да онъ велитъ прибить меня, если не отдамъ ему почтенія. Эта одежда—сила; совсѣмъ иное отношеніе богато убраннаго коня къ другой лошади.

Монтань очень забавенъ, когда невидя въ этомъ разницы, удивляется что другіе ее находятъ, и спрашиваетъ, какая причина.

XV.

Народъ иногда мыслитъ очень здраво; такъ напримѣръ, онъ предпочелъ увеселенія и охоту поэзіи: полу-ученые смѣются надъ этимъ, и съ торжествомъ выставляютъ безразсудность выбора; но есть причина, которой они не замѣчаютъ, и по которой народъ

правъ. Хорошо такъ же онъ дѣлаетъ, различая людей по наружности, какъ и по ихъ богатству или происхожденію: свѣтъ усиливается доказать, что это — глупо; а оно право совсѣмъ не глупо.

XVI

Великое преимущество *знатность!* она съ восемнадцати или двадцати лѣтъ доставляетъ человѣку извѣстность и уваженіе, которыхъ другой едва добьется въ пятьдесятъ лѣтъ: тутъ тридцать лѣтъ выигрывается, безъ всякаго труда.

XVII.

Иной, желая показать, что напрасно не уважаютъ его, при всякомъ случаѣ ссылается на значительныхъ особъ, которыя не пренебрегаютъ имъ. Мнѣ хотѣлось бы отвѣчать такому: покажи намъ заслуги, которыми ты пріобрѣлъ

уваженіе этихъ особъ, — тогда и мы будемъ уважать тебя.

XVIII.

Вотъ человѣкъ садится у окна, посмотрѣть на проходящихъ; когда иду мимо, могу ли сказать, что онъ нарочно сѣлъ, чтобы меня видѣть? Нѣтъ! онъ лично обо мнѣ и не думаетъ. А тотъ, кто любитъ извѣстную персону за красоту ея, ее ли любитъ? Нѣтъ! пусть она лишитъ ее красоты, персона еще жива, а онъ перестанетъ любить ее. Если меня любятъ за умныя разсужденія, или за память, меня ли собственно любятъ? Нѣтъ! я могу и утратить эти качества, не переставая существовать. Гдѣ же это *я*, если оно ни въ тѣлѣ, ни въ душѣ? И какъ иначе любить тѣло или душу, если не за эти качества, которыя однако не составляютъ этого *я*, потому что они могутъ утратиться? Можно ли любить въ отвле-

ченности сущность чьей-либо души, какія бы ни были ея качества? Это невозможно, и было бы несправедливо. И такъ не персону любятъ, а ея качества; или, если любятъ персону, то должно сказать, что она состоитъ изъ собранія качествъ.

XIX.

Вещи, которыя наиболѣе насъ тревожатъ, часто вовсе незначительны; напримѣръ, заботливость скрыть свою бѣдность. Изъ этой ничтожной вещи воображеніе наше дѣлаетъ гору. Дай другой оборотъ воображенію, тогда бѣднякъ охотно выскажетъ свою бѣдность.

XX.

Люди, способные изобрѣтать, рѣдки: неизобрѣтающихъ гораздо больше, и потому они сильнѣе. Обыкновенно они любятъ оспоривать у изобрѣтателя

славу, которую онъ заслужилъ, или старается заслужить своими изобрѣтеніями. Если онъ упорствуетъ въ своемъ искательствѣ, и платитъ презрѣніемъ людямъ ума неизобрѣтательнаго, этимъ навлечетъ на себя только насмѣшки и прослыветъ мечтателемъ. И такъ, не должно величаться своимъ преимуществомъ, какъ оно ни велико: лучше довольствоваться уваженіемъ малаго числа людей, знающихъ ему цѣну.

—

СТАТЬЯ IX.

Нравоучительныя мысли, отрывками.

—

I.

У насъ есть всѣ хорошія правила: имъ нѣтъ только приложенія. Напримѣръ, никто не сомнѣвается, что жизнью должно жертвовать для защиты общей пользы: но теперь рѣдко кто приноситъ эту жертву *религіи*. Неравенство необходимо между людьми; но допустивъ его, вы открыли путь къ злоупотребленію. Нужно дать немного воли уму, и вотъ случай къ величай-

шей его необузданности. Всему свой предѣлъ. Вещи сами по себѣ не имѣютъ границъ: законы хотятъ положить ихъ, а разумъ противится.

II.

Разумъ повелѣваетъ нами сильнѣе всякой власти. Не покоряясь власти, дѣлаемся несчастными: а не повинуясь разуму, дѣлаемся глупцами.

III.

. . . . . .

IV.

Люди, сбившіеся съ истиннаго пути, говорятъ людямъ порядочнымъ, что они-то отклонились отъ природы; сами же думаютъ, что поступаютъ сообразно съ нею: такъ точно плывущіе на кораблѣ, думаютъ что отъ нихъ удаляются тѣ, которые на берегу. У

всѣхъ одинакая поговорка. Но—чтобы судить вѣрно,—было бы на чѣмъ основаться. Для моряка пристань служитъ основною точкою: а гдѣ эта точка въ нравственности?

V.

Мода, законодательница въ области пріятнаго, даетъ законы и на то, что справедливо и несправедливо. Если бъ человѣкъ дѣйствительно зналъ, что право и неправо, онъ не допустилъ бы этого правила, самаго общаго изъ всѣхъ существующихъ между людьми, чтобы каждый слѣдовалъ нравамъ своей страны: настоящая правда, есть ли бы она была извѣстна, подчинила бы своему вліянію всѣ народы, и законодатели, вмѣсто этой постоянной правды, не приняли бы, въ образецъ себѣ, прихотей и выдумокъ Персовъ или Нѣмцевъ; она укоренилась бы во всѣхъ государствахъ, и навсегда.

VI.

Праведно и законно есть то, что постановлено; по этому всѣ наши постановленные законы необходимо справедливы, безъ всякаго разсмотрѣнія, потому что они постановлены.

VII.

Единственно всеобщія правила суть законы государства, *для* вещей обыкновенныхъ; а *для* прочихъ — большинство голосовъ. Отчего же это? — отъ силы ихъ!

. . . . . .

VIII.

Безъ сомнѣнія равенство благъ справедливо. Но не имѣя возможности принудить человѣка покориться справедливости, его заставили покориться силѣ; не имѣя возможности дать силу правдѣ, оправдали силу, чтобы *сила*

и *правда* жили вмѣстѣ, и хранили между собою миръ, который есть верховное благо. Summum jus, summa injuria.

Большинство есть лучшій способъ удержать за собою власть, потому что оно очевидно, и имѣетъ довольно силы заставить себѣ повиноваться; однако жъ на это согласны люди не совсѣмъ дѣльные.

Если бъ можно было, то силу отдали бы справедливости; но какъ сила качество осязаемое, и не даетъ дѣлать изъ себя что угодно, между тѣмъ какъ справедливость есть качество духовное, которымъ располагаютъ по произволу, то и отдали справедливость во власть силы, и такимъ образомъ зовутъ *справедливостью* то, что силою принудятъ сдѣлать.

IX.

Справедливость требуетъ соблюдать

справедливое; а слѣдовать сильнѣйшему заставитъ необходимость. Справедливость, безъ силы, не имѣетъ никакой власти; сила, безъ справедливости, обращается въ деспотизмъ. Справедливость, безъ силы, всегда встрѣчаетъ противорѣчіе, потому что всегда есть злые люди; сила безъ справедливости, навлекаетъ на себя обвиненія. И такъ должно соединить справедливость и силу; и для этого распорядиться такъ, чтобы справедливое было сильно; а сильное—справедливо.

О справедливости можно спорить; а сила очень ясна и неоспорима. Такъ стоитъ только дать силу справедливости. Будучи не въ состояніи сдѣлать справедливое сильнымъ, сдѣлали сильное справедливымъ.

X.

Народъ повинуется законамъ, потому что считаетъ ихъ справедливыми. По

этой причинѣ надлежитъ говорить ему въ тоже время, что онъ долженъ повиноваться имъ, потому что они законы, какъ должно повиноваться старшимъ, не потому что они справедливы, но потому что они старшіе. — Такъ предупреждается всякій безпорядокъ, если успѣютъ это внушить. Вотъ собственно все опредѣленіе справедливости.

XI.

Хорошо если бъ повиновались законамъ и обычаямъ, потому что они законы; и чтобъ народъ понималъ, что именно это и дѣлаетъ ихъ справедливыми. Такимъ образомъ отъ нихъ никогда не отступали бы: тогда какъ подчиняя справедливость зависимости отъ другихъ вещей, ее легко сдѣлать сомнительною; и вотъ отчего народы иногда шумятъ.

XII.

. . . . . .

XIII.

Вотъ ложныя и насильственныя рѣчи: Я хорошъ, меня должно бояться; я силенъ, меня должно любить. Я, и пр..... Насиліе заключается въ желаніи достигнуть однимъ путемъ того, что можно получить только другимъ. Всякому достоинству свое воздаяніе. Пріятное, по всѣмъ правамъ заслуживаетъ любовь; сильнаго, по всѣмъ правамъ боятся, ученому вѣрятъ, и прочая. Эти права выполнять надобно; несправедливо отказывать въ нихъ, несправедливо также требовать другихъ. Столько же несправедливо и своевольно говорятъ: онъ не силенъ, и мнѣ не зачѣмъ его уважать; онъ необразованъ, и мнѣ нечего его опасаться. Насиліе состоитъ въ желаніи владычествовать надъ всѣми безъ всякаго порядка.

XIV.

Есть пороки, которые держатся въ

насъ только другими пороками; и когда взято будетъ прочь дерево, то и они поволокутся за нимъ какъ вѣтви.

XV.

Когда злонамѣренность имѣетъ и разумъ на своей сторонѣ, она становится горделивою, и выставляетъ его во всемъ блескѣ: когда строгая степенность не вдругъ избрала истинное благо, и принуждена снова обратиться къ природѣ, тогда этотъ возвратъ раждаетъ въ ней гордость.

XVI.

Имѣть возможность забавляться, не значитъ быть счастливымъ; забавы приходятъ изъ другаго мѣста и извнѣ. Поэтому онѣ зависимы, и слѣдовательно могутъ быть разстроены множествомъ приключеній, дѣлающихъ огорченія неизбѣжными.

XVII.

Верхъ ума назовутъ безумiемъ, какъ и крайнюю его тупость. Только посредственность всегда въ похвалѣ у людей. Этотъ порядокъ установило большинство, и оно же язвитъ всякаго кто успѣлъ какимъ-либо образомъ переступить эту черту. Я и не прекословлю; согласенъ, чтобы меня заключили въ эти предѣлы; и если не хочу быть послѣднимъ съ конца, то не потому чтобъ не быть послѣднимъ, но чтобъ не быть на концѣ. Я отказался бы также и быть первымъ. Вытти изъ средины, значитъ вытти изъ человѣчества: величiе души человѣческой состоитъ въ умѣньи держаться въ этой срединѣ; и столько же потребно величiя вытти изъ ней, сколько и не выходить изъ нея (*).

(*) *Примѣч. Переводч.* Не много насчитаемъ такихъ, которые на нашемъ вѣку вышли изъ этой средины

XVIII.

Въ свѣтѣ нельзя прослыть знатокомъ въ стихахъ, не выставивъ вывѣски поэта; ни свѣдущимъ въ математикѣ, не выставивъ вывѣски математика. Но истинно честные люди не хотятъ вывѣсокъ, и не полагаютъ различія между ремесломъ поэта и золотошвея. Они не зовутъ себя ни поэтами, ни геометрами, но судятъ правильно обо всемъ этомъ. Ихъ не угадаешь. Они будутъ продолжать разговоръ о томъ, о чемъ шла рѣчь въ бесѣдѣ, когда они вошли. Въ нихъ одно качество не выказывается преимущественно передъ другимъ, кромѣ только случая необходимости: но тогда они дадутъ себя замѣтить: они не хотятъ чтобы выхваляли ихъ краснорѣчіе, когда они молчатъ, но когда же заговорятъ, хотятъ чтобы всякій нашелъ

и не посрамили себя. Многіе, выскочивъ оттуда, сдѣлались только смѣшны.

рѣчи ихъ хорошими. Итакъ мы сдѣлаемъ ложную похвалу, сказавъ про вошедшаго человѣка — онъ искусный поэтъ; и это дурной знакъ, если прибѣгаютъ къ его суду, когда дѣло идетъ только о нѣсколькихъ стихахъ. У человѣка много нуждъ: онъ любитъ лишь тѣхъ, которые могутъ помочь ему въ нуждѣ. Этохорошій математикъ, скажутъ; но мнѣ математика ни къ чему не служитъ. Этотъ человѣкъ силенъ въ военномъ дѣлѣ; но я не намѣренъ ни съ кѣмъ воевать. Итакъ нужно найти честнаго человѣка, который могъ бы приладиться ко всѣмъ нашимъ нуждамъ.

XIX.

Здоровые, мы не понимаемъ что бываетъ съ больными; больные же, мы весело принимаемъ лекарство: болѣзнь тутъ все рѣшаетъ. Теряютъ страсть къ забавамъ и охоту къ прогулкамъ, которую давало здоровье, и которыя несовмѣстны съ требованіями болѣз-

ни. Природа даетъ тогда страсти и желанія, сообразныя съ настоящимъ положеніемъ. Насъ смущаютъ опасенія, которыя сами въ себѣ возбуждаемъ, а не природа; и они-то, къ положенію, въ которомъ мы находимся, присоединяютъ страсти положенія, въ которомъ не находимся.

XX.

Смиренныя рѣчи суть дѣло гордости у людей гордыхъ, и смиренія у людей истинно смиренныхъ. И рѣчи пирроническія и скептическія служатъ подтвержденіемъ у людей нелюбящихъ сомнѣваться. Немногіе говорятъ о смиреніи, смиренно; о цѣломудріи, цѣломудренно; о сомнѣніи, сомнѣваясь. Мы исполнены лжи, лукавства и противорѣчій. Мы прячемся и закрываемся отъ самихъ себя.

XXI.

Скрытыя добрыя дѣла заслужива-

ютъ наиболѣе уваженіе. Когда я встрѣчаю подобныя въ исторіи, они приносятъ мнѣ большое удовольствіе. Однако же они не были совершенно скрыты, потому что сдѣлались извѣстны; и эта извѣстность уменьшаетъ ихъ цѣну : величайшее достоинство ихъ заключается — въ желаніи ихъ скрыть.

XXII.

Страсть отпускать остроты, есть признакъ дурнаго нрава (*).

XXIII.

Эгоизмъ ненавистенъ : и тѣ которые не задушаютъ его, а только прикрываютъ, всегда достойны ненависти. — Нимало, скажете вы; поступая обяза-

---

(*) *Прим. Переводчика.* Говорятъ, что Вольтеръ такъ былъ взбѣшенъ этимъ замѣчаніемъ, что прочитавъ его впервые, въ порывѣ гнѣва, назвалъ Паскаля безумцемъ.

тельно для всѣхъ, мы отнюдь не заслуживаемъ чтобы насъ ненавидѣли. Правда, еслибъ въ эгоизмѣ ненавидѣли только непріятности, отъ него происходящія. Но я ненавижу его за то, что онъ несправедливъ, дѣлая себя центромъ всего, и по этой причинѣ буду всегда его ненавидѣть. Короче сказать, *эгоизмъ* имѣетъ два качества: несправедливъ самъ по себѣ, стараясь сдѣлаться центромъ всего, и несносенъ для другихъ, стараясь всегда покорить ихъ себѣ: всякой эгоистъ есть врагъ, и готовъ быть тираномъ другихъ. Попробуйте отнять у него докучливость его, но оставьте при немъ несправедливость; вы этимъ не сдѣлаете его *любезнымъ для тѣхъ*, которые ненавидятъ въ немъ несправедливость; вы сдѣлаете его любезнымъ только для несправедливыхъ, которые болѣе не находятъ въ немъ своего врага: этакъ останетесь и вы несправедливыми, и будете нравиться только несправедливымъ.

XXIV.

Не удивляюсь человѣку, обладающему во всемъ совершенствѣ какою-либо добродѣтелью, если онъ не обладаетъ въ тоже время въ равной степени добродѣтелью противоположною, каковъ былъ *Эпаминондъ*, соединявшій крайнее мужество съ крайнимъ мягкодушіемъ: иначе это не значитъ возвышаться, а скорѣе упасть. Величіе не состоитъ въ одной крайности; оно состоитъ въ искусствѣ касаться обѣихъ вдругъ, и держаться середины. Но быть можетъ это только внезапное движеніе души отъ одной крайности къ другой, тогда какъ она въ сущности находится лишь въ одной точкѣ, какъ горящая головня, которую вертятъ. Но по-крайней-мѣрѣ это показываетъ, если не обширность, то быструю дѣятельность нашей души.

XXV.

Еслибъ наше положеніе было дѣйствительно счастливо, намъ ненужно было бы развлекаться и думать о томъ.

Бездѣлица насъ тѣшитъ, и бездѣлица огорчаетъ.

XXVI.

Я провелъ много времени въ изученіи отвлеченныхъ наукъ: но малое число людей, съ которыми можно о нихъ бесѣдовать, отбило у меня къ нимъ охоту. Когда я приступилъ къ изученію человѣка, то замѣтилъ, что отвлеченныя науки ему несвойственны, и что я болѣе отступалъ отъ моего назначенія углубляясь въ нихъ, чѣмъ другіе незная ихъ; и я извинилъ ихъ нерадѣніе. Но я думалъ по-крайней-мѣрѣ найти многихъ товарищей въ изученіи

человѣка, какъ наиболѣе ему свойственномъ, и я обманулся. Еще менѣе занимаются его изученіемъ, чѣмъ геометріею.

XXVII.

Когда все движется одинакимъ образомъ, тогда ничто повидимому не движется: какъ, напримѣръ, на кораблѣ. Когда всѣ стремятся къ беззаконію, это стремленіе незамѣтно ни въ комъ. Кто останавливается, тотъ даетъ замѣтить *заносчивость* прочихъ, какъ неподвижная точка.

XXVIII.

Философы считаютъ себя очень многознающими и проницательными, заключивъ все свое правоученіе въ нѣкоторыхъ подраздѣленіяхъ. Но зачѣмъ раздѣлять его на четыре части, скорѣе чѣмъ на шесть? Зачѣмъ постановлять четыре рода добродѣтелей, скорѣе чѣмъ

десять? Зачѣмъ разлагать ихъ на *воздержаніе* и *терпѣніе* (abstine et sustine), скорѣй чѣмъ на другіе виды? Но тутъ, скажете вы, все заключается въ одномъ словѣ. Такъ! но это безполезно, если того не объяснятъ. По объясненіи и раскрытіи этого правила, содержащаго всѣ другія, остальныя истекаютъ изъ него въ томъ же первоначальномъ безпорядкѣ, котораго вы старались избѣгнуть; и такимъ образомъ, содержась всѣ въ одномъ, они скрыты и безполезны; когда же хотятъ вывести ихъ наружу, они являются въ своемъ естественномъ безпорядкѣ. Природа постановила ихъ всѣхъ каждое въ самомъ себѣ; и хотя можно совокуплять ихъ одно съ другимъ, они существуютъ независимо одно отъ другаго. Итакъ, всѣ эти раздѣленія и эти слова приносятъ одну лишь пользу — помогаютъ памяти и служатъ заглавіемъ.

XXIX.

Если желаете съ пользою исправить друга, и показать ему, что онъ обманывается, разсмотрите, съ какой стороны онъ глядитъ на вещь (она обыкновенно истинна съ той стороны), и укажите ему эту истину. Для него и довольно: онъ видитъ, что не обманывался, и что только не замѣчалъ всѣхъ сторонъ. А въ этомъ еще нѣтъ стыда; но никто не хочетъ быть обмануть. И быть можетъ это происходитъ оттого, что разумъ не можетъ обмануться въ вещи на той сторонѣ, на которую смотритъ, такъ какъ представленія чувствъ всегда бываютъ истинны.

XXX.

Добродѣтель человѣка не должно измѣрять его усиліями, но его обыкновеннымъ образомъ жизни.

XXXI.

И знатные и незнатные подвержены одинакимъ приключеніямъ, одинакимъ непріятностямъ и одинакимъ страстямъ; но одни стоятъ на верху колеса, а другіе ближе къ центру, и по этому менѣе потрясаются тѣми же самыми движеніями.

XXXII.

Хотя бы люди не извлекали никакой выгоды изъ того, что они говорятъ, однакожъ не должно заключать изъ этого, что они не лгутъ: иные лгутъ просто для того, чтобы лгать.

XXXIII.

Примѣръ цѣломудрія Александра Македонскаго менѣе сдѣлалъ воздержныхъ, чѣмъ примѣръ его пьянства произвелъ невоздержныхъ. Нѣтъ стыда не равняться ему въ добродѣтели.

и считаютъ извинительнымъ, если не превосходятъ его въ порокахъ. Иные считаютъ себя не совсѣмъ погрязшими въ порокахъ, общимъ всѣмъ прочимъ людямъ, когда видятъ себя въ порокахъ, свойственныхъ великимъ мужамъ; но они забываютъ, что это именно въ нихъ сторона общая со всѣми людьми. Хотятъ походить на нихъ въ томъ, въ чемъ они сами сходствуютъ съ толпою. Какъ ни возвышены они надъ прочими людьми, всегда есть точка, въ которой съ ними соединяются. Они не висятъ въ воздухѣ, и не отдѣлены отъ нашего общества. Если въ нихъ болѣе величія чѣмъ въ насъ, то потому что голова ихъ выше; но ихъ ноги стоятъ такъ же низко какъ и наши. Они всѣ въ уровень съ нами, и опираются на ту же землю; и въ этомъ смыслѣ, они столько же низки какъ и мы, какъ и дѣти, какъ и звѣри.

XXXIV.

Намъ нравится сраженіе, а не побѣда. Любятъ смотрѣть, какъ сражаются животныя, а не какъ побѣдитель преслѣдуетъ побѣжденнаго. Кажется только и хотѣли видѣть, что конецъ побѣды; когда же она кончилась — ею *пресыщены*. Такъ и въ игрѣ, такъ и въ изысканіи истины. Любятъ видѣть въ прѣніяхъ борьбу мнѣній; но совсѣмъ не любятъ созерцать найденную истину. Чтобъ дать ее замѣтить съ удовольствіемъ, должно показать ее рождающеюся изъ прѣнія. Такъ и въ страстяхъ, находятъ удовольствіе видѣть столкновеніе двухъ противныхъ страстей; но если одна изъ нихъ возметъ верхъ надъ другою, то это просто одно скотство. Мы никогда не ищемъ вещей, а хотимъ только искать вещи. Такъ въ драмѣ явленія счастливыя, безъ ужаса, никуда негодят-

ся, равно и крайнія бѣдствія безъ надежды, и любовь слишкомъ чувственная.

XXXV.

Людей не учатъ *честности*, а всему прочему учатъ; однако же они болѣе всего величаются этимъ знаніемъ. Стало быть они чванятся знаніемъ того, чему совсѣмъ не учатся.

XXXVI.

Что̀ за глупая мысль пришла Монтаню изобразить себя! И не мимоходомъ и не въ противность своимъ правиламъ, какъ случается всякому по неосторожности; но согласно съ своими собственными правилами, вслѣдствіе первоначальнаго и главнаго намѣренія. Говорить глупости случайно и по слабости намъ свойственной, это еще вещь обыкновенная; но говорить ихъ съ на-

мѣрснѣмъ, вотъ что нестерпимо, а особенно говорить подобныя глупости.

XXXVII.

Сожалѣть о несчастныхъ не противно нашимъ страстямъ; напротивъ, мы любимъ выказывать себя человѣколюбивыми, и пріобрѣтать славу благотворительности *безъ малѣйшей траты*. И такъ это еще неважно.

XXXVIII.

Придетъ ли въ голову человѣку, котораго обласкали бы, напримѣръ, короли Англійскій, Польскій и Шведскій, что — можетъ случиться — онъ нигдѣ не найдетъ себѣ ни покрова, ни убѣжища?

XXXIX.

Вещи имѣютъ различныя качества, душа различныя склонности; дѣйствительно, ни одинъ предметъ не предста-

вляется душѣ простымъ, и душа сама никогда не представляется ни какому предмету простою. Оттого иногда мы смѣемся и плачемъ объ одной и той же вещи.

XL.

Есть различные умы: есть умы сильные, острые, добрые и религіозные; изъ нихъ каждый долженъ владычествовать у себя, а не на сторонѣ. Случается имъ сталкиваться: и сильный, и острый глупо спорятъ о томъ, кому изъ нихъ быть обладателемъ другаго; потому что власть ихъ не одного рода. Они сами себя не понимаютъ,— и вся вина въ томъ, что они хотятъ вездѣ властвовать. Этого никому не удастся достигнуть, ни даже силѣ; она не имѣетъ никакого вліянія въ области ученыхъ; она управляетъ только внѣшними поступками.

XLI.

Ferox gens nullam esse vitam sine armis putat (Звѣрскій народъ не можетъ представить себѣ жизни безъ войны). Одни лучше хотятъ смерти, чѣмъ мира; другіе согласны лучше умереть, чѣмъ воевать. Всякое мнѣніе можно предпочесть жизни, къ которой такъ естественно и сильно привязаны.

XLII.

Какъ трудно предложить что-либо на судъ другаго, неповредивъ его сужденію самимъ способомъ предложенія. Говоря, мнѣ кажется это прекрасно, мнѣ кажется это темно, наклоняютъ воображеніе къ этому сужденію, или напротивъ раздражаютъ его. Лучше ничего не говорить: тогда онъ судитъ самъ по себѣ, то есть, смотря потому, какимъ онъ есть въ ту минуту,

и какимъ расположатъ его другія обстоятельства, отъ него независящія; если впрочемъ ваше молчаніе не будетъ имѣть также своего дѣйствія, глядя по обороту и толкованію, которое вздумается ему дать; или, потому какъ заключитъ онъ о выраженіи вашего лица или голоса: такъ легко сбить сужденіе съ натуральнаго основанія! или лучше, такъ мало сужденій твердыхъ и прочныхъ!

XLIII.

Монтань справедливъ: обычаю должно слѣдовать, потому что онъ обычай и что его постановили, незаботясь сообразенъ ли онъ съ разсудкомъ или нѣтъ; это разумѣется только о томъ, что непротивно естественному и божескому праву. Правда народъ и слѣдуетъ ему по той единственной причинѣ, что считаетъ его справедливымъ, а безъ того онъ ему не слѣдовалъ бы:

всѣ хотятъ покоряться только разсудку или справедливости. Безъ этого обычай прослылъ бы притѣсненіемъ; тогда какъ власть разума и правосудія столько же притѣснительны, какъ и власть наслажденія.

XLIV.

Знаніе вещей насъ окружающихъ не замѣнитъ намъ незнанія нравственности во дни горести ; но чистая нравственность всегда утѣшитъ насъ въ незнаніи вещей постороннихъ.

XLV.

Время притупляетъ горести и ссоры, потому что мы измѣняемся и становимся совсѣмъ другими. Ни обидчикъ, ни обиженный не остаются такими какъ были. Это тоже что поссорившійся народъ, послѣ двухъ поко-

лѣній. Все это Французы, но уже не тѣ.

XLVI.

Условія человѣческаго существа: *непостоянство, скука, заботы.* Кто хочетъ вполнѣ познать суетность человѣка, пусть разсмотритъ только причины и дѣйствія *любви.* Причина ея есть *что-то непонятное* (какъ выразился Корнель); а ея дѣйствія ужасны. — Это *что-то непонятное*», такая малость, что ее нельзя и замѣтить, приводитъ въ волненіе всѣ земли, государей, войска, цѣлый міръ. Еслибъ носъ Клеопатры былъ немного короче, все лице земли было бы не то.

XLVII.

Цесарь былъ, по моему мнѣнію, слишкомъ старъ, чтобы находить удовольствіе въ завоеваніяхъ. Эта забава

шла Александру: юношу, каковъ Александръ, трудно удержать; но Цесарь долженъ быть разсудительнѣе.

XLVIII.

Чувство лживости настоящихъ удовольствій, и незнаніе суетности удовольствій отсутствующихъ, причиняютъ непостоянство.

XLIX.

. . . . . .

L.

Расположеніе духа моего отнюдь не зависитъ отъ времени. Мой туманъ и мое ведро во мнѣ самомъ; даже дурной или хорошій ходъ дѣлъ моихъ мало имѣетъ на то вліянія. Я иногда самъ собою воюю съ несчастіемъ, и слава одолѣть заставляетъ меня одолѣвать его весело; тогда какъ въ другихъ случаяхъ,

я бываю равнодушенъ и холоденъ посереди величайшаго счастья.

LI.

Случается, когда я выражаю мысль свою на письмѣ, она убѣгаетъ отъ меня; но это напоминаетъ мнѣ мои недостатки, о которыхъ я безпрестанно забываю; и это еще болѣе вразумляетъ меня, чѣмъ убѣжавшая мысль: тутъ я научаюсь познавать свою ничтожность.

LII.

Забавно подумать, что есть на свѣтѣ люди, которые отрекшись божескихъ и естественныхъ законовъ, сами для себя составили правила, которымъ и слѣдуютъ съ точностью, напримѣръ воры, и пр.....

LIII.

Эта собака моя, говорили мальчиш-

ки : это мое мѣсто на солнышкѣ !—Не таковы ли первые завоеватели земли?

LIV.

Извини любезнѣйшій : ты вовсе не ловокъ ! Безъ этого извиненія, я не замѣтилъ бы колкости. Часто въ оговоркѣ : *не въ обиду будь сказано,* — заключается вся обида.

LV.

Обыкновенно представляютъ себѣ Платона и Аристотеля въ длинной одеждѣ, серіозными, глубокомысленными. Эти добрые люди, такъ же какъ и другіе, смѣялись съ своими пріятелями; составленіе законовъ и политическихъ системъ, было для нихъ забавою и развлеченіемъ. Въ этой части ихъ жизни всего менѣе философическаго и серьознаго: философіи больше было въ ихъ простой и спокойной жизни.

LVI.

Человѣкъ склоненъ къ насмѣшкамъ: только не надъ бѣдняками; иное дѣло посмѣяться надъ гордостью счастливцевъ. Кто думаетъ иначе, ошибается.

Марціалова эпиграмма *на кривыхъ* никуда негодится; потому что она несчастныхъ не радуетъ, а только славу авторскую усиливаетъ. Мало въ томъ пользы гдѣ авторъ думаетъ только о себѣ. Ambitiosa recidet ornamenta (Обрѣжь пышную одежду). Надобно нравиться тѣмъ, у кого чувства мягкія и нѣжныя, а не сердцамъ жесткимъ и суровымъ.

LVII.

Мнѣ тошно отъ этихъ комплиментовъ: «я васъ обезпокоилъ; я боюсь «наскучить; боюсь, не надоѣлъ ли вамъ?» — тутъ, или поддѣнутъ меня, или раздразнятъ.

LVIII.

Истинный другъ есть сокровище, даже для знатныхъ; они всячески должны стараться пріобрѣсть его, для того чтобы всегда говорилъ о нихъ доброе, и поддерживалъ ихъ и въ самомъ отсутствіи. Но при выборѣ друга, должно быть осторожнымъ. Если всѣ эти поиски употреблены для глупца, не будетъ пользы, сколько ни говори онъ про нихъ хорошаго: да онъ и не скажетъ про нихъ хорошо, если никто его не поддержитъ; онъ самъ не входу—и для компаніи, вмѣстѣ съ другими, будетъ ихъ злословить.

LIX.

Хотите ли чтобы про васъ хорошо говорили?—Сами о себѣ—*ни слова.*

LX.

Не надо смѣяться надъ тѣми, кото-

рыхъ уважаютъ по чинамъ или мѣстамъ, ими занимаемымъ. У насъ то и хорошо что не наше. Люди ненавидятъ другъ друга. Полагаю навѣрное: если бъ мы знали все, что говорятъ про насъ другіе, то не нашлось бы и четырехъ друзей въ свѣтѣ. Это доказываютъ ссоры, причиною которыхъ бываютъ иногда нескромные пересуды.

LXI.

Легче умереть, недумая о смерти, чѣмъ безтрепетно выдержать мысль о смерти, не подвергаясь опасности.

LXII.

Суетность мірская вездѣ бросается намъ въ глаза, и между тѣмъ ее такъ мало знаютъ! Попробуйте же, скажите, что глупо гоняться за бренными благами; всѣ ахнутъ, и назовутъ васъ чудакомъ. Удивительно!

Кто не видитъ суетности міра, тотъ самъ очень сустенъ. Да и кто̀ не видитъ ее, кромѣ молодыхъ людей, которые вѣчно въ чаду забавъ, и нисколько не думаютъ о будущемъ. Но отнимите у нихъ забавы, они высохнутъ отъ скуки; они почувствуютъ свое ничтожество, сами того не зная. Дѣйствительно очень несчастливъ тотъ, кто впадаетъ въ нестерпимую тоску, при одной лишь мысли о самомъ себѣ, и не можетъ найти развлеченія.

LXIII.

Всякая вещь частію истинна, частію ложна. Не такова настоящая истина: она вся свѣтла, безъ малѣйшей тѣни. Всякая примѣсь унижаетъ и уничтожаетъ ее. Нѣтъ ничего истиннаго, если разумѣть одну истину безъ примѣси. Скажутъ, убійство предосудительно: такъ! мы хорошо знаемъ что̀ дурно и что̀ несправедливо. Но что̀

назовутъ хорошимъ? Цѣломудренное безбрачіе? Неправда, тогда перевелись бы люди. Бракъ? Нѣтъ! воздержаніе лучше. Никого не предавать смерти? Нѣтъ, потому что распутство дошло бы до крайности, и злые стали бы умерщвлять добрыхъ. Такъ убивать? Опять нѣтъ, потому что это истребило бы природу. Мы не имѣемъ вполнѣ ничего совершенно добраго, ни совершенно истиннаго; все это съ примѣсью злаго и ложнаго.

LXIV.

Зло очень легко и чрезвычайно разнообразно; добро почти единственно. Но нѣкоторый родъ зла такъ же трудно отыскать, какъ и то что называется благомъ; и нерѣдко подъ этимъ признакомъ, мы выдаемъ какое-нибудь зло за благо. . . . Даже должно обладать необыкновеннымъ величіемъ духа, чтобы достичь его какъ и блага (*).

(*) *Прим. Переводчика.* Намъ современный при-

LXV.

Узы, привязывающіе уваженіе одного къ другому, вообще говоря, суть узы необходимости. Они имѣютъ различныя степени, потому что всѣ люди хотятъ властвовать, но не всѣ могутъ, а только нѣкоторые. Узы, привязывающіе наше уваженіе къ тому или другому лицу въ частности, суть узы произвольные.

LXVI.

Мы такъ несчастны, что нѣтъ для насъ удовольствія, которое, въ случаѣ неудачи, не произвело бы огорченія: а на это найдется тысяча причинъ, и

мѣръ тому—султанъ Махмудъ II: истребленіе Янычаръ—для Оттоманской имперіи—есть одно изъ тѣхъ величайшихъ благъ, которое должно причислить къ этому разряду всеспасающаго зла.

—каждую минуту. Еслибъ кто научилъ наслаждаться добромъ, не ощущая противнаго тому зла, тотъ открылъ бы великую тайну!

—

СТАТЬЯ X.

Разныя мысли о философіи и литературѣ.

—

I.

Чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ больше открываетъ странностей въ другихъ. Человѣкъ обыкновенный не примѣчаетъ никакой разности между людьми.

II.

Можно имѣть умъ здравый, и не во всемъ поступать здраво. Иные, при такомъ умѣ, очень хорошо судятъ

только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и сбиваются въ другихъ. Одни умѣютъ сдѣлать выводъ изъ немногихъ началъ, другіе же лучше выводятъ изъ многихъ. Такой то, напримѣръ, хорошо понимаетъ дѣйствія воды; тутъ хотя немного началъ, но выводы весьма тонкіе и доступные лишь большой проницательности; тотъ же самый человѣкъ, можетъ быть, плохой былъ бы геометръ; потому что геометрія объемлетъ большое число началъ. А развѣ не можетъ случиться, что иной умъ легко проникаетъ немногія начала до самой глубины,—и путается, когда ихъ много.

И такъ умъ дѣлится на два рода: одинъ быстро и глубоко можетъ проникать послѣдствія началъ—это умъ *смѣтливый*. Другой можетъ обнимать множество началъ, не перемѣшивая ихъ—это умъ *геометрическій*. Въ одномъ преобладаетъ сила и правильность; въ другомъ обширность. И

одинъ отъ другаго можетъ не зависѣть. Въ одно и тоже время, умъ можетъ быть сильнымъ и ограниченнымъ, или обширнымъ и слабымъ.

Большая разница между умомъ геометрическимъ и умомъ смѣтливымъ. Въ одномъ начала очень ясны, но удалены отъ общаго употребленія; такъ что трудно добраться до нихъ по непривычкѣ; но если вникнуть въ нихъ, они представятся въ полномъ свѣтѣ, и должно имѣть умъ очень ложный, чтобы неправильно судить о такихъ ясныхъ началахъ, которыхъ почти нельзя не замѣтить.

Но въ умѣ смѣтливомъ, начало въ общемъ употребленіи у всѣхъ и передъ глазами. Ненужно, ни ломать головы, ни утруждать своего вниманія. Нуженъ хорошій взглядъ; но только хорошій, потому что начала эти такъ тонки и такъ многочисленны, что никакъ почти нельзя не выпустить изъ виду. А упущеніе одного начала

ведетъ къ заблужденію: по этому должно имѣть взглядъ очень свѣтлый, кто хочетъ обнять всѣ начала; и потому умъ очень правильный, чтобы не судить ложно по дознаннымъ началамъ.

И такъ всѣ геометры были бы смѣтливыми, если бъ имѣли хорошій взглядъ; потому что они не судятъ ложно по началамъ дознаннымъ; умы же смѣтливые сдѣлались бы геометрами, если бъ могли остановить вниманіе свое на непривычныхъ имъ началахъ геометріи.

Вотъ почему нѣкоторые смѣтливые умы неспособны къ геометріи, оттого что никакъ не могутъ обратиться къ ея началамъ; въ геометрахъ же недостаетъ смѣтливости, оттого что ничего не видятъ передъ собою; и привыкнувъ къ началамъ геометріи яснымъ и грубымъ, и разсуждать только разглядѣвъ и осязавъ хорошо свои начала, они теряются въ предметахъ утонченныхъ, въ которыхъ начала не такъ

осязательны. Послѣднія едва замѣтны: ихъ скорѣе чувствуютъ нежели видятъ; чрезвычайно трудно дать ихъ почувствовать тому, кто нечувствуетъ ихъ самъ отъ себя: эти вещи такъ тонки и такъ многочисленны, что нужно имѣть смыслъ очень острый и очень свѣтлый, чтобы ихъ постигнуть, и чаще всего безъ всякой возможности доказать ихъ порядкомъ, какъ въ геометріи; и это потому что начала ихъ неопредѣлены, и что для этого потребенъ трудъ безконечный. Должно вдругъ окинуть предметъ однимъ взглядомъ, а не исподоволь, помощію умозрѣнія, покрайней-мѣрѣ до нѣкоторой степени. Оттого-то рѣдко встрѣчаются смѣтливые между геометрами, и геометры между смѣтливыми; потому что геометры хотятъ подчинять вещи тонкія геометрическому способу познаванія, и дѣлаются смѣшными, начиная съ опредѣленій, и переходя потомъ къ началамъ. способъ никуда негодный для такого

рода сужденій. Это не значитъ, что умъ не слѣдуетъ ему: онъ слѣдуетъ, но скрытно, естественно и безъ знанія; что̀ доказывается тѣмъ, что выраженіе этихъ мыслей понятно всякому, тогда какъ чувствуютъ ихъ немногіе.

Умы смѣтливые, напротивъ, привыкнувъ судить о всемъ по первому взгляду, находятъ странными предложенія, въ которыхъ они ничего не понимаютъ; чтобъ войти въ смыслъ ихъ, должно пробѣжать цѣлый рядъ опредѣленій и сухихъ началъ, которыхъ они не привыкли видѣть такимъ образомъ въ подробности; все это сплетеніе наконецъ ихъ утомляетъ и наводитъ скуку. Что̀ же до умовъ ложныхъ, они неспособны ни къ тому ни къ другому роду познаванія.

Итакъ математики, предавшіеся исключительно математикѣ, имѣютъ умъ прямой, но только пока имъ хорошо объясняютъ все опредѣленіями и выводами: въ противномъ случаѣ они

ложны и нестерпимы. Ихъ правильность зависитъ только отъ началъ, хорошо объясненныхъ. Но умы смѣтливые, и только что смѣтливые, не имѣютъ терпѣнія спуститься до первыхъ основаній предметовъ умозрительныхъ, которыхъ никогда не видѣли въ свѣтѣ и въ употребленіи.

III.

Часто, чтобы доказать иные предметы, ссылаются на такіе примѣры, для доказательства которыхъ моглибы служить тѣ самые предметы; впрочемъ тѣмъ не менѣе это имѣетъ свое дѣйствіе; обыкновенно воображая, что трудность заключается въ томъ, что хотятъ доказать, находятъ примѣры яснѣе. Такъ, желая доказать что-нибудь общее, представляютъ частный случай. Но когда хотятъ доказать какое-либо частное правило, начинаютъ съ правила общаго. Вещь, которую хотятъ доказать, всегда кажется темною, а та,

которую употребляютъ для доказательства, кажется ясною; намѣреваясь доказать что-либо, прежде всего наполняются мыслью, что оно слѣдовательно темно; а напротивъ то ясно, что должно служить доказательствомъ, и такимъ образомъ это понимаютъ очень легко.

IV.

Всякое наше умствованіе уступаетъ чувству. Но фантазія наша, и похожа на чувство, и не похожа; похожа въ томъ, что она не умствуетъ; а не похожа въ томъ, что фальшивитъ; и такъ трудно разграничить эти двѣ противоположности. Одинъ назоветъ чувствомъ воображеніе; а другой воображеніе чувствомъ; и я самъ говорю тоже. Надо, напримѣръ, положить какое-нибудь правило: вы заставляете работать разсудокъ; но онъ гнётся на всѣ стороны, слѣдовательно и правила быть не можетъ.

V.

Люди, которые судятъ о какомъ-либо сочиненіи по правиламъ, въ отношеніи къ другимъ тоже, что люди имѣющіе часы къ неимѣющимъ. Одинъ говоритъ: два часа уже какъ мы здѣсь. Неболѣе трехъ четвертей часа, скажетъ другой. Я посмотрю на часы и одному скажу: вы здѣсь скучаете; а другому: вы не замѣчасте какъ проходитъ время,—уже полтора часа; и самъ посмѣюсь надъ тѣми, которые скажутъ, что время для меня слишкомъ длинно, и что я сужу о немъ по прихоти: они не знаютъ, что сужу о немъ по моимъ часамъ.

VI.

Иные хорошо говорятъ, а пишутъ дурно. — Мѣсто, присутствующіе, и другіе предметы, распаляютъ ихъ, и умъ дастъ болѣе искръ, чѣмъ безъ этого поджога.

VII.

Нельзя безъ труда пріобрѣсть то, что хорошо въ Монтанѣ. То, что въ немъ дурно (я не касаюсь его поведенія), можно бы исправить въ одну минуту: стоило только замѣтить ему, что онъ слишкомъ много разсказываетъ, и слишкомъ говоритъ о себѣ.

VIII.

Чрезвычайно дурно слѣдовать *исключеніямъ*, а не правилу. Надо быть судіею строгимъ, и отбрасывать исключенія. Но какъ уже нѣтъ правила безъ исключенія — *пусть судятъ строго, лишь бы справедливо.*

IX.

По мнѣнію нѣкоторыхъ людей, авторъ не долженъ говорить о томъ, о

чемъ уже говорили другіе : иначе его обвинятъ въ повтореніи чужаго. Но пусть предметъ его не новъ, можно дать ему расположеніе новое. Игроки играютъ однимъ и тѣмъ же шаромъ, но одинъ бросаетъ лучше другаго. Не все ли равно, если бы автора осудили: зачѣмъ употребляетъ онъ старыя слова ? Одна и таже мысль, другимъ порядкомъ расположенная , составляетъ другую рѣчь, такъ точно какъ одни и тѣже слова, при другомъ расположеніи, составляютъ другую мысль.

X.

Обыкновенно мы лучше убѣждаемся причинами, которыя пріискали сами, чѣмъ тѣми, которыя пришли на умъ другимъ.

XI.

Естественное свойство ума — вѣрить, а воли — любить ; оттого мы, за не-

имѣніемъ настоящихъ предметовъ, поневолѣ прилѣпляемся къ ложнымъ.

XII.

Душѣ несвойственна высота, на которую поднимаютъ ее иногда чрезмѣрныя усилія разума; душа, такъ сказать, дѣлаетъ скачокъ и тотчасъ падаетъ.

XIII.

Человѣкъ не ангелъ и не звѣрь; а по несчастію, желая сдѣлать изъ него ангела, дѣлаютъ звѣря.

XIV.

Узнайте чью-либо главную страсть, и вы навѣрно ему понравитесь; и между тѣмъ всякій имѣетъ причуды, противныя своему собственному благу, даже въ самомъ понятіи о благѣ:

вотъ странности, затрудняющія всѣхъ желающихъ пріобрѣсть чью-либо дружбу!

XV.

Лошадь не старается возбудить къ себѣ удивленіе въ своей сподручной. Замѣтно въ нихъ правда нѣкоторое соревнованіе на бѣгу; но это не имѣетъ послѣдствій: въ конюшнѣ, самая тяжелая и самая неуклюжая не уступаетъ за то овса своего другой. Не такъ бываетъ между людьми: они недовольствуются собственнымъ чувствомъ своей добродѣтели; и если не получаютъ отъ ней никакого преимущества надъ другими, то считаютъ себя обиженными.

XVI.

Какъ искажаютъ умъ, такъ искажаютъ и чувство. Умъ и чувство образуютъ бесѣдами. Такимъ образомъ хоро-

шая или дурная бесѣда, или образуетъ, или портитъ человѣка. Стало быть должно прежде всего сдѣлать хорошій выборъ, чтобъ его образовать, а не испортить: а выбора этого сдѣлать нельзя, не образовавъ и не испортивъ его предварительно. Итакъ это кругъ, изъ котораго счастливъ тотъ, кому удастся унесть ноги.

XVII.

Между естественными предметами, въ познаніи которыхъ для насъ нѣтъ необходимости, если есть такіе, которыхъ истина намъ неизвѣстна, то съ одной стороны это даже полезно: людямъ нужно одно какое-либо общее заблужденіе, на которомъ останавливался бы ихъ умъ, какъ напримѣръ: *луна*, которой приписываютъ перемѣну времени, усиленіе болѣзней, и прочая. Главная болѣзнь человѣка заключается въ безпокойномъ любопытствѣ, съ

которымъ онъ стремится познать вещи недоступныя его знанію; и трудно рѣшить, что̀ болѣе вредитъ ему, совершенное ли невѣдѣніе предметовъ этого рода, или это безполезное любопытство.

XVIII.

Еслибъ молнія упала на низкое мѣсто, поэты и тѣ, которые умѣютъ разсуждать только о явленіяхъ этого рода (то есть, какими они бываютъ чаще и обыкновеннѣе въ природѣ), не нашли бы въ умѣ своемъ доказательствъ.

XIX.

Уму свойственъ свой порядокъ — порядокъ началъ и доводовъ; сердцу свойственъ другой. Никто не доказываетъ, что его должно любить, излагая въ порядкѣ причины любви: это было бы смѣшно.

Іисусъ Христосъ и Апостолъ Павелъ гораздо болѣе слѣдовали порядку сердца, который есть порядокъ христіанской любви, чѣмъ порядку ума; потому что ихъ главная цѣль была не научать, но согрѣвать. Блаженный Августинъ также его придерживался. Порядокъ этотъ состоитъ преимущественно въ отступленіяхъ при каждомъ предметѣ, относящихся къ общей цѣли, но отступленіяхъ всегда на нее указывающихъ.

XX.

Иные переодѣваютъ всю природу. У нихъ нѣтъ короля, но великодушный монархъ; нѣтъ Парижа, но столица королевства. — Есть мѣста, гдѣ Парижъ должно звать Парижемъ; другія, гдѣ его должно звать столицею королевства.

XXI.

Когда въ рѣчи встрѣчаются слова

повторенныя, и если стараясь ихъ замѣнить, находятъ ихъ столько приличными, что этимъ испортилась бы рѣчь, то должно ихъ оставить; это настоящія выраженія, и въ этомъ случаѣ слѣпота на сторонѣ зависти, которая не знаетъ, что повтореніе не есть ошибка въ томъ мѣстѣ; для этого нѣтъ общаго правила.

XXII.

Писатели, безпрестанно употребляющіе *антитезы*, натягивая слова, похожи на зодчихъ, которые дѣлаютъ фальшивыя окна для симетріи. Метода ихъ не въ томъ, чтобы говорить правильно, но чтобъ дѣлать правильныя фигуры.

XXIII.

Одинъ языкъ въ отношеніи къ другому есть цыфирь, въ которомъ слова измѣнены въ слова, а не буквы въ бук-

вы: поэтому-то и можно разобрать незнакомый языкъ.

XXIV.

Есть образецъ пріятности и красоты, который состоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи между нашею природою, слабою или сильною, какая бы она ни была, и предметомъ который намъ нравится. Все что сдѣлано по этому образцу, плѣняетъ насъ: *домъ, пѣсня, рѣчь, стихи, проза, женщины, птицы, рѣки, деревья, комнаты, платье.* Все что не по нёмъ, ненравится никому съ хорошимъ вкусомъ.

XXV.

Говорятъ—красота поэтическая; надлежало бы говорить также—красота геометрическая, и красота медицинская. Однако этого не говорятъ; и причина та, что хорошо знаютъ въ

чемъ состоитъ предметъ геометріи и предметъ медицины; но не знаютъ въ чемъ состоитъ пріятность предмета поэзіи. Не знаютъ что̀ это за естественный образецъ, которому должно подражать; и по недостатку этого познанія, выдумали нѣкоторыя странныя выраженія: *золотой вѣкъ*, *чудо нашихъ дней*, *роковые лавры*, *прекрасная звѣзда*, и т. п., и это лепетаніе зовутъ—поэтической красотою. Но вообразите себѣ женщину, одѣтую по этому образцу: вы увидите хорошенькую дѣвицу, всю покрытую стеклярусомъ и мѣдными цѣпочками; и вмѣсто того чтобы найти ее пріятною, вы невольно разсмѣетесь; а это потому, что лучше знаютъ въ чемъ состоитъ пріятность женщины, чѣмъ пріятность стиховъ. Незнатоки въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть, плѣнились бы ею въ такомъ нарядѣ; и во многихъ деревняхъ ее приняли бы за королеву: и вотъ почему иные называютъ сонеты, сочи-

ненные по этому образцу, *деревенскими королевами*.

XXVI.

Когда естественная рѣчь рисуетъ страсть, или какое-либо дѣйствіе, мы находимъ въ самихъ себѣ истину того, что слышимъ; она таилась въ насъ безъ нашего сознанія, и мы невольно располагаемся въ пользу того, кто даетъ намъ ее почувствовать. Онъ выказываетъ намъ не свое добро, но наше; и это благодѣяніе дѣлаетъ его для насъ пріятнымъ: ктому же, единство мыслей необходимо склоняетъ сердце любить его.

XXVII.

Краснорѣчіе должно заключать и пріятное и существенное; но это пріятное должно быть въ тоже время существенно.

XXVIII

Встрѣчая слогъ естественный, мы удивлены, мы восхищены: мы думали встрѣтить автора, и находимъ человѣка. Напротивъ, люди съ правильнымъ вкусомъ, которые надѣются въ хорошей книгѣ найти человѣка, приходятъ въ изумленіе, встрѣтивъ сочинителя: plus poetice quam humane locutus est (который выражается болѣе поэтически, чѣмъ человѣчески). Весьма возвышаютъ достоинство природы тѣ, которые внушаютъ ей, что она можетъ говорить о всемъ, даже о богословіи.

XXIX.

Съ сочинителями случается, что они послѣ всего спохватятся о томъ, о чемъ слѣдовало бы имъ знать напередъ.

XXX.

Въ разговорѣ не должно перебѣ-

гать отъ одного предмета къ другому, развѣ хотимъ разсѣяться; но и то лишь кстати: въ противномъ случаѣ, только охладимъ вниманіе слушающихъ— и насъ всѣ бросятъ. Кто не умѣетъ нравиться, ничего не выиграетъ. Удовольствіе такая монета, за которую мы рады отдать все что угодно!

XXXI.

Не смѣшно ли, что въ живописи мы съ удивленіемъ смотримъ на сходство предметовъ, которые не удивляютъ насъ въ подлинникѣ!

XXXII.

Одинъ и тотъ же смыслъ мѣняется, смотря по словамъ, его выражающимъ. Не смыслъ даетъ силу словамъ, а слова смыслу.

XXXIII.

Кто привыкъ судить по чувству, худой знатокъ въ предметахъ размышле-

нія. Ему хотѣлось бы вдругъ однимъ взглядомъ проникнуть, а онъ привыкъ доискиваться началъ. Другой, напротивъ, привыкши разсуждать по началамъ, ничего не понимаетъ въ предметахъ чувства; онъ ищетъ въ нихъ началъ, и не можетъ обнять однимъ взглядомъ.

XXXIV.

Истинное краснорѣчіе смѣется надъ витіеватостью; истинная нравственность смѣется надъ нравоученіемъ; то есть, нравственность сужденія смѣется надъ нравственностью разсудка, въ которомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго.

XXXV.

Всѣ ложныя красоты, которыя мы охуждаемъ въ Цицеронѣ, находятъ многихъ почитателей.

XXXVI.

Смѣяться надъ философіею, значитъ философствовать.

XXXVII.

Многіе изъ насъ, Французовъ, столько же разумѣютъ проповѣдь, сколько и обыкновенную службу. (Это Латынь для нихъ.)

XXXVIII.

Рѣки можно назвать движущимися дорогами, переносящими насъ куда захочемъ. (Страсти наши подобны рѣкѣ; онѣ заносятъ туда, куда бы мы и не хотѣли.)

XXXIX.

Два сходныя лица, изъ которыхъ ни одно въ отдѣльности несмѣшно,

вмѣстѣ возбуждаютъ смѣхъ своимъ сходствомъ.

XL.

У астрологовъ, алхимиковъ, и прочихъ, есть хорошія основанія: но они употребляютъ ихъ во зло. А злоупотребленіе истинъ столько же заслуживаетъ наказаніе, какъ и распространеніе лжи.

XLI.

Я очень сердитъ на Декарта: Ему хотѣлось бы обойтись безъ Бога въ своей философіи; а самъ никакъ не могъ обойтись безъ толчка вселенной, чтобы привесть ее въ движеніе; послѣ этого, какая ему нужда въ Вышней Силѣ!

—

СТАТЬЯ XI.

Нѣчто объ Эпиктетѣ и Монтанѣ.

—

I.

Эпиктетъ лучше всѣхъ философовъ понималъ обязанности человѣка. Онъ учитъ, что человѣкъ прежде всего долженъ обратиться къ Богу, главному своему предмету; вѣрить нелицемѣрно правосудію его; съ покорностью и безусловно исполнять его волю, дѣйствующую во всемъ по законамъ вышней премудрости: при такомъ распо-

ложеніи души пресѣкутся всякія жалобы и роптанія; умъ приготовляется къ терпѣнію въ происшествіяхъ самыхъ непріятныхъ. «Не говори никогда, учитъ онъ, я потерялъ это; скажи лучше, я назадъ отдалъ. У меня «сынъ умеръ; я отдалъ его: жена умерла, я отдалъ ее. Такъ и про имущество. «и про все прочее. Но тотъ, кто отнимаетъ у меня эти блага—злой человѣкъ «—скажешь ты; а зачѣмъ тебѣ грустить «и безпокоиться, черезъ кого тотъ, кто «временно далъ ихъ тебѣ, потребовалъ «обратно къ себѣ? Пока пользуешься «ими, береги ихъ какъ чужое добро: «поступай какъ проѣзжій въ гостинницѣ. Ты не долженъ, говоритъ Эпиктетъ, желать, чтобы все шло по твоему; пусть все идетъ своимъ путемъ. По«мни, прибавляетъ онъ, что ты здѣсь «какъ актёръ, и какъ въ комедіи, играешь роль, назначенную управляю«щимъ. Дана тебѣ роль короткая, иг«рай коротко; дана длинная, играй

«длинно: оставайся на сценѣ сколько онъ «велитъ; являйся передъ зрителя бога- «тымъ или бѣднымъ, какъ распорядит- «ся хозяинъ. Твое дѣло хорошо сыг- «рать роль; выбрать ее, дѣло друга- «го. Имѣй ежедневно передъ глазами «смерть; воображай бѣдствія, самыя «лютыя,—и тебѣ никогда не придетъ «мысль ни о чемъ земномъ, и ты не «будешь желать ничего неумѣренно.

Эпиктетъ въ тысячи различныхъ видахъ изображаетъ, что̀ должно человѣку дѣлать. Онъ требуетъ отъ него смиренія; совѣтуетъ, не выставлять на показъ своихъ благихъ намѣреній, особенно вначалѣ, а совершать ихъ втайнѣ; ничто такъ не вредитъ имъ, какъ гласность. Онъ непрестанно повторяетъ, что всѣ усилія и помыслы человѣческіе должны стремиться къ познанію воли Божіей и къ исполненію ея.

Таковы были понятія великаго ума, разгадавшаго обязанности человѣка:

прекрасно, если бъ онъ разгадалъ также его слабость! Но постигнувъ такъ хорошо, что̀ должно дѣлать, онъ теряется въ кичливыхъ мечтаніяхъ о томъ, что̀ можно сдѣлать. «Богъ, говоритъ онъ, далъ каждому человѣку «способы исполнить всѣ свои обязанности; способы эти всегда въ его власти; «счастье должно стараться пріобрѣсть «только тѣми средствами, которыя въ «нашей власти, потому что Богъ далъ «ихъ намъ для этой-цѣли: разсмотримъ «же что̀ есть въ насъ произвольнаго. «Имущество, жизнь, общественное уваженіе не въ нашей власти, и не ведутъ «къ Богу; но умъ не принужденъ вѣрить тому, что ложно, ни воля любить «то, что должно сдѣлать ее несчастною: «и такъ эти двѣ силы рѣшительно свободны, и посредствомъ ихъ только можемъ достигнуть совершенства, познать наилучшимъ образомъ Бога, любить его; нравиться ему, побѣдить всѣ «пороки, пріобрѣсть всѣ добродѣтели,

«и такимъ образомъ сдѣлаться святыми «и неразлучными съ Богомъ». — Эти начала ведутъ Эпиктета къ заблужденіямъ, какъ то: что горесть и смерть еще не бѣдствія ; что самоубійство позволительно, когда видишь себя гонимымъ до того, что можно подумать, что Богъ призываетъ насъ, и прочая.

II.

Монтань, родившійся въ странѣ христіанской, исповѣдуетъ Вѣру католическую, и въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего особеннаго; но желая составить нравственность, основанную на разумѣ, безъ свѣта истиннаго ученія, онъ избираетъ начала свои въ этомъ предположеніи, и разсматриваетъ человѣка, какъ отринутаго отъ всякаго откровенія. И такимъ образомъ онъ вноситъ всѣ предметы въ сомнѣніе повсемѣстное и всеобщее ; человѣкъ не довѣряетъ даже тому, что

онъ во всемъ сомнѣвается; и перѣшительность его вращается вѣчно около самой себя, въ кругу безпрестанно возобновляющемся—равно опровергая и тѣхъ, которые говорятъ, что все невѣрно, и тѣхъ, которые утверждаютъ противное, потому что онъ самъ не хочетъ ничего утверждать. Въ этомъ сомнѣніи, которое сомнѣвается въ самомъ себѣ, и въ этомъ незнаніи, которое само себя не знаетъ, заключается сущность его мнѣнія. Онъ не можетъ выразить его никакимъ положительнымъ терминомъ: потому что сказавъ, что сомнѣвается, онъ измѣнитъ себѣ, утверждая тѣмъ по-крайней-мѣрѣ, что онъ сомнѣвается; но такое утвержденіе совершенно противно его намѣренію, и онъ принужденъ объясняться вопросами. Такъ, не желая сказать, я не знаю, онъ говоритъ: *Что знаю я?* Эти слова избралъ онъ себѣ въ девизъ, и поставилъ надъ ними вѣсовыя чаши, которыя, содер-

жа противоположности, находятся въ совершенномъ равновѣсіи. Однимъ словомъ, онъ настоящій Пирронистъ. Всѣ его *Разсужденія*, всѣ его *Опыты* основаны на этомъ началѣ; и это единственная вещь, которую онъ берется доказать утвердительно. Онъ уничтожаетъ нечувствительно все что считается самымъ достовѣрнымъ между людьми, не для того чтобы доказать противное, съ тою положительностью, которую онъ единственно ненавидитъ; но чтобы показать, что при одинакихъ признакахъ съ той и съ другой стороны, не знаешь чему вѣрить.

Въ этомъ духѣ, смѣется онъ надъ всѣми убѣжденіями; опровергаетъ, между прочимъ, тѣхъ, которые думаютъ во множествѣ и мнимой точности законовъ найти великое средство къ отвращенію тяжбъ: какъ-будто можно срѣзать корень сомнѣній, отъ которыхъ рождаются тяжбы! какъ-будто есть оплоты, которые могутъ остано-

вить потокъ перемѣнчивости, и положить предѣлы догадкамъ! При этомъ онъ говоритъ, *что все равно, отдать ли дѣло свое на судъ первому встрѣчному, или поручить его судьямъ, вооруженнымъ огромнымъ числомъ указовъ.* Онъ самъ не вызывается перемѣнить порядокъ государственный; не выдаетъ мнѣніе свое за лучшее; по словамъ его, нѣтъ правильнаго мнѣнія. Онъ хочетъ только доказать суетность мнѣній наиболѣе принятыхъ. Отмѣненіе всѣхъ законовъ, говоритъ онъ, скорѣе уменьшило бы число ссоръ, чѣмъ это множество постановленій, которое только ихъ распложаетъ; потому что трудности возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ ихъ взвѣшиваютъ, темноты умножаются толкованіями, и вѣрнѣйшее средство понять смыслъ рѣчи—не разбирать ее, а взять какъ она представляется съ перваго разу: начните только ее разсматривать, и ясность разсѣется. На этотъ же ладъ рядитъ онъ о

всѣхъ дѣяніяхъ человѣческихъ и о всѣхъ пунктахъ исторіи, то такъ, то иначе; слѣдуя произвольно своему первому взгляду, и не подчиняя мысли своей правиламъ разсудка, который, по словамъ его, имѣетъ только ошибочныя предположенія. Восхищенный, что можетъ своимъ примѣромъ показать противоположности одного и того же ума, со всею независимостью генія, онъ безъ различія оспариваетъ, то жарко, то слабо; во всякомъ случаѣ, тѣмъ ли, другимъ ли примѣромъ, онъ имѣетъ средство доказать слабость человѣческихъ мнѣній; и это всеобщее сомнѣніе имѣетъ то преимущество, что оно торжествуетъ даже опрокинутое.

Опираясь на эти начала, какъ они ни зыбки и ни шатки, Монтань опровергаетъ съ непобѣдимою твердостью еретиковъ своего времени, утверждавшихъ, что имъ однимъ извѣстенъ настоящій смыслъ Писанія; они же служатъ ему для пораженія гнуснаго без-

божія тѣхъ, которые дерзаютъ говорить, что нѣтъ Бога. Особенно онъ тѣснитъ ихъ въ похвальномъ словѣ Раймунду Себондскому. Заставъ ихъ добровольно отринувшими отъ себя всякое откровеніе, и предавшимися своему естественному знанію, которое однако они сохраняютъ, онъ вопрошаетъ ихъ, по какому праву рѣшаются они судить объ этомъ Верховномъ Существѣ, которое безконечно по собственному его опредѣленію; они, въ сущности незнающіе ни малѣйшей былинки въ Природѣ! Онъ спрашиваетъ, на какія начала они опираются, и понуждаетъ показать ихъ ему. Разсматриваетъ всѣ начала, которыя они могутъ представить, и проникаетъ такъ далеко, съ искусствомъ ему свойственнымъ, что выказываетъ суетность всѣхъ тѣхъ, которые слывутъ самыми просвѣщенными и самыми непоколебимыми. Спрашиваетъ, познаетъ ли душа вещи; познаетъ ли она самую

себя; есть ли она сущность или только проявленіе; тѣло или духъ; и что̀ такое каждый изъ этихъ предметовъ; и можетъ ли что̀-либо не подходить подъ одинъ изъ этихъ разрядовъ; знаетъ ли душа свое собственное тѣло; знаетъ ли она что̀ такое вещество; какъ можетъ разсуждать, если она есть вещество; и какъ можетъ сочетаться съ особеннымъ тѣломъ и чувствовать его страсти, если она духовна? Когда началось ея существованіе? современно ли оно, или предшествовало тѣлу? кончается ли душа съ нимъ, или нѣтъ? не обманывается ли она иногда? знаетъ ли она, когда заблуждается? дѣйствительно—сущность ошибки, не состоитъ ли въ невѣдѣніи ея путей? Онъ спрашиваетъ еще, разсуждаютъ ли животныя, думаютъ ли, говорятъ ли? Кто можетъ рѣшить что̀ такое *время, пространство, протяженіе, движеніе, единство*, всѣ явленія насъ окружающія, и совершенно непзъяснимыя;

что̀ такое *здоровье*, *болѣзнь*, *смерть*, *жизнь*, *добро*, *зло*, *справедливость*, *грѣхъ*, о которыхъ мы говоримъ ежеминутно; имѣемъ ли мы въ себѣ начала истиннаго, и тѣ, которымъ вѣримъ и которыя зовутъ *аксіомами*, или *свѣдѣніями общими всѣмъ людямъ*, сообразны ли съ существенною истиною? Если мы знаемъ ихъ только вѣруя, что всеблагое Существо вложило въ насъ эти познанія истинныя, создавъ насъ для познанія истины; безъ этого свѣта Вѣры, кто поручится намъ, что эти познанія, составившіяся случайно, несомнительны; или, если они составлены существомъ коварнымъ и злымъ, кто поручится, что оно не дало намъ познанія ложныя, для нашего обольщенія? — Такимъ образомъ онъ показываетъ, что *Богъ* и *истина* неразлучны; и что если одинъ существуетъ, то существуетъ и другая; если одинъ сомнителенъ, то сомнительна и другая. Кто знаетъ, разсу-

докъ, который обыкновенно мы поставляемъ судьею истиннаго, предназначенъ ли для этого отправленія тѣмъ, кто его создалъ? кто знаетъ, что такое истина? и какъ можно увѣриться въ ея обладаніи, незная ея? Кто знаетъ даже, что такое Существо, потому что не возможно опредѣлить его, — что нѣтъ ничего обширнѣе этого понятія, и чтобы объяснить его, должно прибѣгнуть къ самому Существу, говоря, это есть то или другое. Итакъ, если мы не знаемъ, что такое *душа, тѣло, время, пространство, движеніе, истина, добро,* или даже—что такое *существо*; если не можемъ объяснить понятія, которое составляемъ себѣ о томъ, то какъ убѣдимся мы, что это понятіе одинаково во всѣхъ людяхъ? Мы не имѣемъ о немъ другихъ признаковъ, кромѣ однообразія послѣдствій, которое не есть еще признакъ однообразія началъ; эти послѣднія очень могутъ быть различны,

и вести однако къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ; кому неизвѣстно, что истина часто выводится изъ лжи.

Наконецъ Монтань глубоко разбираетъ науки; *геометрію*, которой онъ старается выказать нерѣшимость въ ея аксіомахъ и въ терминахъ ею неопредѣляемыхъ, какъ то: *пространство, движеніе,* и т. п.; *физику* и *врачебную науку*, которыя онъ унижаетъ до безконечности: *исторію, политику, нравоученіе*, *юриспруденцію*, и прочая; такъ что безъ откровенія, мы можемъ подумать, слѣдуя Монтаню, что жизнь наша сонъ, отъ котораго пробуждаемся только съ смертію, и во время котораго столь же мало владѣемъ началами истиннаго, какъ и во время обыкновеннаго сна. Такимъ образомъ онъ сильно и жестоко бранитъ разумъ, неимѣющій Вѣры; заставляетъ его усомниться въ своей подлинности, и въ томъ, что животныя разумны или нѣтъ, болѣе или менѣе человѣка; низ-

водитъ его съ степени совершенства, которую онъ себѣ приписывалъ, и ставитъ, изъ милости, на ряду со скотами, не позволяя ему выти изъ этого порядка, покуда не повѣдаетъ ему самъ Творецъ степени болѣе свойственной, и которой онъ не знаетъ: угрожая, если онъ ропщетъ, поставить его ниже всѣхъ тварей, что ему кажется столько же легко какъ и противное тому. Въ тоже время, однако, онъ даетъ ему право дѣйствовать, но для того лишь, чтобы сознать свою слабость съ искреннимъ смиреніемъ, а не превозноситься въ безумномъ тщеславіи. Нельзя, безъ радости, видѣть, въ этомъ писателѣ, гордый разсудокъ, такъ непобѣдимо стираемый его собственнымъ оружіемъ, и это кровавое возстаніе человѣка на человѣка, которое, изъ бесѣды съ Богомъ, куда возносился онъ въ изреченіяхъ своего слабаго разсудка, сталкиваетъ его въ разрядъ безсловесныхъ; — и

отъ всей души полюбили бы исполнителя такого великаго мщенія, еслибъ, какъ смиренный питомецъ Вѣры и Церкви, онъ послѣдовалъ правиламъ нравственности, и побудилъ людей, такъ благодѣтельно имъ смиряемыхъ, не раздражать новыми злодѣяніями Того, кто одинъ только можетъ извлечь ихъ изъ преступленій, которыхъ, какъ онъ самъ убѣдилъ ихъ, они не могутъ даже познать. Но Монтань поступаетъ какъ язычникъ: разсмотримъ его нравоученіе.

Изъ начала, что внѣ вѣры все сомнительно, и принимая въ разсужденіе какъ давно ищутъ истинное и доброе, ни мало не успѣвая утвердить спокойствіе, онъ заключаетъ, что должно предоставить эту заботу другимъ, а самому оставаться въ покоѣ, скользя слегка по этимъ предметамъ, чтобы въ нихъ не увязнуть, напирая слишкомъ сильно; схватывать истинное и доброе при

первомъ ихъ появленіи, какъ можно легче, потому что они такъ нетверды, что стоитъ только не много сжать руку, и они просасываются сквозь пальцы, оставляя ее пустою. Итакъ онъ слѣдуетъ впечатлѣнію чувствъ и понятіямъ толпы, потому что надлежало бы силою принудить себя имъ не вѣрить, и что онъ не знаетъ, какую можно извлечь изъ того пользу, непонимая въ чемъ заключается истина. Убѣгаетъ также печали и смерти, затѣмъ что къ тому побуждаетъ его природное влеченіе, и онъ не хочетъ ему противиться по той же причинѣ. Но онъ не слишкомъ довѣряетъ этимъ движеніямъ страха, и не смѣлъ бы заключить изъ нихъ, что это настоящія бѣдствія; потому что есть также удовольствія, которыя называютъ дурными, хотя природа, говоритъ онъ, гласитъ противное. «Такимъ образомъ, «нѣтъ ничего страннаго въ моемъ по«веденіи, продолжаетъ онъ; я посту-

«паю какъ другіе; и все что они дѣ-
«лаютъ въ безумной мысли, что слѣ-
«дуютъ истинному благу, я дѣлаю по
«другому началу, которое состоитъ въ
«томъ, что какъ вѣроятности одинако-
«вы съ той и другой стороны, при-
«мѣръ и удобство суть тяжести, меня
«увлекающія.» Онъ сообразуется съ
нравами своего отечества, потому что
обычай увлекаетъ его; онъ садится на
коня, потому что конь терпитъ его, но
совсѣмъ не въ той мысли, что имѣетъ
на то право: напротивъ онъ сомнѣ-
вается, не имѣетъ ли это животное
права употребить его самого. Онъ да-
же силою принуждаетъ себя къ из-
бѣжанію нѣкоторыхъ пороковъ; онъ
соблюдаетъ брачную вѣрность по той
причинѣ, что развратъ влечетъ за со-
бою наказаніе, а главное правило его
поведенія состоитъ въ спокойствіи и
удобствѣ. Итакъ онъ отбрасываетъ да-
леко отъ себя эту стоическую добро-
дѣтель, которую изображаютъ съ стро-

гимъ видомъ, суровымъ взглядомъ, съ растрепанными волосами, съ челомъ морщиноватымъ, въ поту, въ положеніи тягостномъ и напряженномъ, въ удаленіи отъ людей, въ мрачномъ безмолвіи, и одинокою на вершинѣ скалы: призракъ, говоритъ Монтань, способный пугать дѣтей, и который вѣчно о томъ и хлопочетъ, чтобы найти спокойствіе, котораго никогда не достигнетъ; тогда какъ ученіе свое выставляетъ простымъ, обыкновеннымъ, забавнымъ, весёлымъ, и, такъ сказать, игривымъ; оно слѣдуетъ тому, что прельщаетъ его, и небрежно шутитъ приключеніями счастливыми и несчастными, погружаясь лѣниво въ спокойную пѣгу; оттуда оно возвѣщаетъ людямъ, которые такъ заботливо доискиваются счастья, что это счастье здѣсь только находится, и что *невѣдѣніе и нелюбознательность — два лучшія изголовья для хорошо устроенной головы*, какъ онъ самъ говоритъ.

III.

Читая Монтаня, и сравнивая его съ Эпиктетомъ, нельзя не удостовѣриться, что они были конечно два величайшіе защитника двухъ знаменитѣйшихъ школъ языческаго міра, которыя одни только изъ числа людскихъ ученій, чуждыхъ свѣта истинной вѣры, представляютъ нѣкоторую связь и послѣдовательность. Дѣйствительно, безъ помощи откровенія, остается только слѣдовать той или другой изъ этихъ двухъ системъ! Первая гласитъ: Есть Богъ, слѣдовательно онъ создалъ человѣка; онъ создалъ его для него самого: создалъ его такимъ, какимъ ему должно быть, чтобы сдѣлаться праведнымъ и счастливымъ: слѣдовательно человѣкъ можетъ познать истину, и способенъ мудростью вознестись до Бога, который есть его Верховное благо. Вторая система говоритъ: Чело-

вѣкъ не можетъ вознестись до Бога, его наклонности противорѣчатъ закону ; онъ способенъ искать свое счастье въ благахъ видимыхъ, и даже въ самыхъ постыдныхъ дѣлахъ. Итакъ все кажется сомнительно, и истинное благо такъ же: и вотъ что по видимому не позволяетъ намъ имѣть ни постояннаго правила для нравовъ, ни удостовѣренности въ наукахъ.

Весьма любопытно разобрать въ этихъ различныхъ сужденіяхъ, что и тѣ и другіе успѣли подглядѣть въ *истинѣ*, которую старались познать. Дѣйствительно, если пріятно наблюдать въ природѣ желаніе ея изобразить Бога во всѣхъ ея произведеніяхъ, въ которыхъ видны нѣкоторыя черты его, тѣмъ болѣе занимательно различать, въ умственныхъ твореніяхъ, усилія разума проникнуть истину и замѣтить, въ чемъ онъ ея достигаетъ и въ чемъ отъ нея уклоняется? Это глав-

ная польза, которую должно извлечь изъ своего чтенія.

Кажется, что источникъ заблужденій Эпиктета и Стоиковъ съ одной стороны, Монтаня и Эпикурейцевъ съ другой, заключается въ томъ, что они не знали, что положеніе человѣка, въ *настоящее время*, отличается отъ положенія его при *сотвореніи*. Одни, замѣчая нѣкоторые слѣды его перваго величія и незная его развращенности, обращались съ природою какъ съ здоровою и нетребующею исправленія; это убѣжденіе привело ихъ на высшую степень надменности. Другіе, чувствуя его настоящую немощь, и незная его перваго достоинства, выставляютъ природу естественно слабою и неисправимою: это начало ввергаетъ ихъ въ отчаяніе достигнуть истиннаго блага, а въ слѣдствіе того въ крайнее малодушіе. Два эти положенія, которыя надлежало познать вмѣстѣ, чтобы увидѣть всю истину, познаваемыя отдѣль-

но, необходимо ведутъ къ одному изъ двухъ пороковъ — *гордости* или *бездѣйствію*, въ которые неминуемо погружены всѣ люди до *просвѣтленія* ихъ *Откровеніемъ*; малодушіе не позволяетъ имъ вытти изъ круга своихъ безпорядковъ, и одна только гордость ихъ исторгаетъ изъ него; и такимъ образомъ всегда остаются рабами духовъ зла, которымъ, какъ замѣчаетъ Блаженный Августинъ, приносятъ многія различныя жертвы.

Отъ этихъ-то неполныхъ познаній приключается, что одни, зная наше безсиліе, и не понимая долга, впадаютъ въ малодушіе; другіе же, понимая долгъ, но незная нашей слабости, заносятся въ гордость. Быть можетъ подумаютъ, что соединивъ эти два начала, можно образовать совершенное нравоученіе; но вмѣсто этого мира, послѣдовали бы отъ ихъ совокупленія только война и всеобщее разрушеніе:

дѣйствительно, одни утверждаютъ достовѣрность, другіе—сомнѣніе, одни величіе человѣка, другіе слабость его, и такимъ образомъ они никогда не могутъ сойтись и согласиться; они не могутъ ни существовать порознь, по причинѣ недостатковъ, ни соединиться, по причинѣ противорѣчія мнѣній.

IV.

Но мнѣнія эти должны разбиться и уничтожиться, чтобы уступить мѣсто *Откровенію*. Оно-то соглашаетъ противорѣчія самыя рѣзкія, съ искусствомъ совершенно божественнымъ. Соединяя все что есть истиннаго, изгоняя все ложное, оно съ мудростью, подлинно небесною, указываетъ точку, въ которой сходятся противоположныя начала, повидимому несогласимыя въ ученіи чисто человѣческомъ. Вотъ тому причина: мудрецы

міра заключили противоположности въ одномъ и томъ же предметѣ; одинъ приписывалъ силу природѣ, другой — той же природѣ приписывалъ слабость, что̀ не можетъ быть. Вѣра, напротивъ, научаетъ насъ полагать ихъ въ предметахъ различныхъ: вся слабость принадлежитъ природѣ, вся сила Божіей помощи. Вотъ удивительное, небывалое сочетаніе, которое могъ указать одинъ только Богъ, которое онъ одинъ могъ осуществить, и которое есть не что иное, какъ образъ и дѣйствіе неизрѣченнаго сочетанія двухъ природъ, въ одномъ лицѣ *Бого-Человѣка*. Такъ Философія нечувствительно приводитъ къ богословію; и трудно не войти въ него, о какихъ бы истинахъ ни разсуждали, потому что оно есть средоточіе всѣхъ истинъ; это здѣсь очень ясно проявляется, потому что оно такъ очевидно содержитъ въ себѣ все что есть истиннаго въ обоихъ противополож-

ныхъ мнѣніяхъ. И непостижимо, какъ можетъ одно какое-либо изъ нихъ отказаться отъ послѣдованія ему! Можно-ли вообразить что-либо относящееся къ величію человѣка выше *обѣтовъ* Евангелія, которые суть не что иное, какъ достойная мзда Божеской смерти? И никакая мысль о безсиліи человѣческомъ не можетъ сравниться съ истинною грѣховною немощью, которой таже самая смерть была исцѣленіемъ. Въ Евангеліи та и другая сторона находитъ болѣе, нежели чего желала; и что всего удивительнѣе, обѣ стороны здѣсь навсегда примиряются между собою: тогда какъ не могли примириться на степени несравненно низшей!

V.

Христіане вообще мало имѣютъ нужды въ философскомъ чтеніи. Правда,

Эпиктетъ съ удивительнымъ искусствомъ умѣетъ возмутить спокойствіе тѣхъ, которые ищутъ его въ предметахъ внѣшнихъ, и принудить сознать свою слѣпоту и порабощеніе. Онъ вамъ докажетъ, что невозможно избѣжать заблужденія и горести, отъ которыхъ стараетесь избавиться, если не предадите себя совершенно единому Богу. Монтань неподражаемо умѣетъ усмирять гордецовъ, неимѣющихъ Вѣры и хвалящихся истинною справедливостью; разувѣрять людей, придерживающихся ихъ мнѣнія, будто можно, не признавая бытія Божія и совершенствъ Божіихъ, найти въ наукахъ непоколебимыя истины; убѣждать разумъ въ недостаточности его познаній и въ его заблужденіяхъ,— доказывая, что трудно послѣ этого отважиться на то, чтобъ отвергать *Таинства*, потому только что въ нихъ встрѣчаются противорѣчія: ибо разумъ здѣсь такъ

убить, что онъ старается устранить отъ того, чтобы судить — возможны-ли Таинства. Люди съ обыкновеннымъ умомъ это очень часто и дѣлаютъ. Но Эпиктетъ, возставая противъ бездѣйствія, ведетъ къ гордости, и можетъ быть вреденъ для тѣхъ, которые не убѣждены въ тлѣнности всякой правды, неистекающей отъ Вѣры. Монтань рѣшительно пагубенъ для тѣхъ, которые сколько-нибудь склонны къ нечестію и порокамъ. Вотъ почему чтеніе этихъ Философовъ, должно быть распредѣляемо съ большою осторожностью и вниманіемъ къ состоянію и нравамъ того, кто ими занимается. Впрочемъ, въ соединеніи, кажется, они должны имѣть благой успѣхъ, потому что одно зло противится другому. Пусть они не могутъ дать добродѣтели, зато не даютъ покоя въ порокахъ: потому что здѣсь сходятся двѣ противоположности, изъ которыхъ одна гонитъ гордость, а дру-

гая — бездѣйствіе, и человѣку трудно предаться которому-либо изъ пороковъ по убѣжденію, или избѣжать ихъ всѣхъ.

—

СТАТЬЯ XII.

О мірской знатности (*).

I.

Если хотите имѣть настоящее понятіе о вашемъ санѣ, вотъ вамъ его изображеніе.

Нѣкто былъ заброшенъ бурею на незнакомый островъ, котораго жители

(*) Паскаль обращается къ молодому человѣку знатнаго происхожденія, Артуру де Гуффье, дюку де Роаннесъ.

отыскивали своего царя, пропавшаго безъ вѣсти. По случаю, онъ былъ похожъ на царя и ростомъ, и лицомъ; былъ принятъ за того, кого искали, и народъ призналъ его своимъ государемъ. Сначала онъ не зналъ, какъ поступить; наконецъ рѣшился слѣдовать своему счастью. И вотъ онъ принялъ всѣ почести, которыя воздали ему, и сталъ поступать по царски.

Но такъ какъ онъ не могъ позабыть своего настоящаго званія, то всякой разъ, принимая почести, думалъ, что онъ не тотъ царь, котораго искалъ народъ, и что государство не ему принадлежитъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ двоякую думу: по одной всѣ себя, какъ должно царю: другою, сознавалъ свое настоящее состояніе, припоминая, что одинъ только случай доставилъ ему возвышеніе. Эту послѣднюю мысль онъ таилъ въ себѣ, и обнаруживалъ только первую. По первой

онъ обращался съ народомъ, по второй съ самимъ собою.

Не воображайте и вы, что менѣе случайности въ обладаніи тѣми богатствами, которыя достались вамъ, чѣмъ въ судьбѣ человѣка, сдѣлавшагося царемъ. Вы не имѣете на нихъ права ни сами по себѣ, ни по природѣ вашей, точно какъ и онъ: вы обязаны безчисленному множеству случайностей, не только тѣмъ, что происходите отъ герцога, но и тѣмъ даже что родились на свѣтъ. Рожденіе ваше зависитъ отъ брака, или лучше отъ браковъ всѣхъ вашихъ предковъ. А отчего зависѣли эти браки? Отъ случайнаго визита, отъ нѣсколькихъ словъ брошенныхъ на воздухъ, отъ тысячи совсѣмъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Скажете: вы получили владѣніе отъ предковъ; но ваши предки пріобрѣли и сохранили его для васъ, не по милости ли случая? — Тысячи другихъ

людей, не менѣе ихъ искусныхъ, или не могли пріобрѣсть богатствъ, или пріобрѣтши растеряли. Порядокъ перехода къ вамъ имуществъ отъ предковъ основанъ на волѣ законодателей, которые могли имѣть свои причины постановить его. Еслибъ имъ вздумалось постановить, чтобы имущество, которымъ владѣли предки ваши при жизни, было обращено по смерти ихъ въ пользу государства, вы не имѣли бы никакого права жаловаться на это распоряженіе.

Итакъ право, по которому владѣете нынѣшнею собственностью, не на природѣ основано, а на учрежденіи человѣческомъ. Иной оборотъ произволенія людей, издававшихъ законъ, и вы бы получили въ удѣлъ — *бѣдность!* Только случай, что вы родились вмѣстѣ съ изданнымъ закономъ, который вамъ поблагопріятствовалъ, ввелъ васъ въ права обладанія.

Не говорю, что владѣніе не принадлежитъ вамъ законно, и что позволительно другому отнять его у васъ. Самъ Богъ, какъ Вышній Распорядитель, внушилъ мысль человѣкамъ постановить законъ о раздѣлѣ имѣній, и когда законъ постановленъ, несправедливо нарушать его. Этимъ-то Богъ и утвердилъ ваши права обладанія, или васъ управомочилъ. Однако же ваше право на обладаніе — не на личныхъ вашихъ качествахъ или преимуществахъ основано. Ваша душа и ваше тѣло сами по себѣ такъ же могли принадлежать къ состоянію простаго человѣка, какъ и къ состоянію герцога; и нѣтъ въ вашей природѣ узла, который привязывалъ бы васъ болѣе къ одному, чѣмъ другому состоянію.

Что̀ слѣдуетъ изъ этого? — и вы должны имѣть, какъ выше сказано, *двоякую мысль;* обращаясь наружно съ людьми, соотвѣтственно вашему сану, должны сознавать мыслью, бо-

лѣе сокровенною, но и болѣе истинною, что по природѣ не имѣете передъ другими преимущества. Если мысль общественная ставитъ васъ выше толпы, пусть другая, внутренняя мысль, понижаетъ васъ и содержитъ въ совершенномъ равенствѣ съ прочими: это — ваше природное состояніе.

Народъ, который смотритъ на васъ съ подобострастіемъ, быть можетъ не знаетъ этой тайны. Онъ думаетъ, что знатность есть существенное величіе, и почти считаетъ знатныхъ совершенно другой природы. Пожалуй, не выводите его изъ заблужденія; но и не употребляйте вашего превосходства во зло: особенно не ошибитесь въ самихъ себѣ, воображая будто ваше существо дѣйствительно превосходнѣе другихъ.

. . . . . .

Какъ важно это предостереженіе! Заносчивость знатныхъ, ихъ высокомѣріе и гордость, оттого и происхо-

дятъ, что они не понимаютъ своего настоящаго положенія: если бы они считали другихъ себѣ равными, если бы они убѣждены были, что нѣтъ ничего въ нихъ особенно заслуживающаго эти маленькія преимущества, которыя Богъ далъ имъ передъ другими, конечно не обращались бы съ ними такъ величаво. Иначе надобно забыть самого себя, и вообразить, что подлинно имѣешь какое-либо существенное превосходство надъ другими! въ томъ и заключается заблужденіе, которое я постараюсь раскрыть.

II.

Вы должны знать, чего вправѣ требовать отъ другаго, для того чтобъ вы не вздумали требовать того, на что̀ не имѣете права; тутъ была бы явная несправедливость, а между тѣмъ она очень обыкновенна въ лю-

дяхъ вашего состоянія, потому что вы ее не понимаете.

Въ свѣтѣ есть двоякаго рода преимущество: *условное* и *природное*. Условное зависитъ отъ установленій, которыми возвышены нѣкоторыя состоянія, и привязано къ нимъ особенное уваженіе. Сюда относятся санъ и знатность породы. Въ иныхъ странахъ дворянство въ чести, а въ другихъ простолюдины: въ иныхъ отдаютъ предпочтеніе старшимъ, а въ другихъ младшимъ. Почему? потому что такъ установлено. Пока не было условія, не было въ томъ и никакой разницы: но сдѣлавъ одинъ разъ условіе, несправедливо уже нарушать его.

Преимущество естественное независимо отъ произвола человѣческаго: оно состоитъ въ существенныхъ качествахъ души и тѣла, которыми отличаются люди одинъ отъ другаго; сюда относятся — умъ, образован-

ность, знаніе наукъ и искусствъ, добродѣтель, здоровье, сила.

Мы всегда обязаны чѣмъ-нибудь тому и другому преимуществу; но какъ они не одинаковаго свойства, то и почтеніе не должно быть къ нимъ одинаково. Преимуществу условному, мы обязаны и уваженіемъ условнымъ, то есть, сохранить нѣкоторые наружные обряды, которые должны быть сопровождаемы, какъ я выше сказалъ, внутреннимъ сознаніемъ справедливости этого порядка, — хотя бы мы и не были убѣждены въ существенномъ достоинствѣ того, кому наружно воздаемъ почесть. Передъ инымъ надо стать на колѣни, а передъ другимъ — выпрямиться. И безразсудно было бы не сохранить этого наружнаго обряда.

Но что̀ касается до почтенія естественнаго, которое состоитъ въ уваженіи внутреннемъ, мы должны воздавать его только преимуществу есте-

ственному. Нѣтъ необходимости уважать васъ за то, что вы герцогъ, но поклониться нужно. Если вы герцогъ и честный человѣкъ, я отдамъ должное тому и другому качеству. Я не откажу вамъ ни въ наружномъ знакѣ уваженія, котораго требуетъ вашъ санъ, ни въ внутреннемъ почтеніи, которое заслуживаетъ ваше качество честнаго человѣка. Но будьте вы герцогъ и безчестный человѣкъ, я и тутъ отдамъ должное съ моей стороны: то есть, я сохранилъ бы наружный обрядъ почтенія, который условно привязанъ къ вашему сану, а внутренно питалъ бы отвращеніе, которое возбуждаетъ низость души вашей.

Вотъ въ чемъ заключается справедливость этихъ обязанностей. Несправедливость заключается въ привязываніи естественнаго уваженія къ достоинству условному, или въ требованіи условныхъ почестей для достоинства естественнаго. Такой-то искуснѣе

меня въ геометріи. По этому преимуществу, онъ хочетъ итти впереди меня: я скажу ему, что онъ ошибается. Геометрія есть достоинство естественное; оно требуетъ бо́льшаго уваженія; но люди не привязали къ нему никакого наружнаго предпочтенія. Итакъ я все таки пойду впередъ, и буду цѣнить его выше себя въ качествѣ геометра. Такъ точно, если вы, будучи герцогъ и перъ, не довольствуясь тѣмъ, что буду стоять передъ вами съ открытою головою, изъявите притязаніе на мое уваженіе внутреннее; я попрошу васъ показать мнѣ ваши качества, заслуживающія мое уваженіе. Если вы успѣете въ томъ, вы пріобрѣтете конечно мое уваженіе, и мнѣ нельзя будетъ справедливо отказать въ немъ; если жъ вы не сдѣлаете того, ваше требованіе несправедливо. —

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

III.

И такъ, я хочу показать вамъ ваше настоящее положеніе: этотъ предметъ менѣе всего знакомъ особамъ вашего сословія. Что значитъ, по вашему мнѣнію, быть знатнымъ господиномъ? — Располагать многими предметами человѣческаго искательства, и быть такимъ образомъ въ состояніи удовлетворять нуждамъ и желаніямъ многихъ. И именно эти нужды и эти желанія манятъ ихъ къ вамъ и отдаютъ въ вашу власть: безъ того они и не глядѣли бы на васъ; но они надѣются, безпрестанно прислуживая и угождая вамъ, воспользоваться нѣкоторою частью этихъ благъ, къ которымъ они стремятся желаніемъ, и которыми вы располагаете передъ ихъ глазами.

Богъ окружаетъ себя людьми благосердыми, которые просятъ у Него

благъ любви къ ближнимъ; и потому онъ собственно—Царь любви.

И васъ также окружаетъ небольшое число людей, надъ которыми вы царствуете по своему. Эти люди не всегда одушевлены любовію къ вамъ; они служатъ вамъ иногда въ надеждѣ получить выгоды. По этому васъ нельзя назвать вполнѣ—царемъ любви, но *царемъ людей*, ищущихъ отъ васъ милостей и выгодъ. Царство ваше не обширно; но въ своемъ родѣ владычество ваше походитъ на владычество величайшихъ царей въ мірѣ. И они также властвуютъ надъ людьми, ищущими своихъ выгодъ.

Зная свое природное состояніе, употребляйте средства ему свойственныя, и старайтесь итти именно тѣмъ путемъ, по которому достигли сана. Не силою вы привлекли людей въ подданство: не утверждайте же вашей власти на силѣ, и не обращайтесь съ

ними сурово. Удовлетворяйте ихъ справедливымъ желаніямъ; облегчайте ихъ нужды; полагайте ваше удовольствіе въ милостяхъ; разливайте ихъ сколько можно болѣе, и вы поступите истинно—*по царски.*

Все это однако не поведетъ далеко; и если тутъ остановитесь,—непремѣнно падете: по-крайней-мѣрѣ падете съ честію. Иные такъ безразсудно позорятъ себя скупостью, низкимъ плотоугодіемъ, развратомъ, горячностью нрава, богохульствомъ. Средство, которое вамъ предлагаю, конечно благородное; но все не хорошо подвергать себя бѣдѣ. И вотъ почему не надо ограничиваться этимъ. Не надо привязывать къ себѣ подданныхъ одною корыстью, но стремиться къ царству любви, гдѣ всѣ подданные дышатъ взаимною любовью, и ищутъ только благъ нетлѣнныхъ. Другіе укажутъ вамъ какою стезею дойти; для меня довольно, если я отвратилъ васъ отъ

ложныхъ путей, въ которые, вижу, увлекаются многіе изъ знатныхъ, неимѣющихъ настоящаго понятія о своемъ состояніи.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

—

стр.
О жизни Паскаля и его сочиненіяхъ . . . . . I.

МЫСЛИ ПАСКАЛЯ.

ст. I. Объ авторитетѣ въ предметахъ философскихъ . 1.
— II. Размышленіе о Геометріи вообще. . . . . 18.
— III. Объ искусствѣ убѣжденія . 61.
— IV. Общее понятіе о Человѣкѣ. 92.
— V. Суетность человѣческая, самолюбіе. . . . . 109.
— VI. Слабость человѣческая; невѣрность природныхъ знаній . . . . . 121.
— VII. Несовершенство человѣка. 153.
— VIII. Причины нѣкоторыхъ народныхъ мнѣній . . . 176.
— IX. Нравоучительныя мысли, отрывками . . . . . 191.

стр.
ст. X. Разныя мысли о философіи литературѣ . . . . 231.
— XI. Нѣчто объ Эпиктетѣ и Монтанѣ. . . . . 256.
—XII. О мірской знатности . . 285.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2004

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

AUG 73
N. MANCHESTER,
INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS
0 012 826 984 8